

Ромена Августова

ГОВОРИ! Ты это можешь.

Как развивать
речь ребенка
и учить его
читать,
особенно
в практически
«безнадежных»
случаях

Глаза души

«Этому знанию никто их не обучал, оно в их природе... Зрение особого рода, глаза души, которыми эти дети видят невидимое другим...»

О ком это? О каких детях?.. О каких-то сверходаренных, о гениальных?..

Многие годы Ромена Теодоровна Августова занимается педагогикой речи. Она учит говорить тех детей, которые совсем говорить не умеют и которым говорить трудно из-за поражений мозга(при ДЦП, например) или тяжелых форм заикания.

Отдельную группу среди её учеников составляют дети с синдромом Дауна, или, как их зовем меж собой мы, врачи,-даунята.

Слово «даун» уже стало почти нарицательным для обозначения умственной отсталости. В каждой семье есть некая вероятность рождения такого ребенка, отмеченного перстом судьбы, так отмеченного, что это всем сразу видно: малый рост, нескладное, рыхлое тело, уплощенное монголоидное личико с маленькими узкими глазками. Ежегодно в стране их рождается более двух тысяч. Мутация, генетическое отклонение: одна лишняя хромосома в клетках-как бы отдельная, особая порода внутри человечества. Раньше таких детей, валя в одну кучу с другими олигофренами, называли попросту идиотами. («Идиот»- буквально «иной», «чужой».)

Мне тоже иногда приходилось с ними работать в психиатрических клиниках и диспансерах; не столько, правда, с ними, сколько с родителями-психологически поддерживать. (Ведь рождение дауна-огромная психотравма, удар, который не каждый выдерживает, особенно поначалу...) Когда смотришь ближе, видишь, что при одноприродности кажущейся одинаковости даунята бывают разными, как и обычные, нормальные дети. Некоторые бормочут что-то нечленораздельное, производят странные телодвижения, почти ничего не понимают, пускают слюни. А другие по внешнему поведению близки к норме, общительны, разговорчивы.

Самое же характерное практически для всех-и очень отсталых, и относительно «продвинутых»-какая-то удивительная душевная аура. Даунята, как правило, совершенно неагрессивны и, хотя могут иногда быть беспокойными и суетливыми, всегда добры, благостны и потрясающе сопереживательны, резонансны. Помню, жил у нас в кафедральной психиатрической клинике Первого Московского мединститута «педагогический» дауночек Кеша- его держали главным образом для того, чтобы демонстрировать студентам. Милое создание, веселое, доверчивое и послушное. Очень любил помогать при раздаче пищи и уборке посуды. За фантастическую эмоциональную отзывчивость его называли «наш барометр» или «счетчик Гейгера». Много раз я видел, как Кеша, словно магнитом притянутый, оказывался около какого-нибудь больного, страдающего в данный миг особенно тяжело, и начинал страдать вместе с ним: плакал, стонал, терзался, метался... Уже за два-три часа до того, как у одного

тяжелого эпилептика должен был начаться припадок, кеша не отходил от него и проявлял признаки напряженности и беспокойства, тер себе левый висок. Как потом выяснилось при электроэнцефалографии, эпилептический очаг у этого пациента находился именно в левой височной доле!..

На уровне чувств существа гениальные, даунята неполноценны по части интеллекта, это очевидно. Но вот нашелся, наконец, человек доказавший, что и это не так или, скажем точнее, вовсе не так.

Открытие Ромены Августовой: доказательство и методическое обоснование того факта, что дети с синдромом Дауна педагогически не безнадежны, а только особо зависимы, сверхзависимы от того, *как* с ними занимаются, *как* их учат. Они обучаемы до уровня по крайней мере среднего образования. Их можно научить не только нормальной членораздельной речи, но и чтению, и письму, и арифметике, и многому другому. А главное – привить желание учиться и стремление к самосовершенствованию – как раз то самое человеческое из человеческого, что так часто, увы, убивает в зародыше наше так называемое воспитание и так называемая педагогика, превращающая в идиотов нормальных детей.

«На моих глазах происходит превращение безгласного существа в личность, в ребенка, которому всё интересно, который думает, рассуждает, читает, проявляя при этом удивительные настойчивость и терпение».

Это о них, о даунятах. Какой родитель не пожелал бы этого для своего ребенка, самого что ни на есть полноценноно?..

Жан Ванье, великий подвижник нашего времени, создавший уникальное сообщество для жизни психически неполноценных и умственно отсталых детей и взрослых, сказал, что такие люди нужны человечеству, чтобы оно училось открывать в себе Бога, училось любви. Вернее не скажешь. И в этом же главный смысл того труда, который у вас в руках, дорогой читатель.

Ромена Августова – не просто педагог от Бога, умеющий то, что не умеют другие. Она учитель родителей, учитель учителей – и, не побоюсь пафосности, именно учитель любви, натающей любви к ребенку – зрячей и трезвой, без иллюзий и сантиментов. На каждой странице её книги – россыпи опыта, жемчужины мудрости. Написано ясно и ярко, захватывающе легко – так, как она ведет и свои занятия.

Это книга, которую стоит прочесть всем, у кого есть дети, и каждому, кто только ещё собирается стать родителем, каждой матери и отцу. Каждому педагогу.

Каждому человеку.

ВЛАДИМИР ЛЕВИ,
Доктор медицины и психологии,
президент Фонда психологической помощи

*Памяти моей матери –
Ярославы Георгиевны Августовой,
большого друга маленьких детей*

От автора

В нашей стране в течение долгих лет дети с синдромом Дауна признавались необучаемыми. Это мнение было общепринятым, повсеместным и не подлежащим оспариванию – в том числе и в профессиональной среде. И если необходимость создания разнообразных методик по обучению детей-инвалидов всех прочих категорий ни у кого не вызывала сомнений, то для детей с синдромом Дауна это считалось бесполезным. Теперь, когда отношение к этим детям стало меняться, мы сталкиваемся с тем печальным обстоятельством, что в работе с ними как специалисты, так и родители вынуждены опираться только на зарубежный опыт. Но одна из самых тяжелых проблем детей с синдромом Дауна – задержка речевого развития. И совершенно очевидно, что ни одно практическое руководство зарубежных специалистов помочь в данном случае не может, ибо обучение языку невозможно без учета его конкретной специфики. Рекомендации в данном случае могут носить только общий характер. Оставляя в стороне орфоэпические особенности, назовем хотя бы немного из того, что делает русский язык одним из самых трудных языков мира, - сюда входит многообразие лексики, сложность словообразовани, особенности предложно-падежной системы, огромное количество производных слов, подвижные ударения, богатство синтаксических моделей. Как правило, овладение даже элементарными навыками разговорной речи у детей с синдромом Дауна надолго запаздывает. Довольно часто люди с синдромом Дауна не говорят вовсе.

Если в Москве и Санкт-Петербурге специалисты начинают поворачиваться лицом к проблемам инвалидов, которые в течение долгого времени были лишены их внимания, то на огромных просторах России, вдали от центра, родители таких детей не получают никакой помощи и самостоятельно не только не в состоянии справиться с трудной задачей обучения детей родному языку, они не знают, с какой стороны к этому вообще подобраться.

На протяжении нескольких лет я занимаюсь с группой детей Московской ассоциации «Даун-синдром». Мною разработана методика развития речи, а также методика обучения чтению детей с синдромом Дауна, первую из которых я подробно излагаю в этой адресованной родителям книге. По такой же методике занимались дети с диагнозами гидроцефалия, олигофрения и

детский церебральный паралич: все трое попали ко мне случайно, и у всех троих был один и тот же результат – они научились говорить и читать.

Опыт моей работы убеждает меня в том, что возможности детей с синдромом Дауна не ограничены узким кругом бытовой лексики, навыками элементарного самообслуживания и овладения каким-нибудь несложным делом наподобие изготовления прищепок. Способность к росту и развитию интеллекта у них безусловно шире, чем это принято считать.

Но проблема заключается не только в отсутствии разработанных методик обучения детей с синдромом Дауна. Родители этих детей тоже должны учиться. Воспитывать ребенка вообще непростая задача. А в данном случае мать и отец растят малыша, к которому не всякий специалист знает, как подступиться. Тем более что мать и отец – это люди, психике которых нанесен тяжелейший удар...

Когда женщине сообщают, что у неё родился ребенок с синдромом Дауна, она испытывает потрясение, от которого никогда уже не сможет оправиться. Можно загнать боль внутрь, можно привыкнуть ко всему, но ни одна мать не сможет забыть слов, которыми иной врач, представитель самой гуманной в мире профессии, приветствует появление такого ребенка на свет: «Он никогда вам сознательно не улыбнется, он будет лежать, пуская пузыри, говорить он никогда не будет». И всё в таком роде.

Женщине, которая девять месяцев ожидала чуда, со всех сторон внушают, что вместо чуда родила она «не ребенка, не лягушку, а неведому зверюшку». Далее её и малыша ожидают косые взгляды на улице, на детской площадке, в метро, где она услышит что-нибудь вроде: «Нарожали от алкоголиков, а теперь мучают себя и других».

Не всем, далеко не всем дано осознание того, что любая человеческая жизнь – это то, что дано нам свыше и что требует не просто уважения. Великий немецкий гуманист Альберт Швейцер писал о *преклонении* перед жизнью.

Где оно, это преклонение?

Не просто жалость должны вызывать инвалиды, а глубокое сострадание и изначальное понимание того, что все мы равны перед Богом.

Я адресую эту книгу тем родителям, которые, не перекладывая свой крест на чужие плечи, мужественно борются за достойную жизнь – свою и своего ребенка. Тем специалистам – врачам, педагогам, воспитателям, медсестрам, нянечкам специальных детских учреждений, которые вместе с такими родителями сражаются с косностью, жестокостью, эгоизмом, профессиональным невежеством, все силы души отдавая выполнению своего долга.

Усилия эти бесполезны. По предлагаемой мною методике ребята ристуют к занятиям в 2,5-3 года. Уже через год словарный запас ченика оказывается вполне достаточным для построения фразовой речи на начальном уровне. К 4-5-летнему возрасту постановка звуков оказывается

почти полностью завершённой, а речь ребенка включает значительный по объему словарь. К этому времени дети уже достаточно свободно выражают свои мысли, вводят в свою речь развернутые соподчиненные предложения. Речь их обогащается литературными оборотами, они фантазируют, без труда воспроизводят подробности воображаемых ситуаций, ведут между собой диалоги воображаемых персонажей. Их устные импровизации свидетельствуют о том, что развитие образного мышления и способности к абстрагированию, так же как у нормальных детей, тесно связаны у них именно с развитием речи. Параллельно с этим трех-четырёхлетние дети учатся читать и не только не отстают в этом от своих нормальных сверстников, но, я бы даже сказала, опережают их.

Я особенно подчеркиваю неделимость и одновременность процесса овладения активным словарем с овладением пространственными, временными и прочими понятиями, способностью к абстрагированию и обобщению, с повышением уровня представлений от примитивных до все более и более сложных. Настойчивое внимание чистоте произношения уделяется и в дальнейшем по мере овладения ребенком развернутыми речевыми конструкциями.

Помимо изложения этой методики в книгу включены также рекомендации, которые, как я надеюсь, помогут родителям в решении некоторых проблем, связанных с коррекцией поведения ребенка. Ибо быть родителем ещё не значит быть педагогом. Действия самих родителей нуждаются в коррекции. Кроме распространенных ошибок они допускают ошибки типичные для данного случая. Болезненно воспринимая реакцию посторонних на неправильное поведение ребенка, родители зачастую не замечают того, что сами относятся к нему как к *неспособному* *понять*. Они либо заслоняют его собой, защищая непроницаемой стеной от окружающего мира, который представляется им сугубо враждебным, либо допускают по отношению к ребенку нетерпеливое и грубое насилие. Они недооценивают возможности, скрытые в их детях, а порой и не догадываются о них.

И если я обращаюсь к многолетнему опыту работы также и с нормальными детьми, то потому что уверена – принципы воспитания нормального ребенка и ребенка с синдромом Дауна едины. К вопросу о воспитании в ребенке с синдромом Дауна усидчивости, целеустремленного внимания, сосредоточенности, вообще умения себя вести, без которых обучение невозможно в принципе, мы не раз обратимся в этой книге. Эти качества прививаются исподволь, обусловлены интересом к делу и воздействием личности педагога, который должен быть для ребенка, во-первых, непререкаемым авторитетом и, во-вторых, близким и любимым человеком.

«Научите моего ребенка говорить!» - сколько раз мне приходилось слышать эту фразу. Но научить говорить – это ещё не всё. Нормальный ребенок совершенно свободно разговаривает иной раз уже в три года. Разве

мы ставим точку? Разве на этом заканчивается его развитие? Сколько предстоит ещё понять, узнать, усвоить! Весь вопрос в том, *что* будет говорить ребенок, когда научится это делать.

Оле 22 года. Говорит она совершенно чисто. Она приехала из Петербурга, и я спрашиваю её: «А что такое Петербург?» - «Река а Москве», - отвечает Оля.

А вот группа взрослых людей с синдромом Дауна – 16 лет, 28 лет, 34 года, 38 лет. Они сидят, ждут начала репетиции самодеятельного театра. Все они закончили школу, все говорят – кто лучше, кто хуже. Они не задают друг другу вопросов, не делятся впечатлениями от увиденного по телевизору фильма, не обсуждают своих проблем. Со своими домашними они общаются на бытовом уровне – за этими пределами начинаются незнакомые миры, неохваченные пространства, непаханая целина.

Однако за их замкнутостью, за отчуждением от постороннего, равнодушного и зачастую враждебного взгляда скрыто своеобразие их собственного мира. Мира людей, которые остаются детьми и в котором непредубежденный человек может многое, очень многое открыть для себя.

Так какие же они на самом деле? Каким путем вести ребенка с синдромом Дауна? На что можно рассчитывать? Чего ожидать?

Этот загадочный ребенок

...Но есть ещё на свете
У нас чудесные друзья,
Которым имя – дети.

На первый взгляд Сережа производит довольно-таки безотрадное впечатление. Рот постоянно открыт, язык изи рта вываливается, лицо – застывшая маска. Ему 9 лет, он не говорит ни слова.

Что не обнаруживается при более близком знакомстве? Тоже, казалось бы, ничего обнадеживающего. Он непослушен и упрям. В детском саду под Екатеринбургом его не держали ни часа: мальчик казался неуправляемым, какое бы то ни было педагогическое воздействие – невозможным и неосуществимым.

Сережа пришел на урок в сопровождении мамы. Первым делом он хватает стоящую в коридоре лыжную палку и старается сбить со шкафа футляр со скрипкой. Наши уговоры на него не действуют. В конце концов я нахожу выход – ставлю на проигрыватель пластинку.

Мальчик преображается. Все то время, что звучит скрипичный концерт Паганини, он имитирует игру скрипача: в одной руке у него «скрипка», в другой – «смычок», которым он якобы водит по струнам. Руки у Сережи необыкновенно пластичные, взгляд осмыслен, глубокий, серьезный. Совсем-совсем недетский взгляд.

Музыка замолкает, скрипач раскланивается, концерт окончен.

Рассматриваем картинки в книге. Стол уставлен яствами. Три ведьмы угощаются вином и жареной дичью. И Сережа заводит громкую песню. Ну как же – застолье!

Следующая картинка. Ласточки образовали хоровод в небе, слева и справа – фигуры музыкантов. И снова «взяв скрипку», Сережа кружится по комнате – прямо-таки Иоганн Штраус!

Ещё один «музыкант». Стоя перед воображаемым оркестром, Алеша листает воображаемую партитуру, дает оркестру вступление, затем останавливает музыкантов. Глядя в несуществующие ноты, о чем-то сосредоточенно думает, тихонько постукивая несуществующей дирижерской палочкой, и снова взмахивает руками. Все оттенки звука от мощного форте до тишайшего пиано подвластны его дирижерскому жесту. Духовная группа! Энергичнее, черт бы вас побрал! Скрипачи – трепетнее, нежнее!

Сыграли. Движением обеих рук Алеша поднимает оркестр, кланяется, повернувшись лицом к публике.

Где он это видел? Алеша живет в небольшом городке Читинской области, телевизионного канала «Культура» ещё не существовало, когда они с мамой приезжали в Москву на занятия.

Во всех подробностях воспроизводит он действия работника дорожной милиции. Свисток. Милиционер жезлом остановил мою машину, приказал подъехать к тротуару. Козырнул, заглянул в окошечко. Приходится выбираться из кабины, предъявлять права. Надев наручники, меня ведут в отделение – очевидно, я уже не просто нарушитель правил дорожного движения, а опасный преступник. Стою, упершись двумя руками в дверцу шкафа, пока меня по всем правилам обыскивают. Перед тем как писать протокол, милиционер, подпершись рукой, задумчиво и с укоризной долго смотрит на меня: дескать, докатился? Что будем делать?

5-летний Сима изображает Деда Мороза. Взвалив на спину свой пакет с книгами, кряхтя и согнувшись в три погибели, он ходит по комнате и затем удаляется, положив пакет на диван. «Сима, ты свой пакет забыл!» - я не сразу соображаю, что он ничего не забыл, он оставил нам мешок с подарками.

Ни Сережа, ни Алеша, ни Сима не говорили ни слова, но разве им откажешь в наблюдательности? В московском детском саду, который наряду с нормальными детьми посещают дети с синдромом Дауна, за Симой приходится следить особо, ибо он проявляет чудеса изобретательности, забираясь в самые труднодоступные места: его приходилось вытаскивать из раковины, в которой он возлежал, поливая себя водой из крана, снимать с подоконников. Дважды, несмотря на неусыпный надзор, ему удавалось выскользнуть на улицу, где его подбирала милиция. А вот он пытается влезть на шкаф. Попытка кажется мне безнадежной. «Залезет! Вот увидите!» - уверенно говорит его мама.

Поведение ребенка с синдромом Дауна очень часто хаотично, неорганизовано, это очень импульсивные дети. Конечно, встречаются и вполне покладистые, послушные малыши, но поговорим сначала не о «мямликах», а о «шустриках».

Итак, «шустрики». Очень беспокойный народ!

Что-то просят, упрямо и настойчиво. Не успеешь дать – интерес уже потерян. Куда-то лезут, что попало хватают, хлопают дверцей шкафа, крутят и вертят все, что можно крутить и вертеть.

С непостижимой быстротой 6-летний Коля – Коля-ураган – успевал выдернуть шнур из розетки, наступить ногой на упавшие на пол часы, сбегать на кухню и сжечь на плите пластмассовый фонарик – копоть и дым взвились до потолка. Он уже в пальто и шапке, слава богу, на этот раз ничего не сломал. Нет, ворвался в комнату, хватает со стола очки. Тресь! Сломано. Успел-таки! Не расслабляйтесь.

Натерпелась я от этого Коли! И тем не менее по прошествии некоторого времени Колю можно было почти безбоязненно оставить наедине с очками, часами, проигрывателем. «Читаем.Пишем», - подбадривая себя этими

словами, Коля усердно складывал карточки со слогами, составляя из них слова, и исписывал волнистыми линиями целые страницы.

Родители такого ребенка находятся в вечном напряжении, их нервная система испытывает колоссальную нагрузку. «Не трогай! Уронишь! Разобьешь! Положи на место! Да не хватай ты! Куда лезешь?» Бац по затылку! Шлеп по руке! Хлоп по спине!

Стукнули по рукам, вырвали, оттолкнули, оттащили. Добиваетесь вы этим только одного – в следующий раз ребенок постарается опередить вас, ещё быстрее, ещё ловчее схватить, швырнуть, стукнуть.

Он ничего не осознал, ничего не понял. Почему не брать? Почему положить? Объяснений никаких, нельзя – и все! Улучив момент, он повторит свои действия, будьте уверены.

Ребенок должен научиться вас *слышать*. Обдумать, понять, усвоить – почему нельзя? Почему можно? Для этого требуется время и совсем не требуются пространные объяснения, длительные нравоучения, изнурительная нотация.

Вы боитесь, что он разобьет чашку, уронит тарелку? «Чем кошку гнать, лучше рыбу убрать» - пусть все, что малыш может разбить или испортить, находится вне пределов его досягаемости. Но самое лучшее – учить его обращаться со всем тем, что может сломаться, разбиться, пролиться и т.д.

Если вы не приучите его крепко держать, осторожно нести, вам ещё долго придется как огня бояться любой его инициативы.

У меня в коинате на очень неудобном месте стоит деревянная вазочка, в ней – карандаши, ручки, игрушечные веник и метла. Детям они постоянно нужны. Достают они их сами. Ни один из них не опрокинет вазочку, хотя добраться до полки, на которой она находится, и затем осторожно извлечь карандаш или метелку – задача непростая.

Перспектива лазить за рассыпавшимися карандашами под стол, выметать их из-под дивана и шкафа отнюдь не казалась мне привлекательной. Тем не менее я терпеливо приучала детей, добираясь до вазочки, соизмерять свои движения, не натываясь на преграды, двигаться в ограниченном пространстве.

«Дай копьё!» - первым делом требует 5-летний Ваня, входя в комнату. Копьё – это лыжная палка без колечка, стоящая в углу. «Зачем тебе?» - «Дракона убить».

Копьё Ваня ненадолго получает. Однако он должен умудриться ничего не задеть своим оружием. Я не думаю, что в ближайшее время он научится ловко фехтовать. Но это лишний повод к тому, чтобы Ваня осмотрелся вокруг, постарался орудовать палкой как можно осторожнее, прислушался к тому, что ему говорят.

«Проигрыватель трогать нельзя!» - настойчиво повторяю я и всякий раз жду, когда ребенок уберет руки *сам*.

Если ребенок бросает что-то на пол – а чаще всего он делает это нарочно, прекрасно зная, что бросать нельзя, я неотступно требую, чтобы он поднял

то, что бросил. Бросать можно шишки из ведра. Это пожалуйста. «Раззудись, плечо, размахнись, рука» - как можно дальше! Бросай, нагибайся и собирай.

Приношу из кухни два ножа: нож с острым лезвием и маленький тупой ножичек с красной рукояткой.

«Какой ужасный нож! Острый! Ни в коем случае не бери! Порезешься до крови! Опасно! А вот это будет наш с тобой ножичек. Смотри – не острый, тупой совсем (провожу по лезвию пальцем). Всегда будем резать этим ножом».

Сравнение проводим не один раз. И затем: «Пойди на кухню, открой ящик, принеси ножичек». Ребенок уже не схватит то, что не надо.

Безусловно, мы все время должны быть начеку. Но присмотритесь к ситуации – на самом ли деле так уж необходимо всякий раз подавлять инициативу ребенка, ограничивая свободу его действий?

Если ребенок тянется к чему-то, что привлекает его ярким цветом, новизной и т.д., это вполне естественно. Я отвожу его руки: «Скажи: можно?» *Не от случая к случаю, а всегда, до тех пор, пока он не научится спрашивать позволения.* Это, помимо всего прочего, приучает его сдерживать свое желание, притормаживает непосредственный импульс. Кошелек, очки, ключи я намеренно держу на столе – это то, что брать *нельзя*. «Вы не оставляйте ключ в дверце шкафа, а то, пока мы одеваемся, Алеша может его вытащить», - просит Алешина мама. Да я его нарочно там держу! И ключ этот уже три года служит великим соблазном, но – *нельзя*. Ребята твердо знают – *нельзя* вытаскивать.

Если малыш, того и гляди, стукнет палкой по телевизору, полезет на подоконник открытого окна, протянет руки, чтобы схватить ручку кастрюли, в которой кипит вода, - в таком случае вы, конечно, должны действовать незамедлительно. Но если ваше дитя желает приобщиться к полезному труду-убрать в раковину грязную посуду, накрыть на стол, полить цветы, самостоятельно одеться, - такой порыв всегда нужно поощрять, как бы вам ни хотелось сделать все самим, да побыстрее.

Не делайте за ребенка то, что он мог бы сделать сам, постепенно и постоянно обучайте тому, с чем он самостоятельно пока не справляется.

Еще не было случая, чтобы, придя с ребенком в первый раз на занятия, родители не тащили за ним пакет с книжками, тапочками, игрушками. Разве он не в состоянии сам это сделать?

В комнату входит крошечный, хрупкий, прямо-таки фарфоровый мальчик Коля. Это не Коля-ураган, сметавший все на своем пути. Это Коля, прозванный у нас «лунным Пьеро» за свой меланхолический характер и пристрастие к спокойной, тихой, печальной музыке – ее он слушает с удовольствием. Коля держит перед собой солидный пакет. «Что там у тебя?» - «Имущество. Учебники». Коля аккуратно выкладывает «имущество» на стол – книги, тетради, сундучок с карточками.

Ни один из детей – ни Коля, ни Ваня, ни Гриша – не уйдет домой, не собрав самостоятельно книги, карандаши, ручки, линейку, не положив в мешочек тапочки, платочек. Они никогда ничего не забывают, не схватят впопыхах чужую тетрадь, не перепутают свои карточки с чужими.

Особой аккуратностью отличается Саркис, он педантичен до невероятности. Все должно находиться на своем месте. Правда, собирая свои учебники, он не прочь прихватить дополнительно машинку, еще чью-то книжку и вообще все то, что может ему в дальнейшем пригодиться, но с этим мы легко справляемся.

Вашему ребенку, с его хаотичностью и внутренней неорганизованностью, с нарушением ориентации, порядок, определенная последовательность ритуалов, привычка все класть на место и в нужном месте потом находить совершенно необходимы. Усвоенные в детстве навыки сохраняются на всю жизнь. «Обучающий ребенка пишет на камне, обучающий взрослого пишет на песке», - гласит восточная мудрость.

Устойчивое душевное равновесие во многом зависит от того, что мы видим вокруг себя. вспомните, как организуют нашу внутреннюю жизнь гармония и красота внешнего мира, как благотворно действует на нас природа, как упорядочивают наше душевное состояние музыка, архитектура, чистота и порядок в окружающей среде. И как, напротив, скверно нам делается, если вокруг хаос, грязь и ералаш.

Очень важно выработать в семье общие принципы, единую систему воспитания, в которую каждый ее член вносит что-то свое, индивидуальное, личное – соответственно темпераменту, возрасту, характеру.

Но, подчеркиваю, принцип должен быть единым. Если вы приучаете ребенка складывать игрушки в ящик, а кто-то делает это за него, то этот кто-то разрушает то полезное, что вы создаете.

Какое отдохновение получает один хорошо знакомый мне мальчик, придя в гости к бабушке! Какой простор для кипучей деятельности! Ему позволено выдвинуть из комода все до единого ящики, вытащить из них белье и разбросать его по всей комнате. Развлекайся, как твоей душевненьке угодно!

Не лучше ли приучить мальчика белье складывать: в одну стопочку маечки, в другую носочки, в третью платки. И сосредоточился, и без дела не сидит. А вот еще занятие – изикучки мелких предметов выбираем и сортируем английские булавки, гвоздики, скрепки, пуговицы, винтики.

Когда, несмотря на огромное противодействие родных и врачей, мать забирает ребенка с синдромом Дауна домой, ее побуждает к этому великий материнский инстинкт. На первых порах родители готовы сделать все возможное, принести любые жертвы, чтобы выходить, вырастить, воспитать малыша. Они ищут врачей, учителей, массажисток, приобретают аминокислоты, лечат лазерным лучом – что еще существует на свете?

Но проходит время – и энтузиазм угасает. Ребенок растет, родители привязываются к нему все больше и больше. Мать и отец убеждаются в том,

что их дитя – славное, милое существо, что они любят его таким, какой он есть, и будут любить всегда: говорящего, неговорящего, агрессивного, спокойного, красивого и некрасивого. Будут любить. Более того – обожать. *Привыкнут* к тому, что у ребенка синдром Дауна.

Родители охладевают к занятиям, все реже и реже появляются на уроках. Жизнь идет своим чередом – работа, праздники, друзья. Все как у людей. Ребенок, правда, болеет часто, ну да кто из детей не болеет?

А вот и братик появился. Или сестричка. Все не так уж плохо, хотя, конечно, трудно.

Но ребенок не игрушка. Наряжая его, балуя, покупая ему игрушки, любя его всей душой, нельзя забывать о том, что он человек, что он будет взрослым. Окружающая его жизнь отнюдь не оранжерея, и вы не сможете вечно заслонять его собою. Все, что вы не сделаете сегодня, когда вы молоды и здоровы, скажется впоследствии, отразится и на вас, и на вашем ребенке.

Если 13-летнему парню мать, нагнувшись, зашнуровывает ботинки, это непростительно. Неужели за столько лет его нельзя было научить делать это самостоятельно? Так быстрее – надо бежать, дел куча. И сколько лет этого мальчика будут одевать, обувать и снаряжать? А ведь мальчиком он будет не всегда.

Родителям этого подростка очень хотелось бы, чтобы все уладилось, но – само собой, без усилий. Хорошо бы найти волшебника, который совершил бы мгновенное чудо. Раз – и ребенок заговорил. Два – и вот он уже читает. Три – ботинки зашнуровал. Но чуда не происходит. Чтобы летать, надо крыльями махать. Для того чтобы оно совершилось, надо работать – настойчиво, упорно, в течение очень длительного времени.

Если ваш ребенок неаккуратен, не в состоянии себя обслужить, виноваты в этом вы, и только вы. Не хватает терпения, делаем все сами. Экономим время.

Ничего вы таким образом не сэкономите. Подумайте о том, сколько лет вам предстоит убирать за ним, собирать его вещи, вновь и вновь делать одно и то же, на что уже нет сил и действительно нет времени. Вы сложили – он разбросал. Он разбросал – вы складываете. Заколдованный круг. Сизифов труд. Авгиевы конюшни.

На урок ребенок приходит с мамой. Они раздеваются, я еще не успела их толком разглядеть, но с самого начала могу довольно уверенно сказать, будет ли эта мама млим помощником. Если я слышу тихий, спокойный, уверенный голос, которым мать направляет действия своего малыша, - можно надеяться на сотрудничество. Если из передней доносится лихорадочная возня, в голосе матери – напряженные интонации человека, который вот-вот сорвется, если ребенок вертится и крутится, хватается в передней то одно, то другое, залезает на стул и хлопает руками по зеркалу – вряд ли что-то получится. А вот слышится не прерываемое ни на секунду мерное бормотание, нескончаемое жужжанье, нотация, к которой ребенок ни на секунду не прислушивается, ибо она стала постоянным фоном, чем-то вроде обоев, на которые смотришь

бог знает сколько времени – и все-таки не можешь вспомнить, какой же узор на них нарисован. Тоже сомнительный вариант.

Точно так же, если, приведя ребенка на занятия, мать, расположившись в кресле или сидя в отдалении на стуле, дремлет, вязет, листает журнал или читает прихваченный из дому детектив, толку не будет. Она поручила своего малыша заботам педагога, и ее совершенно не интересует, как вы собираетесь с ним заниматься. Она взяла на себя труд поить, кормить и одевать ребенка, обеспечивая ему физическое существование. Ей легче примириться с тем, что ребенок у нее несмышлениш, чем совершать усилия по его воспитанию и развитию.

Есть еще одна категория – родители-теоретики. Эти часами могут обсуждать различные системы: то они слышали о каком-то необыкновенном обучающем аппарате, то о великолепных результатах чудо-педагога, живущего где-нибудь за океаном. Они пробуют то одно, то другое, ни на чем подолгу не задерживаясь. Достижения других детей они относят не на счет кропотливого труда и подвижничества, а на счет особой исключительности преуспевшего ребенка – у которого между тем тот же синдром Дауна, что и у их малыша. Как правило, такие родители – заядлые спорщики. И своего ребенка они постоянно критикуют: он и ленивый, и агрессивный, и головка-то у него – поглядите! – маленькая или, наоборот, большая при тщедушном теле, он вообще не такой, как все, - но попробуйте, шутки ради, согласиться с матерью в том, что да, действительно ее ребенок похуже других!

Вместо того чтобы наговорить на рубль, лучше сделать что-то на копейку. Маленькое чудо совершается на каждом уроке – но критически настроенная мать этого не замечает, или ей этого недостаточно. Нетерпение мешает ей оценивать пусть не такое быстрое, как ей хотелось бы, продвижение ребенка на его трудном пути. Ее не увлекает *процесс*, ей нужен *конечный результат* – и как можно скорее. Она донимает педагогов бесконечными «когда»? Когда ребенок заговорит, когда он начнет читать, когда он научится что-то делать сам?..

Рост ребенка, его развитие нельзя подогнать насильно. Мы поливаем дерево, взрыхляем вокруг него почву, удобряем, уничтожаем вредителей. Но разве нам придет в голову тянуть его за вершину, чтобы оно скорее росло? А разве мы раскрываем бутон у распускающегося цветка? Природа сделает это за нас, природа определяет срок вызревания плодов. Природа вложила в растения таинственную энергию роста.

Исключите слово «когда» из своего лексикона! «Когда» наступит само собой, и наступление его целиком зависит от того, что вы делаете сегодня, сейчас, в данный момент.

Ибо какие бы героические усилия ни совершал педагог, как бы он ни был добросовестен и талантлив – без активной родительской помощи ему не справиться. Все навыки, требующие наработки автоматизма, нуждаются в упорной тренировке, и если ваш ребенок лишь два раза в неделю на уроке отработывает произношение звуков, слогов, слов, то хорошего результата

можно и не дожидаться. Все, что делается от случая к случаю, не оставляет прочных следов. Вспомните тренировки спортсменов, каждодневные многочасовые упражнения музыкантов. А репетиции артистов цирка?

Добиться виртуозности в любом деле – значит добиться автоматизма, доведенного до совершенства. Не говоря уже о том, сколь многого не знает ваш малыш по сравнению с нормальным ребенком того же возраста, сколько приходится наверстывать, преодолевая этот разрыв.

Да и кроме того – педагог ведь тоже совершает маленькие и большие открытия на уроках: их подсказывает ему поведение ребенка, его реакция на ситуацию, которая может никогда уже не возникнуть. Постоянство усилий – залог успеха. Урок не состоялся – и что-то может быть утеряно навсегда.

«Я мог бы многое услышать в мире, если бы сам поменьше шумел», - присмотритесь и прислушайтесь к тому, что говорит ваш ребенок, к тому, что на первый взгляд кажется вам несущественным и малозначимым. К его реакции на ваши слова и действия. К собственным его побуждениям.

Как часто, *не умея ни видеть, ни слышать*, мы пропускаем то, что может послужить зерном для дальнейшего роста, стать ключом к разгадке многих секретов. Мы привыкли к своей роли ведущих, мы все знаем, мы – взрослые. Мы всегда правы, мы – образец для подражания. Главное действующее лицо – это мы сами.

Задумывались ли вы когда-нибудь над тем, сколь много мы требуем от ребенка и как мало – от самих себя? «Дети ведь все разные», - со вздохом говорит мне мама неуспевающего ученика. Такого рода жалобы мне приходилось слышать неоднократно – и ни разу не довелось услышать от родителей, что разные не столько дети, сколько они сами.

Ребенок у нас и ленивый, и рассеянный, и упрямый, и неаккуратный. А мы сами? Часто ли взрослые совершают над собой усилие, стараясь исправить собственные недостатки? Мы давным-давно примирились с ними. Мало того, желаем, чтобы окружающие принимали нас такими, какие мы есть, нравится им это или нет. Но что касается детей – о, это совсем другое дело! Тут мы бескомпромиссны. Ругаем, требуем, наказываем. А ведь часто ребенок ленив потому, что дом вверх дном, упрям, - а сами-то мы признаем свои ошибки? Легко соглашаемся с чужим мнением? Ребенок забыл все. О чем говорилось на занятиях? Но ведь это папа с мамой, развлекаясь на даче у друзей, пропустили с ним два последних урока и теперь наспех, в последнюю минуту, стараются втиснуть в его голову то, что было задано в расчете на несколько дней. «Я сам!» - кричит ребенок, он непременно хочет самостоятельно снять ботинки, но мать решительно отстраняет его: не времени у нее нет – нет терпенья. Опоздав на пол-урока, злимся, что в оставшиеся полчаса ребенок не может втянуться в работу, ибо, стараясь все-таки уложиться в это время, педагог спешит, нервничает и тоже не дает ему спокойно подумать.

И так далее, и тому подобное. Упиваемся собственной речью, без конца поучаем, многословно, многоречиво, подавляя несогласие, протест, инициативу. У ребенка нет права голоса. Наши «беседы» с ним, особенно в конфликтных ситуациях, - это всегда наш монолог и почти никогда – диалог. Наши обвинительные речи в случае конфликта затягиваются до бесконечности. Моря и океаны слов – никому не нужное красноречие. На все лады ребенку повторяют одно и то же, взывая к его совести, разуму, чувству ответственности и тому подобным абстрактным понятиям. Вот и бабушка подключилась, вмешалась тетя. Семейный хор, многоголосие, в котором ребенок не выделяет самостоятельных партий. То главное, на что вы хотели обратить его внимание, утонуло в словесном потоке. И с чего, собственно, все началось? Сами-то вы помните?

Разговаривать с ребенком, выяснять с ним отношения лучше без посторонней помощи. Tete-a-tete, как говорят французы. Вы не упеваете завести с ребенком разговор, как целый сонм заинтересованных лиц вмешивается в вашу с ним беседу, на все лады варьируя ваш вопрос, замечание и т.п. Вы хотите быть авторитетом для ребенка, хотите, чтобы он воспринимал сказанное вами? Тогда зачем нужны переводчики?

Вас должно быть двое, только двое. Ребенок реагирует не только на слова, он реагирует также на взгляд, интонации вашего голоса, мимику, жесты, паузы. И если вас слишком много, если, как глухому, все разом кричат ему каждый свое, ничего этого он не улавливает. Контакт между вами потерян.

Заметьте, насколько авторитетнее для ребенка замечания отцов. Мужчины, как правило, не столь многословны, их требования лаконичны и мыслью по древу они в большинстве случаев не растекаются.

Чтобы речь была выразительной, доходчивой и убедительной, она должна быть краткой. Не мешайте друг другу. Не будьте многословны. Вспомните: разве опытные, пожилые педагоги бывают многоречивы? Никогда.

Я вела занятия на втором этаже небольшого детского клуба. Уроки окончились, и я спустилась вниз. В гардеробе одевались ребята 9-10 лет. Они вышли из кинозала. Никто не рвался в бой, чтобы первым получить свое пальто, не молотил приятеля по голове портфелем, не кричал петухом, не скатывался по перилам. Тишина была абсолютной. Среди детей неизбежно возвышалась пожилая учительница. Тихим голосом она направляла поток в нужное русло. «Сколько же здесь классов?» - поинтересовалась я. «Три». Три класса! Около ста человек! И никто не издал ни единого звука! А ведь среди детей наверняка находились сорвиголовы, от которых горькими слезами плакала вся школа.

«Фиона! Сегодня ты хорошо занималась. Но если, выйдя в коридор, ты ляжешь на пол, будешь колотить ногами, выхватишь ключ из шкафа, высунешь язык и скажешь мне «кака», в следующий раз никакого чая с

вареньем ты не получишь». Я говорю это очень серьезно, глядя девочке в глаза, впечатывая в ее сознание каждое слово.

Обычно отдаленные перспективы для детей не существуют, но я стараюсь, чтобы Фиона поняла – *так и будет*. «И Витя тебя не будет любить. И к тете Ире на дачу мы не поедим – кому нужна такая плохая девочка?» - подключается мама.

А вот это лишнее – сколько бед на одну голову! Достаточно того, что не будет чая с вареньем. Фиона живет далеко, и после урока перед дальней дорогой она всякий раз подкрепляется чем бог послал. Угощение нехитрое, но обязательное. И Фиона знает, что я говорю всерьез. Рука ее тянется к ключу. Я молчу, не сводя с нее глаз. Нет, не взяла. Дверь за Фионой тихо закрывается. Никаких эксцессов.

Авторитет родителей и педагогов... Если он не завоеван с самого начала, очень трудно поставить отношения на другие рельсы. Возможно, вы не умеете сдерживать себя, когда следует сдержаться, уступаете, когда уступать нельзя, вы непоследовательны, настроение у вас часто меняется, вашу реакцию трудно предугадать. Вы живой человек, вас одолевает множество забот, помимо ребенка с синдромом Дауна в семье есть еще дети, которые тоже требуют внимания. Все время контролировать себя невозможно. И вообще вам трудно. Трудно быть педагогом все двадцать четыре часа в сутки. Ибо педагог – это ведь не просто тот, кто учит читать и писать. И все-таки, как сказал замечательный учитель Шаталов, «любите детей педагогической любовью». Учитесь быть педагогом.

Кто пользуется у детей авторитетом? Чьи команды и просьбы они беспрекословно выполняют? Вспомните дворовые игры, внутришкольную иерархию ребят. Кто у них лидер? Сильный, независимый, отнюдь не сентиментальный парень. По возрасту он старший, он командует, ему охотно подчиняются. Дети гордятся тем, что он удостаивает их своей дружбой.

Для ребенка с синдромом Дауна не существует системы ценностей, который придается значение в коллективе нормальных детей. Хорошая успеваемость, физическая сила, симпатичная внешность – они не способны вынести всему этому оценку, им незнакомо соперничество, желание выдвинуться на первый план. Очень рано, к сожалению, приходит к ним осознание своей неполноценности, но они не анализируют причин и принимают это как данность. Как правило, силою обстоятельств они очень привязаны к родителям целиком от них зависят. Но авторитетны для такого ребенка тем не менее не всякий папа и не всякая мама.

Для того чтобы быть для ребенка непререкаемым авторитетом, надо стать ему настоящим другом – в том смысле, который вкладывают в это понятие дети. Не каждый это может. Если вы присядите на две минуты, чтобы снизойти до игры в куклы или постройки теремка из кубиков, два-три раза прокатите по полу машинку, ребенок совершенно справедливо воспримет это

как мимолетный интерес к его делам, в мире его фантазий вы случайный гость, не более того. Да и играть-то он не умеет, ваш ребенок. Вы никогда его этому не научите, если сами *не умеете играть*. Он слоняется за вами и канючит, либо рвет бумагу в углу, либо отрывает обои, а может, бесцельно роется в каком-нибудь ящике, который вы по недосмотру оставили открытым.

Множеству взрослых людей мир маленького ребенка, его характер, его интересы совершенно чужды – до тех пор пока не появится собственный забавный малыш. Но и тогда мир этот кажется им несерьезным, кукольным, а сами дети хоть и людьми, но какими-то не совсем еще настоящими.

Занятный, милый, но – маленький. Настоящие отношения, дружба – это все впереди, позже, когда подрастет. «Вот тогда на рыбалку вместе сходим. А сейчас – какая дружба? Мне 32, ему 4», - сказал мне папа одного маленького мальчика. Этот папа страшно увлекался жизнью муравьев – что, конечно, вполне оправдано. Он любил ребенка, но о муравьях мог рассказать гораздо больше, чем о собственном сыне. Этот папа, увы, не был рожден педагогом!

Настоящему педагогу интересно читать детские книги, интересно смотреть детские фильмы, интересно играть в детские игры. И какое счастье, когда папа и мама еще и друзья, когда ребенок ощущает их как людей, с которыми у него возникают отношения более высокого уровня, чем просто родственная – пусть даже самая горячая – привязанность.

Как хорошо, когда мы все – интересное и неинтересное – делаем *вместе*. Восхищаемся вместе, удивляемся вместе, напуганы происходящим на экране вместе. Так, и только так. Вы станете другом своему малышу. Вы – свой, такой же, и при этом располагаете тем неоценимым достоинством, что вы – старше, опытнее, можете все объяснить, на вас можно положиться.

«Никого!» - говорит вера и плотно закрывает дверь в комнату, когда я прихожу к ней заниматься. Никто больше не нужен. Как гласит английская поговорка, «наилучшую компанию составляют двое». «Это ко мне», - на ходу бросает 5-летний Ваня К., беря меня за руку. Мы проходим с ним в соседнюю комнату мимо маминых и папиных гостей, сидящих за столом. Взрослый человек приходит не к папе и не к маме, а к нему. Приходит не в качестве только учителя, а в качестве друга – вы представляете, что это значит для ребенка, в особенности если это ребенок с синдромом Дауна?

Сидя под накрытым ватными одеялами столом, я зимовала за Полярным кругом, опускалась на дно морское в батискафе, ловила акул и китов. Какой уют, хоть и суровый, царил в нашей с Женей «палатке»: фонарик, спальный мешок, книги, оружие на стенах! В наших планах намечался поход в пески необозримой пустыни. Придя домой, я бросилась вытаскивать полосатые шнурки из всех кроссовок – желтые с черным, голубые с оранжевым... прекрасные получатся змеи!

Этого Женю я один раз, по предварительной с ним договоренности, ударила. Он имел обыкновение посреди урока ни с того ни с сего

набрасываться на меня сзади, запуская ногти мне в шею, либо хватал меня за руки, оставляя ногтями саднящие ссадины.

«Женя! – сказала я ему. – Твои припадки мне надоели. Есть такие люди – называются они истериками, - которым приходится во время приступа дать хорошую пощечину. И в следующий раз я это сделаю».

Мы сидели на нашем обычном рабочем месте под столом, накрытым одеялами, и читали книгу, когда Женя, заскрипев зубами, впился в меня мертвой хваткой. «Мы договорились», - сказала я и довольно-таки сильно хлопнула его по щеке. «Только не уходить!» - быстро ответил мне Женя. И как ни в чем не бывало мы продолжили чтение, не обменявшись больше ни единым словом по поводу инцидента.

Прошло минут сорок – и приступ повторился. «Скорее, скорее, дайте мне что-нибудь! Дайте газету!» - завопил Женя, дико озираясь. Я сунула ему газету, он вцепился в нее зубами и ногтями, разорвал пополам, сунул клочок под подушку. «Это на ужин», - сказал он. Больше Женя меня не царапал.

Если бы я ударила Женю в сердцах, он не простил бы мне этого никогда. Наши занятия пришлось бы просто прекратить. Никто не смел не только шлепнуть – пальцем его коснуться. Никто и никогда не мог навязать Жене свою волю. Когда 7-летний Женя выходил из своего подъезда и, не глядя ни направо, ни налево, шел по двору, направляясь «посмотреть памятник Чайковскому» - худенький, темноглазый, - старушки с собачками, дети, строившие теремки, разбегались во все стороны. Он не был избалован. Он просто был создан таким. Не хулиган, нет – маленький диктатор, Наполеон.

Женя въезжал на урок на сервировочном столике. Он лежал на нижнем подносе и греб руками. Либо влезал на шведскую стенку, хватался за канаты и кольца и, вися вниз головой, уверял, что заниматься можно и в таком положении. «У меня никогда не было такого ученика», - сказала я Жениной бабушке. «У вас? Ни у кого в мире не было такого ученика!»

У Жени не было синдрома Дауна, он очень сильно заикался. Но разве не ясно, что этот мальчик, талантливый виолончелист (сейчас он учится в лондонской Академии музыки), стоил десяти самых агрессивных детей с синдромом? И все-таки мы были друзьями, очень большими друзьями.

«Не хочешь заниматься? Иди домой!» - широким жестом я указываю на дверь. Ну нет! Ни за что! Лучше уж сделать над собой усилие, постараться, а то и вправду придется уйти.

Ребенок уступает требованиям не потому, что боится возмездия, - «мама будет ругать». Такое следствие его неблагоприятных поступков – опять-таки отдаленное – пока что не приходит ему в голову. Он сделает все что угодно, выполнит любую просьбу по другой, гораздо более важной причине – если ему интересно общение с педагогом, если он чувствует в нем друга, без которого уже не может обойтись. Ваша задача – стать для него и другом, и товарищем, и учителем.

Однако дружеские отношения складываются не сразу. Поначалу ребенку могут быть глубоко безразличны и требования педагога, и сам педагог, а уж папу с мамой он давно закобалил, несмотря на всю их строгость.

Где та грань, которую нельзя переходить в своих требованиях? Иногда упрямство ребенка приобретает такие формы, что приходится уступать. Как уступить, но так, чтобы ребенок понял, что ваша уступка отнюдь не проявление слабости и вовсе не означает его победы? Что-то упало – подними. Разбросал – собери. В крайнем случае – «смотри, я, так и быть, подниму и соберу вместо тебя, окажу тебе дружескую услугу. Но уж в следующий раз будь добр сам собирай».

Что же тут нового? И спрашивать вы его не один раз учили, и убирать после себя заставляли, и даже посуду два раза он вместе с бабушкой мыл. Но спросите самих себя – всегда ли?

Если вы намерены выработать у ребенка полезные навыки и привычки, то делать это должны всякий раз, напоминать неукоснительно, постоянно. Только спросив разрешения, он может взять что-то, ему не принадлежащее. И если ему придется самому выгребать веником карандаши из-под дивана, то, проделав это несколько раз, он перестанет их туда заталкивать: к чему испытывать такие мучения? Что он, враг самому себе?

Нам приходится иной раз решительно потребовать от ребенка дисциплины и усердия, случается даже прикрикнуть на него. Иногда он и в самом деле нуждается в некоторой встряске, которая вывела бы его из оцепенения, заставила встрепенуться, собраться. Но пусть ваша вспышка будет всего только хорошо разыгранным спектаклем. Не позволяйте себе, потеряв терпение, обрушить на малыша раздражение от собственного бессилия. Ребенок не виноват в том, что он не совсем такой, как другие дети. Не забывайте его поощрять. Ему это нужно как воздух.

Ребенка надо принимать всерьез. Давайте уважать его личность и права. Он хоть и маленький, но человек со своими желаниями и нежеланиями, сейчас у него одно настроение, через минуту – другое. Точно так же как и вы, он может без всяких видимых причин плохо себя чувствовать и не быть расположенным к занятиям. Ваше и его самочувствие и настроение могут не совпадать. Вам хочется одного, ему – другого.

Вот мать с малышом вышли на прогулку. Ребенок заинтересовался бабочкой, цветком, вот жук ползет, а вон подъемный кран работает, рабочие яму копают. Да, вы остановились и посмотрели с ним, как строится дом, но посмотрели и – хватит. Малыш стоит, уходить не хочет, вы тянете его за руку: «Пойдем!» И, собственно говоря, почему? – только потому, что *вам надоело*, все это вы и так сто раз видели – и бабочку, и цветок, и экскаватор.

Не лезь в траву, чего ты уставился на этого жука, сколько можно его разглядывать, не ходи туда, иди сюда, туда иди, куда я иду... Почему? Отчего? – мать и сама очень часто не знает. Вы же гуляете, дышите свежим воздухом, домой вы не торопитесь – дайте ему возможность делать то, что он хочет.

Незримая цепь протянута между вами и ребенком. Главное – чтобы слушался приказа. Короче поводок! К ноге!

Все это делается по привычке. По внушенному себе убеждению, что родители должны командовать, а ребенок подчиняться. почаще спрашивайте себя – всегда ли ваши запреты «нельзя», «не туда», «не лезь», «не так» имеют смысл? Может, все-таки можно? Может быть, сделать так, как он хочет? Постоять, подождать, выработать общее мнение, согласованный маршрут? Не надо запретов просто так, на всякий случай, пусть все, что можно, будет *можно*. Тогда ваш ребенок твердо усвоит: если вы сказали «нельзя», значит, и в самом деле *нельзя*.

«Иди скорей сюда! Смотри, какая интересная игрушка! Дергаешь за ниточку – курочка клюет зернышки. Ну-ка дерни! Ну дерни, дерни, потяни за веревочку!»

Ребенок почему-то дергать не хочет, и ярко раскрашенная курочка не вызывает у него восторга. Матери досадно – такая симпатичная курочка!

Не надо настаивать. Ничего не навязывайте. Вам игрушка нравится, а ему почему-то нет. Лучше сядьте рядом и займитесь курочкой сами, ни слова не говоря. Понаблюдайте за ребенком. Вот он смотрит искоса – заинтересовался. Протянул руку, дернул. *Сам*.

Не надо тащить ребенка в круг своих интересов, лучше потихоньку войдите в *его* мир и, завоевав доверие, став своим в этом мире, расширяйте его границы, раздвигайте их – осторожно, незаметно. Мы не любим навязывания, принуждения – почему ребенок должен их любить?

Безусловно, в большинстве своем родители знают своего ребенка и достаточно тонко чувствуют и понимают проявления его характера, его настроения, склонности и интересы. И все-таки постоянно оттачивайте и совершенствуйте свое чутье!

Увы, многими, очень многими родителями воспитание понимается как осуществление безраздельной власти над ребенком, своего права сильного. Но этого невозможно достичь в принципе (разве только вы превратите своего сына или дочь в безгласных рабов) – отсюда стычки, ссоры, конфликты.

Личность можно воспитать, только если ребенок свободен, - разумеется, в правильном смысле этого слова. Если он имеет право выразить свое желание или нежелание, если вы не тащите его на веревке против его воли, а сумели убедить, что поступать надо так, а не иначе. Безусловно, речь идет не о той свободе, когда, ничем не стесняемый, ребенок растет как трава в поле.

Если ваш ребенок, уже одевшись, чтобы идти домой, засел в углу и, сколько вы ни бьетесь, как ни пытаетесь уговорить его выбраться оттуда, но делать этого не хочет – все решается очень просто. Берете за руки, за ноги и без лишних слов вытаскиваете его на свет божий. В этом сидении искать смысла не приходится и потакать упрямцу не будем. Все, что делается из упрямства, назло, подлежит немедленному и энергичному запрету, здесь вы никоим образом не ущемляете его прав и не нарушаете законов дружбы.

Ваня К. пришел ко мне в 2,5 года. Мама и папа, которым было по 18 лет, когда он родился, выдержали колоссальную борьбу с главврачом родильного дома, настаивавшей на том, чтобы они отказались от ребенка с синдромом Дауна. «Вы что, не понимаете? Это мой сын!» - крикнул отец и, красный как свекла, выскочил из кабинета не просто хлопнув, а треснув дверью. Тогда главврач взялась за бабушку. «Они не смогут вырастить и воспитать такого ребенка», - сказала главврач. «Ну что ж, тогда я воспитаю», - ответила бабушка.

Очаровательный Ванечка – моя слабость. Бездна обаяния. С первого взгляда сердце мое растаяло раз и навсегда – и очень хорошо он это ощутил и усвоил.

Упершись лбом в стенку, Ваня стоял в темном коридоре, одетый в крошечную дубленку и такую же шапку с козырьком. «Ванечка, пойдём в комнату». – «Не-е». – «Ну сними шапочку». – «Не-е». Присаживаюсь на корточки: «Ванюша, там игрушек сколько! Машинки маленькие, трактор». Круглый голубой глаз на мгновение выглядывает из-под низко надвинутой шапки: «Не-е».

Роли наши распределились так, что инициатором и затейником всегда был Ваня. То он желал налить воду в тазик – наливаем, выливаем, то пересыпал горох из банки в банку, то затевал прятки. Мы выдвигали ящики из кухонного стола, крутили ручку у мясорубки, пускали зеркалом солнечных зайчиков. Я старалась извлечь из заданной Ваней ситуации что-то нужное для занятий. Перейти на другой тон, взять на себя руководство мне очень долго не удавалось: непривычно строгую интонацию Ваня воспринимал – и до сих пор воспринимает – как оскорбление.

Мать с ребенком в первый раз приходят на занятия к логопеду, дефектологу, в детский сад, просто в гости к друзьям. И начинается: «Как тебя зовут, деточка?» - «Игорек», - отвечает за ребенка бабушка. «Игоречек! Какое хорошее имя! Игоречек, а как твою обезьянку мохнатенькую зовут? А маму? А папу? Давай ручку, пойдём со мной. Сколько деток! Сколько игрушек! Мы Игорька не обидим, он у нас умница, будет с детками играть». Бабушка: «Тетя добрая! Не бойся, дай ручку».

Слова как будто бы вполне уместные, но откуда столько энтузиазма? Почему вы в таком экстазе? Ваш восторг на самом деле неподделен? Мальчик как мальчик. Что особенного в том, что он пришел на занятия?

Восторга вы не испытываете, вы его изображаете. Ваш пыл скоро погаснет, и, вполне возможно, Игорек окажется не так уж мил. Возможно, будет безобразничать, драться, отбирать у других детей игрушки. Через пять минут очень хорошей, доброй воспитательнице будет уже не до того, чтобы оказывать Игорьку персональное внимание – у нее целая группа детей. Израсходовав первоначальный запал, воспитательница переходит на свой обычный тон – и замечания приходится делать, и отругать иной раз как следует.

Как-то раз моя приятельница, ее маленькая дочка и я пришли в детский сад. Дело было на Украине. Девочка стояла рядом с нами, и воспитательница самозабвенно восхищалась ею: «Які коски! Які бровки! Які очи!» Как только мать повернулась, чтобы уйти, голосом жестким, как фанера, воспитательница сказала девочке: «А ну, іди в групу!» На бумаге невозможно передать разительный контраст интонаций. Воспитательница стала самой собой.

Хороший педагог доброжелателен, уравновешен, спокоен, с первой минуты испытывает профессиональный интерес – каков он, этот новый малыш? Но он не допустит девальвации своих слов, его похвала всегда заслуженна, он не рассыпается перед ребенком мелким бисером, никогда не заискивает перед ним.

А вот Игорек пришел в гости к маминим и папиным знакомым. Встреченный взрывом восторга, через пять минут он убеждается в том, что взрослым не до него. Они ведут между собой оживленные разговоры, он им мешает. «Иди, иди, поиграй в мячик! Ты что, не видишь – мы разговариваем». Вот и вся дружба. В следующий раз, придя в гости, глядя исподлобья, он отдернит руку – все слова, слова, слова... Сплошная липа.

Никакой особой драмы, безусловно, в этом нет. Располагаем ребенка к себе, искренне стараемся преодолеть его робость. Но если вы всерьез настроены на то, чтобы создать с ним прочные отношения, ваш интерес к нему должен быть неподделен, постоянен, неизменен. Это совсем непросто. И фундамент таких отношений закладывается по кирпичику, продуманно, системно. Завоевать доверие ребенка бывает трудно – потерять его очень легко.

Мы гуляем. Наташа, ее бабушка и я. Столб, на столбе объявление. «Что там написано?» - спрашивает Наташа. Я вытаскиваю из сумки очки, подхожу поближе. «Продается дом с земельным участком, огород 5 соток...» - читаю я. На лице у бабушки полное недоумение: 5-летнему ребенку читать объявление на столбе? «Знаешь, Наташа, это не для нас с тобой. Ничего интересного. Идем дальше». Наташа вполне удовлетворена. Теперь она знает, что то, что пишут на столбах и заборах, отношения к ней не имеет. И в следующий раз, если на какую-либо просьбу я отвечу ей: «Это неинтересно», - она мне поверит на слово. Раз я так говорю, значит, знаю. В противном случае не пожалела бы времени, чтобы удостовериться: интересно? Неинтересно?

Чтение заняло десять секунд. Может быть, оттащить от столба, дернуть за руку и ответить «не твое дело, тебя это не касается» было бы быстрее?

«Все тебе надо знать!» Разве вы ответите так взрослому человеку? Если хотите сохранить с ним хорошие отношения – никогда. Разве вырвете у него из рук чашку, которую он взял, чтобы напиться? Нет. А ребенок... Что с ним церемониться!

Прозвучавшая грубость в один прекрасный день к вам вернется. От кого ребенок ее услышал? От вас. Вы научили.

Никогда не говорите в присутствии ребенка грубых слов. Особенно если это ребенок с синдромом Дауна. Конечно, нам приходится иной раз чертыхнуться, нагрубить кому-то – мы ведь не железные. Но в ответственных случаях мы умеем себя сдерживать, знаем, когда это позволительно, а когда не очень.

У ребенка с синдромом Дауна критерия нет. Легко можно представить, как реагируют окружающие, услышав такой, например, разговор:

- Тетя, который час? Времени сколько?

- У меня часов нет.

- Ну и дура.

Попадаем в неловкое положение, которого можно было бы избежать.

Ситуация диаметрально противоположная – полное подчинение взрослых ребенку. Это тоже встречается – и не так уж редко.

Девочка Юля приходила на урок в сопровождении мамы или бабушки. Юлю обожали. Только и слышалось: «Юлечка, у меня в сумочке конфетка. Будешь хорошо заниматься, я тебе ее дам. Юлечка, я стульчик отодвину в сторону, не бойся, я никуда не уйду... Юляша, я в магазинчик сбегаю, можно? Куплю тебе материалчик, брючки бабушка сошьет».

Юляша то, Юляша се. В ответ слышалось: «Сиди!» И мама съезживалась под суровым взглядом 5-летней дочери.

Я принялась за дело без всяких послаблений. Однажды мне пришлось стукнуть кулаком по столу так, что карандаши на столе разлетелись во все стороны. Бабушка подскочила на стуле. Если бы не настоятельная необходимость избавить Юлю от заикания, ни девочку, ни ее родных увидеть больше мне бы не пришлось.

Однажды бабушка сказала мне: «Юлечка проснулась и спрашивает, какой сегодня день. Я ей отвечаю – суббота. Она захлопала в ладоши, закричала: ура, ура, я пойду к своей Роменочке Теодоровне! Вы можете себе это представить?!» - «Ей надоели ваши пирожные, ваш тягучий сахарный сироп, она хочет нормальной, здоровой пищи. Черного хлеба. Серьезного к себе отношения. Они все здесь у меня жить хотят», - сухо ответила я.

Я отнюдь не непримиримый враг нежных слов, с которыми родители обращаются к ребенку. Безусловно, дети нуждаются в нежности и ласке. Но:

Знай и во всем соблюдай
Строгую меру свою!

И когда говорят: «с детьми надо разговаривать как со взрослыми», то это вовсе не означает, что вы будете обсуждать с ними проблемы Ближнего Востока. Ребенку нужно, чтобы его не только любили, но и уважали. Говорили с ним серьезно, предполагая в нем интеллект, а не его отсутствие. И ребенок будет благодарен за это. Значит, и вести себя придется соответственно: солидно, без капризов. Такое отношение надо оправдывать!

Юля была очень умной и очень нервной девочкой. Она реагировала на каждый звук – шипенье воздуха в водопроводной трубе, лай собаки за окном. Мама вздрагивала вместе с ней: «Боже мой, что это?!»

На урок Юля приезжала с собственным горшком и, сидя на нем, истерически кричала: «Ничего не получается! Я больная! Я больная!»

«Юля, ты просто не привыкла, - объясняла я ей. – Вот представь: едет человек ночью в поезде. Нижняя полка, чистое белье, колеса постукивают. А ему не спится – не привык».

Юля успокоилась, слушает меня внимательно. Но тут вступает мама: «Ему страшно, понимаешь, Юлечка, страшно. Вот поэтому он и не спит».

Я застываю на месте. Что тут можно сказать? Мать такого ребенка должна была бы быть для него каменной стеной, за которой можно надежно укрыться от любой беды. Мама и папа ничего не боятся, они все знают, сумеют прийти на помощь- на то они и взрослые.

В большинстве случаев семья объединяет людей с разными темпераментами, характерами, воспитанием и образованием. В семье могут возникать споры, а иной раз даже вспыхивать ссоры из-за разных точек зрения на воспитание детей вообще и ребенка с синдромом Дауна в частности. Однако в ожесточенных дискуссиях, когда спорящие желают во что бы то ни стало навязать противной стороне свое мнение и обратить оппонентов в свою веру, никогда не рождалась истина. Конфликты фанатично преданных вере людей, длящиеся на протяжении столетий, все эти религиозные войны ни к чему не привели. Как существовали ислам, буддизм, христианская религия со всеми их направлениями и ответвлениями, так и существуют.

Не спорьте. Люди, желающие действительно найти решение сложной проблемы, не спорят, они эту проблему *обсуждают*. Тем более что почти всегда ваш оппонент в чем-то бывает прав. Семья, в которой растет ребенок, должна быть для него надежным островком, обеспечивать ему спокойствие, уверенность, комфорт. Не нарушайте надежность и прочность его и без того ограниченного мира.

Если ребенок с синдромом Дауна растет в семье, где умеют быть счастливыми, несмотря ни на что, он чувствует себя в безопасности. Такие дети очень сильно отличаются от тех, которым, помимо всего прочего, приходится жить в атмосфере семейных конфликтов. Малыш с синдромом Дауна неразрывно связан с тем, что его окружает, очень привязан к родителям. И если в его маленьком мирке что-то не так, он реагирует на это болезненнее, чем нормальные дети. Нормальный ребенок уже давно, когда надо, умеет жить собственными интересами. Он может сесть за уроки, включить магнитофон, сбежать к приятелю, отвести душу, гоня мяч на пустыре. Он в состоянии занять активную позицию по отношению к тому, что происходит в доме: потребовать прекращения скандала, взять чью-то сторону, вынести свое суждение – кто из родителей, по его мнению, прав, кто

виноват. Себя самого он тоже в состоянии защитить. Как-то родители 7-летнего Тимура обнаружили на столе записку. Корявым почерком первоклассника в ней было написано следующее: «Почему вы обидели ребенка? Ребенок – это святыня!»

Ребенок с синдромом Дауна в этом смысле беспомощен. Он покорный раб печальных обстоятельств. Обратите внимание, как каменеет его лицо, как оно мертвеет, как застывает на нем выражение безысходного и тягостного недоумения. Для него конфликт в доме – тупиковая, безнадежная ситуация. Он залезает под стол или забивается в угол, а если привычно уходит в свой мир, абстрагировавшись от всех и вся – это еще хуже. Ведь именно из этого состояния мы всеми силами стремимся его извлечь. Знаете, почему мы в очередной раз его туда загнали? Потому что в глубине души думаем так же, как люди, чье мнение о наших детях нас глубоко задевает: «Он все равно ничего не понимает». Очевидно, так рассуждает и бабушка, позволяющая внуку выбрасывать содержимое из ящичков комода: «Что с него взять? Был бы ребенок как ребенок – не разбросал бы».

Дети с синдромом Дауна очень рано начинают осознавать, что они не такие, как все. Но нельзя винить в этом только посторонних людей, не воспитанных в сострадании к ближнему. Ребенок очень чутко улавливает тревогу и неуверенность родителей в отношении себя, даже завуалированные разговоры о его несостоятельности создают у него ощущение неблагополучия.

Тщательно подбирая слова и выражения, мы с бабушкой Валерией обсуждали пребывание ее внука в родильном доме. Мы говорили самыми общими фразами, не называя имен. 4-летний Виталик сидел на полу и не сводил с нас глаз. Это был мальчик-недотрога. Он занимался почти полтора года, но ни разу за это время не позволил мне не только обнять себя, тихонько привлечь, но даже просто коснуться. Я кипела от негодования – как всегда, когда дело касается возмутительного, невежественного отношения к детям-инвалидам иных представителей гуманных профессий.

Виталик поднялся с пола, подошел ко мне и крепко меня обнял. Не бабушку – меня. Почувствовал, что речь идет о чем-то ему враждебном, и я – на его стороне. То же самое он проделал через несколько месяцев, когда мы опять заговорили на эту тему.

Дети с синдромом Дауна... Без преувеличения могут сказать – каждый из них личность. В них заключена какая-то непостижимая тайна.

Застылость лица, оцепенелость взгляда... Посмотрите на это лицо, когда ребенок слушает музыку, - и оно поразит вас совершенно взрослым, мудрым выражением человека, соприкоснувшегося с абсолютным. Доброта, в которой ощущаешь присутствие какого-то высшего понимания того, что есть истинная доброта. Способность к сопереживанию на совершенно недетском уровне.

Придя в гости, Ваня К. направляется из коридора в комнату и подходит к кровати, где лежала бабушка. Кровать пуста. Бабушки нет. В прошлый раз они так хорошо играли вдвоем! «А где бабаська?» - «Ванечка, бабушка умерла». – «Убили?» - «Нет, заболела и умерла...»

Ваня не уходит. Он опускает плечи, голову и, сцепив перед собою руки, молча, тихо, неподвижно стоит у бабушкиной постели. Не я его – он меня берет за руку и уводит из комнаты. По дороге: «Но ты не плачь...»

Что он знает о смерти, этот совсем маленький мальчик? Мальчик с синдромом Дауна.

А в другой комнате студент университета Тимур сидит за учебниками. Ваня очень любит Тимура, хотя тот не прилагает к этому никаких усилий. «Ванечка, у Тимура экзамены. Ты ему не мешай. Вот когда он пойдет обедать, ты ему читаешь. Покажешь, как читать научился».

Ваня тихо прикрывает дверь, оставив небольшую щель, и застывает у этой щели, неотрывно глядя на Тимура. Ни шороха, ни звука. Ему очень хочется, чтобы Тимур поскорее покончил со своими учебниками. Наконец наступает счастливый момент: погруженный в свои мысли, Тимур следует в кухню, садится за стол, глядя в пространство, совершает над столом неопределенные пассы, нашаривая ложку. Ваня вытаскивает книжки и карточки и исподлобья бросает на тимура просительный взгляд своих голубых глаз, взгляд, перед которым невозможно устоять: смесь застенчивости с живым лукавством. «Тимур, Ваня хочет тебе почитать». – «А, ну давай». И Ваня самым добросовестным образом демонстрирует все, что знает. Как ему хочется заслужить одобрение! Его любовь ненавязчива, неназойлива, деликатна.

Портрет Тимура висит над моим рабочим столом. Я застаю Ваню стоящим перед портретом. «Тимурчик, милый, - говорит он портрету. – Миленький Тимурчик».

Все семейство мчится вниз по широкой лестнице – встречает папу. Папа вернулся из командировки, привез коробки с гуманитарной помощью. Шум, смех, радостные возгласы, коробки тащат наверх. Одна Вера, всегда активная жизнерадостная, не принимает участия в общем веселье. Девочка сидит на стуле и, к моему изумлению, плачет навзрыд: «Папа приехал... Подарок мне привез... Папочка мой приехал...»

Я никогда прежде не видела, чтобы ребенок плакал от радости.

12-летний Алеша, изображавший дирижера и милиционера, перед отъездом домой в Читинскую область поцеловал мне руку. «Что это?» - изумилась я. «По телевизору, наверное, видел», - предположила Алешина мама.

Через какое-то время то же самое проделал другой, 10-летний мальчик. Затем 7-летняя Вера. И наконец, когда 3-летний Ванечка, выйдя за дверь на лестницу, чтобы проводить меня, взял мою руку и приложился к ней губами, я подумала: «Это не случайность, не совпадение. Рука дающего – вот что для них моя рука. И этому знанию никто их не обучал, оно в их природе, как и

многое-многое другое. Зрение особого рода, глаза души, которыми эти дети видят невидимое другими».

Дорогие родители, мой вам совет: не скрывайте, что у вас растет малыш с синдромом Дауна! Скрыть это вам все равно не удастся: ребенок растет, но не говорит, потом его в школу не берут, да и внешность характерная. Что же, прятаться ото всех, избегать вопросов, не ходить в гости? И сколько это будет продолжаться, сколько лет еще мучить себя?

Мы ехали в метро с Сережей и его мамой. С тем самым, из-под Екатеринбурга, что сбивал палкой скрипку со шкафа и чье поведение и у меня дома, и на улице, и в транспорте было далеко не образцовым и, конечно, обращало на себя внимание. На Сережу смотрел весь вагон. Но с каким достоинством, самообладанием и терпением вела себя его мама, как спокойно она вразумляла его! Работает она уборщицей и никаких педагогических курсов не оканчивала. Мудрость, любовь к сыну и уважение к самой себе – вот что было основой такого ее отношения к репликам, неодобрительным взглядом и замечаниям со стороны не очень умных людей. Предоставьте злопыхателей их собственной морали и судьбе и следуйте своей дорогой.

Сережа был чрезвычайно неорганизованным, недисциплинированным и непослушным мальчиком. Тем не менее занятия с ним я очень скоро ввела в четкие рамки. На уроке ему было интересно, он хотел учиться. Слово «паук» стало его первым достижением. «Паук, паук», - говорил Сережа, подходя к нам с мамой и давая понять, что хочет сесть за стол, хочет, чтобы я извлекла большую коробку с солдатиками. В обмен на них он будет выполнять все наши требования: и слово «паук» скажет, и те, что у него не получаются, постарается выговорить.

Солдатики он получает. С тех пор как я вытащила с антресолей оловянное войско, дела у Сережи пошли на лад.

Но помимо поощрительных призов в работе с расторможенными детьми я прибегаю к упражнению, которое очень рекомендую и вам взять на вооружение.

Вам, наверное, приходилось слышать разумный совет: не действовать сгоряча и в приступе гнева «сначала досчитать до десяти». Беда в том, что никому из нас это не удается. Сохранить самообладание, считая до десяти, не так-то просто!

Маша и Гриша стоят передо мной. Мы договорились, что я сосчитаю всего только до трех, но пока я буду считать, они будут неподвижно и совершенно спокойно стоять на месте, не шевелиться, не чесаться, не улыбаться. Я начинаю загибать пальцы: «Раз...» Не годится. Гриша шевельнул мизинцем, а Маша и вовсе переступила с ноги на ногу. Стоять надо абсолютно неподвижно, но не застыв, как статуя, а в свободной позе, спокойно и серьезно глядя перед собой. Начинаем сначала: «Раз...» Опять неудача.

Постепенно детям удается, во-первых, снять напряжение, во-вторых, притормозить свои импульсы. До трех мы благополучно дотягиваем.

На следующем уроке повторяем упражнение, потихоньку продвигаясь вперед. Еще несколько уроков – и ребенок стоит в совершенно непринужденной позе, не шевеля ни руками, ни бровями, ни уголком рта. Глаза спокойные, взгляд мягкий, руки висят вдоль тела – а я между тем досчитала до 10, а потом до 20...

Я прибегаю к этому упражнению всякий раз, когда вижу, что ученик мой дергается и суетится. Я считаю и до 40, и до 50 – и тренированным детям не составляет труда выполнить упражнение. Они вообще становятся спокойнее: стоит мне, не прерывая урока, сказать «раз, два...» - и они «притормаживают», моментально возвращаясь в состояние сосредоточенного внимания.

Дети, о которых говорится в этой книге, - Фиона, Гриша, Виталик, оба Вани, Коля пришли ко мне, когда им было по 2,5-3 года. Говорить никто из них не умел и поведение ребят на первых порах никто не назвал бы идеальным. Но с первого же урока я дала им почувствовать, что пришли они не развлекаться, а учиться. Что все – всерьез и правила, которым им придется подчиняться, заведены раз и навсегда. Что я не собираюсь исполнять их прихоти и ни с того ни с сего осыпать их нежностями. И, собственно говоря, для чего это нужно, если есть книги с интересными картинками, если фонариком можно светить в темном коридоре через металлическую сетку и цветные стекла, так что яркие крошечные точки рассыпаются по всему потолку. Но все это не просто так, не придется бегать и шалить, хватая то одну, то другую игрушку: будешь получать заслуженную награду и удовлетворение от того, что что-то начинает получаться. Вот слог сказал, а вот и целое слово вышло – ребенку становится отнюдь не безразлично, добился он успеха или нет. Да и учительница, как выясняется, вовсе не такая уж строгая: иной раз можно и чаю попить, и на диване поваляться.

Ребенок с синдромом Дауна чувствует себя личностью, к нему относятся всерьез. Принцип дружбы, уважение друг к другу оправдывает себя – и, может быть, еще вернее, еще надежнее, чем в случае с нормальным ребенком, хотя, конечно, у детей с синдромом Дауна свои, присущие только им особенности.

Стереотип обстановки до некоторой степени обуславливает и стереотип поведения. Это и хорошо, и плохо.

Ребенок настроен на занятия. Проторенной дорогой он направляется к столу, к нашему дивану. На уроке дети приучены вести себя организованно, и с первой же минуты видно: пришел не просто ребенок, мальчик или девочка – пришел ученик. Увесистый пакет со своим имуществом он тащит самостоятельно, иной раз обеими руками – тяжело! Из пакета он вытаскивает содержимое и аккуратно раскладывает на столе, неукоснительно придерживаясь заведенного порядка. «Ромена, очки надень!» - «Зачем?» - «Чтобы лучше видеть!» - «Что ж тут видеть?» - «Учебники мои, как я буду

читать. И карандаш возьми». – «А это зачем?» - «Будешь показывать. И я возьму». Приступаем.

Если явился Ваня, нужно соблюсти еще один ритуал: он не начнет заниматься, пока дедушка не нарежет на кусочки банан – награду за успехи и примерное поведение. Но Ваня ни за что на свете не согласится есть их, если не сделал всего, что полагается сделать, для того чтобы получить этот приз. Порядок прежде всего.

Такой дисциплины, какая царит у меня на уроке с ребенком с синдромом Дауна, мне никогда не удавалось добиться в работе с нормальными детьми. Попробуйте начать урок не вовремя!

Вот мы с дедушкой заговорили, обсуждая какие-то важные педагогические проблемы. У себя за спиной я слышу: «Ромена! Давай заниматься!» Ваня будет настойчиво повторять свою просьбу. Он возвращается к дивану, вежливо предоставляя нам возможность договорить, но не отступает, приходится разговоры прерывать.

Точно так же ведут себя и Коля, и Гриша, и Виталик, и даже непоседливая Фиона с неугомонным Симой Щукиным, у которого, если вы помните, имеются уже два привода в милицию. Стараясь спрятать улыбку, я наблюдаю за тем, как, нечаянно рассыпав карточки, Сима сосредоточенно собирает их с пола - все до единой-как солидно, ни на кого не глядя, распаковывает то, что принес, как убирает со стола не относящиеся к делу предметы.

Наработана определенная последовательность наших совместных действий, соблюдаются все установленные правила, ребенок комфортно чувствует себя в этом, не скажу чтобы официальном, но вместе с тем и не совсем интимном - производственном – пространстве.

А в другой плоскости, в другой обстановке, за пределами хорошо организованного, точно очерченного круга?

Постоянные пассажиры городского автобуса и пригородной электрички, в которых Ваня ездит на уроки хош-шо его знают. Его появление радостно приветствуется: «Вот и Ваня с дедушкой! Ну как, Ваня, твои успехи? Как занятия идут? Учительница тобой довольна?»

6-летний Ваня охотно отвечает на вопросы, задает их сам в электричке извлекает свои книжки, показывает их всем желающим.

Он не просто умеет говорить, *ему есть что сказать*.

Он может поделиться своими наблюдениями и впечатлениями — у него они имеются, он рассказывает о том, что узнал и увидел, и чувствует себя вполне достойным собеседником, тем более что его слушают с неподдельным интересом.

Кстати, Ваня, сам не подозревая, совершает очень важное для всех нас дело, а именно воздействует на общественное мнение. Благодаря ему люди начинают менять привычные представления и ориентиры...

Как-то раз, встретив на автобусной остановке, Ваня меня не узнал. Глаза его выражали полное недоумение, он ни за что не хотел дать мне руку. Через

год я приехала к нему на день рождения. Ване исполнилось 6 лет. Я добиралась два с половиной часа и в который раз подивилась героизму Вани и его дедушки, три с половиной года подряд два раза в неделю регулярно приезжающих ко мне на занятия. Я немного опоздала, веселье было в самом разгаре. Весьма шумная компания, тесно прижавшись друг к другу, сидела за праздничным столом в 18-метровой комнате. Увидев меня, Ваня сначала замер, затем закричал: «Ромена пришла! Почему ты не была?» По чужим коленям он стал ритмично пробираться: ко мне. Его передавали с рук на руки, протянули через стол. Ваня обнял меня так, как буд-то я вернулась из чеченского плена. Я поняла, до какой степени мы стали близки, неотделимы друг от друга, неразлучны.

Ваня не вернулся на прежнее место, не убежал к своим подаркам. Он принялся отыскивать два свободных стула, чтобы сесть рядом. «Пей! Ешь! Ешь блин! Ешь пирожок! Ешь торт! Ешь салат! Почему ты не была? Почему не была ты?» — Ване хотелось выяснить причину, по которой я опоздала.

Весь вечер Ваня находился рядом со мной. Расположившись на диване в соседней комнате, мы играли новыми игрушками, рассматривали подаренную папой книгу «Незнайка на Луне». Он не отходил от меня ни на шаг, и, когда мне пришло время возвращаться домой, он настойчиво уговаривал меня переночевать, изобретая всевозможные варианты моего устройства на новом месте.

В основе таких отношений, такой любви должно лежать нечто большее, чем просто совместные игры, прогулки, подарки. Так же, как в подлинной дружбе, связывающей взрослых людей, в этих отношениях заключено куда более важное, более глубокое и серьезное содержание. Путь, по которому мы вместе движемся, путь совместного творчества, неудач, успехов, преодолений, достижений одинаково важен и для меня и для ребенка.

Для меня это было открытием.

Совершенно свободен в обращении как со знакомыми, так и с незнакомыми людьми 7-летний Гриша. Его мама иной раз бывает недовольна: не слишком ли свободен? Но Гриша не развязен, он просто «почемучка» — задает вопросы, интересуется подробностями чужой жизни. Это нормально, это естественно.

И совсем другое дело, если *сказать пока что ничего*. Фиона цепляется за меня, дурашливо смеется, кривляется и не уходит, хотя ее всеми силами стараются от меня отцепить и только что не вытаскивают вон. Она валится на пол, продолжает безобразничать. И я понимаю, что плохое ее поведение обусловлено одной-единственной причиной: *ей хочется привлечь к себе мое внимание*, ей нравится учиться, ей хотелось бы побыть со мной еще немного. На уроке она давно уже ведет себя идеально, с ней занимаются, ей интересно. Но общение с ней, по сути, ограничено рамками урока, на котором я — ведущий, а она — ведомый. Того, что она знает и умеет, пока недостаточно для партнерства, полноценного, на более высоком уровне взаимодействия.

Мне она все равно интересна, но расширить свои контакты с другими людьми она пока не может. Ходит с мамой в гости, ее хорошо принимают, ласкают, любят — но и только. А ведь для того чтобы пьеса была сыграна, нужны по крайней мере два актера...

Если, войдя в комнату, Ваня устремляется навстречу кинооператорам, желая завести приятное знакомство, выяснить, что это за громадная штукавина загромоздила комнату, то Коля направляется прямо к дивану, не глядя ни направо, ни налево. Он не реагирует на появление в квартире посторонних людей не потому, что совсем их не замечает. Они ему неинтересны, его не занимает, кто они, что делают здесь, в комнате. У Коли свои дела, и присутствие этих незнакомцев — не более чем досадная помеха, ему ведь заниматься надо, он книжку свою любимую принес «про Потапа», а Ромена тоже почему-то мечется, нет ее рядом на привычном месте. И чего они сюда явились? Так было всегда хорошо: тихо, спокойно...

Придя на киносъемку в роскошном полосатом свитере, связанном бабушкой и надетом в первый раз, Коля садится на диван, вытаскивает из пакета книжки, тетрадку, наш самодельный букварь. «Ромену не подведи», — шепчет он самому себе то, что наверняка по дороге твердила ему мама. Коля вполне сосредоточен, серьезен, он все выучил. Мама у него очень добросовестна, они старались, готовились к ответственной съемке. Нельзя же ударить в грязь лицом! Тем временем операторы дружными усилиями сдвинули шкаф с его обычного места - в комнате тесно, так будет удобнее подобраться с аппаратом к нашему дивану.

Коля в ужасе: куда девался шкаф, зачем его затолкали в угол? Он едва сдерживает слезы, изо всех сил старается сохранить самообладание, «не подвести», но это ему плохо удается. Не помогают ни строгость, ни ласка, ни даже шоколад. Кое-как пробормотав все, что он подготовил, перемежая свои ответы с глухим всхлипыванием и постоянным «Я домой пойду», Коля наконец сползает с дивана, перепортив бог знает сколько пленки.

На сцене, то есть на диване, - Ваня. Диван задрапирован тканью, стол покрыт белой скатертью, а почему-то тоже должна надеть белый халат. «Прекрасная простыня! - восклицает Ваня. - Замечательно!» И хлопает ладошкой по спинке дивана. Его не собьешь.

Конечно, Ваня, который начал у меня заниматься намного раньше Коли, во всех отношениях более развит. И вообще, Коля у нас созерцатель, «лунный Пьеро», но если бы не злополучный шкаф, внезапно и с грохотом отъехавший от стола, все было бы неплохо - раза два Колю уже снимали, и обходилось без эксцессов. Ведь и Ваня, которого я в прошлом году поджидала на автобусной остановке и с которым мы направились ко мне домой, не узнал меня на улице, в непривычной обстановке. Шел с открытым ртом, не сводя с меня испуганных глаз, как ни старалась я объяснить ему, кто я такая, - до тех пор пока мы не вошли в квартиру и я не сняла пальто и шапку. Только оказавшись вместе со мной в хорошо знакомом ему коридоре, он воспринял духом и стал самим собой.

Одна и та же привычная обстановка, одна и та же книга, одна и та же песенка... Из всех детей, посещающих мою группу, Виталик- самый стойкий консерватор. Могут пройти и год, и два, за это время мы перечитаем массу новых книг, но, придя ко мне на урок, он все равно первым делом схватит ту, которая давным-давно выучена наизусть. Книги эти от Виталика приходится прятать, и если он случайно на них наткнется, восторгу нет конца. «Про Анфису! Тузики!» - говорит он сияя. Кладет книгу на диван, становится перед диваном на колени и погружается в молчаливое углубленное созерцание.

Благодаря такому его свойству мы имеем возможность произвести доскональную над книгой работу, изучить ее вдоль и поперек, но, конечно, подобное постоянство тормозит процесс в целом. И у родителей не хватает терпения и сил в тысячный раз повторять одно и то же.

До некоторой степени это качество отличает и других ребят, у каждого из них есть своя привязанность. «Про Потапа прочитать», «про грязную девочку», «про жадную старуху» - всегда одно и тоже требование, один и тот же зачин.

«Завтра я пойду новые книги покупать!» У меня очень довольный вид.

Дети смотрят на меня. В чем дело? Что за радость нас всех ожидает? Новое – это что-то чудесное, оно таит в себе неизвестное удовольствие, поскорее бы до этого нового добраться. Ребенку ничего не навязывается, он заражается вашими эмоциями. Проходит какое-то время, и ребенок требует *новую*, желательно толстую книгу.

Ваня бросается к столу, завидя принесенную Гришей книгу. Что за книга? Без промедления хватается ее и сует в пакет: «С собой возьму!» Гриша обескуражен таким налетом, но, как мальчик исключительно вежливый, вырывать свою книгу не пытается. Конфликт улаживаем, Грише книгу отдаем.

Маленький мальчик не желает надевать чудесный новый финский комбинезон, а когда ему купили потрясающие брюки - с карманами! молниями! защелками! заклепками! - и захотели, чтобы в таком ослепительном виде он пошел с родителями в гости, мальчик доревелся до того что у него поднялась температура - и в гости вообще не пошли.

Приступаю к делу: «Ты не будешь надевать комбинезон. Ты только *на одну секунду* сунешь правую ногу в одну штанину - и все. И сразу ее вытащишь». Мальчика я ни когда не обманываю, он, так и быть, засовывает ногу в штанину и тут же ее выдергивает. На первый раз достаточно.

На следующий день - следующий этап. Правую ногу он уже засунул основательно, левую - на секунду. Очень хорошо. Назавтра в штанинах оказываются уже две ноги. Мы продвигаемся дальше — обе ноги в штанинах, одна рука в рукаве. Вид у ребенка довольно кислый, но он привык к тому, что мы постоянно делаем друг другу взаимные уступки, так уж и быть, радуйся, тетя!

Даю вам честное слово — мы надевали комбинезон пять дней! Наконец мальчик предстает передо мной, полностью в него облачившись, — и тут же делает привычное движение, чтобы ненавистный комбинезон снять.

«Тимур! Быстрее! Лезь на табуретку! Посмотри в зеркало! Ты же космонавт! Настоящий космонавт! Идите все сюда! Тимур у нас Гагарин!» Тимур поднимает вверх руку, приветственный жест — «Поехали!» Отныне он готов спать в комбинезоне, теперь уже нельзя уговорить его надеть что-либо другое.

Виталик собирается в Голландию. У ребенка порок сердца, там ему должны сделать операцию. Проблема в том, что его невозможно сфотографировать для документов. Водили уже. Не хочет, плачет, протестует. Нет фотографии. Как быть?

Мама Света говорит мне об этом в присутствии мальчика. На лице моем удивление и недоверие: «Как? Виталик фотографироваться не хочет? Но ведь в Голландии ты увидишь мельницы! Каналы! Какой ты счастливцев! Подумать только! Мне говорили, что там страусы по улицам гуляют!»

Я не говорю: «Вот не сфотографируешься и не сможешь увидеть каналы и мельницы!» Только положительный настрой — так, как будто вопрос самым счастливым образом уже разрешился, думать о каких-то там фотографиях вообще не приходится, и лично мне остается только сидеть в Москве на диване и вздыхать, мечтая о каналах.

На следующем уроке снова: «Мельницы! Каналы! Какой счастливцев!» Сфотографировали.

Во всех подобных случаях не говорите лишних слов, не тратьте время на обычные и бесполезные в таких случаях уговоры. Не кричите на ребенка, ничего не требуйте. Наоборот, согласитесь с ним! Ребенка нельзя включить и выключить, как телевизор. Вам хорошо рассуждать, вы взрослый, а он маленький. У него создается ощущение, что, уговаривая его, вы действуете в своих интересах, он не совсем вам доверяет. Ваша логика для него недоступна. Ему давно известно: вы смотрите на ситуацию со своей колокольни. Ребенка надо исподволь, ничего не навязывая, вовлечь в круг положительных эмоций, испытывать которые должны прежде всего вы сами: вы радуетесь, вам интересно, его дело самому решить, стоит ли к вам присоединиться и разделить ваши чувства.

Дети с синдромом Дауна доверчивы, ничего плохого от жизни в общем-то не ждут. Они редко бывают агрессивны, а если и бывают, то агрессивность их обусловлена не злобой, завистью и другими дурными свойствами характера, а совершенно иными причинами. Но жизнь вносит свои коррективы в это блаженное неведение зла. И начинаются страхи, которые взрослому человеку кажутся совершенно непонятными.

Основой страха являются присущие детям с синдромом Дауна неуверенность в себе, зависимость от других, полное подчинение взрослым. Ребенок знает заранее, интуитивно чувствует, что сам он не в состоянии найти выход из положения, которое потребует от него находчивости

ловкости, ему ни в коей мере не свойствен оптимистический взгляд на благополучный исход мало-мальски рискованных ситуаций.

Он привык к тому, что все проблемы решаются опекающими его взрослыми людьми. Но вдруг взрослого в нужный момент не окажется на месте? Что он будет делать в таком случае?

«Вот я задам этой злющей Бабе-яге! Как стукну! Как дам палкой волку, если только он попробует ко мне сунуться!» Нормальный ребенок готов защищать себя сам, заранее решил, как ему быть в случае опасности. Ребенок с синдромом Дауна не задумывается над тем, что будет, если он повстречается с волком или Бабой-ягой, ему вообще несвойственно представлять себе то, чего на данный момент нет, но что, возможно, произойдет в будущем. А что напугало его в прошлом, что оставило глубокий, неизгладимый след в его памяти, когда он не мог ничего объяснить, не мог пожаловаться?

Отчего Виталик вдруг попятился назад, отчего губы у него дрожат, в глазах самый неподдельный испуг? В чем дело? Все как обычно: мальчик пришел на урок, раздевается, я стою и разговариваю с ним в коридоре. «Он листьев боится!» — объясняет мне мама Виталика. Да, действительно, в передней у меня появилась ветка с искусственными листьями, вот она, лежит на шкафу, и как только заметил?

Это было похуже истории с комбинезоном. Мы боролись со страхом два месяца.

«Вот что, листья, — говорю я серьезно, — придется вам из коридора уйти, Виталик вас боится. Так что отправляйтесь на кухню или в ванную». Лезу наверх. Виталик настороженно наблюдает за моими действиями и шарахается в сторону, когда я проношу мимо него злополучные листья.

В следующий раз ветка с листьями снова оказывается в коридоре. «Вы опять здесь? Марш отсюда!» — «Нам тоже хочется заниматься! Нам интересно! Мы тоже хотим присутствовать». — «Ты слышишь, Виталик, что они говорят? Ну хорошо. Идите в комнату. Я вам разрешаю полежать на пианино». Хотя пианино от Виталика за три метра, его это устраивает. Я снова отгоняю листья подальше. Им не слышно, они опять подбираются к нам. «Ладно, Виталик, пусть посидят послушают!»

Листья оказывались все ближе и ближе: то им было плохо слышно, то плохо видно. Наконец они прочно закрепилась на нашем рабочем столе. Страх пропал.

Нам непонятен страх подобного рода. Ну, волк, собака — тут все ясно. Но листья!

Трудно сказать, почему ребенок боится листьев. Может быть, они испугали его, когда он был совсем маленьким? Может быть, ветер перед его глазами налетел на дерево, затрепетала, зашумела листва, и эта картина прочно врезалась в детскую память?

Детская память... Моя знакомая рассказала мне о том, как ее дочку, которой не было еще и года, укусила оса. Как водится в таких случаях, все

забегали, поднялся плач и крики. Дело было летом. А зимой, когда пошел снег, маленькая Оля громко закричала: «Ося! Ося!» К этому моменту она произносила всего два слова — «мама» и «папа».

Есть еще одна особенность маленьких детей, которую взрослые люди зачастую не понимают. Ребенок постоянно задает одни и те же вопросы, часто - один и тот же вопрос. И хотя ему уже множество раз на этот вопрос отвечали, он спрашивает снова и снова. Взрослые недовольны, отмахиваются: «Ну что ты пристал? Сто раз тебе объясняли...»

Мой маленький племянник как-то спросил меня: «Что такое *цума?*» - имея в виду *чуму*, о которой случайно услышал. Я извлекла из своей памяти очень интересный рассказ о русской женщине-враче, которая в специальном костюме и чудовищной маске в монгольском селении, из которого ушли все оставшиеся в живых жители, спасала от чумы маленького мальчика. Как этот мальчик сначала испугался, а потом полюбил странное существо, которое говорило на каком-то непонятном ему языке и лечило его. Когда этот мальчик вырос, он стал врачом -чумологом.

Да, рассказ был очень интересным, но это оказалось моей роковой ошибкой, «А что такое *цума?*» - этот вопрос преследовал меня месяца два, пока не возникла другая захватывающая тема - динозавры.

Мальчик задавал мне этот вопрос не потому, что не запомнил моего объяснения или чего-то не понял. Он просто хотел лишний раз поговорить об этой самой чуме. Как это часто бывает, ребенка увлекает какой-то сюжет, он прикипает к одному и тому же мультфильму, к одной и той же книге. Пусть это вас не раздражает. Лучше помогите ребенку порассуждать самому на интересующую его тему, незаметно переведите разговор на другие рельсы, связав воедино оба сюжета. И если разговор зашел о какой-нибудь «цуме», расскажите попутно о профессий врача, о том как врачи лечат людей - сердце, легкие, печень. Кстати, а где сердце находится? Что это стучит в левой стороне нашей груди?

С сыном моих друзей 5-летним Антоном когда-то у меня состоялся следующий разговор:

Я. Антон, кем ты будешь, когда вырастешь?

А. Сначала экскаваторщиком, а потом летчиком.

Я. А потом?

А. Не хочу говорить.

Я переспрашиваю и наталкиваюсь на упорное нежелание мальчика ответить мне, кем же он, в конце концов, станет.

Я. Почему ты не хочешь мне сказать? Что тогда будет?

А. Сама знаешь.

Я. Не знаю, скажи мне.

А. Могила.

Хорошенькую перспективу представляет себе пятилетен малыш! И самым серьезным тоном я объясняю ему, что все не так уж мрачно.

«Вот ты не читаешь газет, — говорю я. — Как-раз по этому поводу недавно была статья в «Литературной газете». Там писали, что ученые разрабатывают лекарство, которое обеспечивает продление жизни — до тех пор пока человеку самому не надоест жить. И по расчетам — а такие расчеты всегда существуют — оно должно появиться через пятьдесят лет. Так что ни тебе, ни твоим родителям ничего грозит. Можешь успокоиться и больше об этом не думать».

Моя речь со ссылкой на «Литературную газету» и расчеты ученых, солидные слова «статья», «продление жизни» производят соответствующее впечатление. Вечером Антон уже успокаивает папу и маму, гарантируя им и самому себе вечную жизнь.

Нельзя дать конкретный совет на все случаи жизни. Вам придется самим придумывать обходные пути в решении подобных проблем. Главное — самому стать ребенком, смотреть на ситуацию его глазами. Не старайтесь с ходу отместить все, что кажется вам необоснованным, непонятным и просто глупым. Переводить ситуацию в другую плоскость надо постепенно, незаметно и по возможности не торопясь. В особенности если у вашего ребенка синдром Дауна.

Все они разные, мои ученики, и все они — типичные даунята. Виталик, Ваня К. и просто Ваня, Гриша, Фиона, Коля — ребята, занятия с которыми легли в основу этой книги. Вы уже встречались с ними на предыдущих страницах и наверняка обнаружите в ком-то из них сходство с собственным малышом. И знайте: все, чему научились эти дети, — говорить, читать, рассуждать, придумывать сказки и диктовать дневники и письма - сможет и ваш ребенок тоже.

Я не производила никакого отбора: не было случая, чтобы я отказалась заниматься с кем-либо из детей, объявив ребенка неспособным, необучаемым, неуправляемым. В книге нет никаких собирательных образов, ни одного выдуманного персонажа. Приводимые в ней высказывания этих детей я воспроизвожу дословно. За очень редким исключением, так говорят ребята не старше 5-6 лет. Возраст ребенка указывается на момент произнесения им цитируемых текстов.

Дети приходят ко мне два раза в неделю, занимаются индивидуально по часу и больше. Из-за сложности произнесения моего имени-отчества они называют меня по имени. Научившись говорить, они по собственной инициативе переходят к другой форме обращения и очень горды тем, что могут назвать меня солидно, по-взрослому, как полагается.

Ребята приезжают ко мне не для того, чтобы развлекаться. Никто не вытаскивает голубей из-за пазухи для того, чтобы завладеть их вниманием. Они приезжают учиться, удовлетворять свою потребность в настоящем серьезном деле, которое мы делаем сообща.

Познакомьтесь с ними поближе!

ФИОНА

Густые длинные волосы, большие серые глаза. Складненькая, уютная, как маленькая кошечка. Такого ребенка хочется посадить на колени, он будет ворковать в объятиях, умильно заглядывая в глаза.

Сажали на колени, обнимали - все, с кем Фионе довелось встречаться. Теперь, повиснув на шее, она движется вместе с вами, поджимая ноги либо волоча их по полу, и расцепить ее руки невозможно. «Фиона, хватит. Фиона, отпусти меня» — бесполезно.

Несмотря на запрет, хватает все, что видит вокруг себя. Прыгает по дивану. Кривляется. Руки ее находятся в постоянном движении - надо потянуть за шнур лампы, снять трубку телефона, надеть чужие очки, добраться до соли, запустить пальцы в сахарницу. Фиона всегда весела, никогда не скучает. Обаяния и жизнерадостности ей не занимать. Она ласковая девочка, но поддаться на ее милые заискивания — значит в мгновение ока оказаться в ее цепких ручках. Никакие нежности с ней невозможны — сядет на голову в прямом и переносном смысле.

Если Ваня упрямо настаивает на своем, то это потому, что он точно знает, чего хочет. Фиона переберет стопу книг, ни на одной так и не остановившись. Сама не знает, чего хочет. Ничего не хочет.

На уроке мгновенно забывала, о чем идет речь. Мысль ее порхала бабочкой, ни на чем не задерживаясь. Фиона очень долго не могла запомнить последующий слог в самом простом двусложном слове — исключительно потому, что ни на секунду не желала сосредоточиться. При этом она прекрасно понимала все, что ей говорилось, и во всем, что не касалось занятий, отличалась большой сообразительностью.

Фионе я не делала ни малейших уступок: «Посмотри на меня. Положи руки на стол. Подними то, что бросила. Не хватай. Не отнимай. Не лежи — сядь» и т. д. и т. п.

Любой компромисс воспринимался ею как ваше личное поражение. Но скоро она поняла, что наши отношения возможны только на моих условиях. И на эти условия она согласилась, поскольку была очень заинтересована в нашем содружестве — книги, картинки, веселые рассказы, чай с вареньем после урока. Как всего этого лишиться?

Мы сидим на бревнышках в лесу. Гриша, Маша, Виталик, мама Лена, мама Света и я. День солнечный, веселый. Позанимались, поиграли в мячик, нарвали цветов, побегали по травке. Теперь можно подкрепиться. В коробке зефир, в бутылках сок. Всем по бутерброду.

Вдали за деревьями возникают две фигуры. Это Фиона и ее мама. Фиона с объемистым пакетом (книги, тетрадь) четким строевым шагом направляется ко мне. Стойкий оловянный солдатик! Не зря она прошла боевую выучку. Никакие соблазны ее не интересуют, она пришла заниматься. Садится рядом со мной, вытаскивает книжки, терпеливо, ждет, когда я обращу на нее внимание. Краем глаза я наблюдаю за девочкой — не передержать бы.

Она отыгралась на обратном пути в трамвае — и все-таки это уже совсем другая Фиона.

Стоит посмотреть на Фиону, когда с указкой в руках она стоит у двери, на которую проецируются слайды, и плавным и точным движением профессионального экскурсовода обводит отдельные фрагменты и детали картины, в то время как остальные дети сидят на полу и слушают ее «пояснения». Наряды дам на портретах интересуют ее до чрезвычайности! Она и сама не прочь похвастаться своей одежкой — кокетка, настоящая женщина.

Очень долго Фиона не проявляла ни малейшего желания что-то усовершенствовать, дома с ней справиться не могли — и именно из-за отсутствия системы и порядка в домашней работе начальный этап обучения затянулся. Только на третьем году занятий она приступила к произношению трехсложных слов — параллельно с этим ведется вся остальная работа. Не утруждая себя излишним напряжением, Фиона бойко составляет фразы из отдельных фрагментов слов, не договаривая их до конца, не заботясь о том, чтобы чисто выговорить звуки. Она активно общается с окружающими, охотно отвечает на вопросы, сама задает их, рта, что называется, не закрывает. Но я еще раз убеждаюсь: если какие-то навыки основательно не наработаны и мы тем не менее, перешагнув через это, стараемся двигаться дальше, ничего хорошего все равно не выйдет. Наше движение по пути прогресса должно быть поступенным, упорядоченным, введено в строгие рамки с последовательным прохождением всех этапов. Усвоение всего последующего должно вытекать из овладения предыдущим материалом. Если этого нет, если ребенок не овладел «техническими средствами», обеспечивающими ему свободу непосредственного выражения мысли, они, эти мысли, — «маленькие-маленькие, коротенькие-коротенькие», как у известного героя детской книги, — будут еще очень долго тесниться в его голове, не находя выхода, чахнуть, как в плену, не развиваясь и не обогащаясь.

Фиона, как никто другой из ребят, нуждается в твердой руке, целенаправленной, настойчивой, неуклонной и последовательной домашней работе — иного варианта быть не может.

КОЛЯ

Личность очень своеобразная. Маленький, худенький, светлые волосы, синие глаза, нежный румянец на бледном личике - Коля кажется каким-то игрушечным. Но характер...

Коле было 3,5 года, когда, завернутый в одеяло, сидя на руках у отца, он явился на свой первый урок. С рук Колю пересадили на диван. Примерно с год он просидел на нем с отсутствующим видом, неопределенно глядя в окно и прижимая к груди игрушку, которая полюбилась ему раз и навсегда. «Дай пасть!» - неизменно слышу я вот уже два с половиной года. Страшные зубы,

красный язык, две когтистых лапы - голова пучеглазого крокодила извлекается из-под стола и принимает участие в уроке.

И все же мальчик ожил, заговорил и очень быстро, почти минуя начальный, обычно довольно долгий процесс овладения отдельными словами, перешел непосредственно к фразовой речи.

Так же как и Ваня, придя на урок, Коля принимается за дело сам. Раскладывает карточки, читает, рассматривает картинки в книжках. Он человек порядка. Всякое отступление от графика, посторонние разговоры (например, мои с Колиной мамой), присутствие других детей, не успевших «покинуть помещение», он воспринимает как досадную помеху. С детьми Коля сходится плохо. Он не принимает участия в играх и общих разговорах, всем своим видом как бы заявляя: «Вы тут развлекайтесь, а я посижу поработаю». Его соученик и товарищ по-прежнему крокодилья пасть. Коля показывает крокодилу картинки, учит читать или просто сидит, обнимая игрушку как лучшего, преданнейшего друга.

Свои суждения Коля произносит неожиданно, как бы для самого себя, не участвуя в общей игре, а наблюдая и обдумывая ее со стороны. Например, сидит на диване погруженный в себя, в то время как остальные дети рассматривают картинку - медведь сел на теремок и раздавил его. Через некоторое время, когда все уже забыли о медведе, у себя за спиной слышим: «Ромена будет ругать». — «За что, Коля?» - «Медведь сломал домик». Но втянуть его в коллективное обсуждение картинки затруднительно.

Правильно ответив на какой-нибудь мой вопрос, Коля удовлетворенно говорит самому себе: «Сказал. Ромена не будет спорить». «Я расстроился. Настроение у меня плохое», - говорит он вдруг, сидя на табуретке в коридоре, пока мама надевает ему ботинки. «Почему?» - «Плохо занимался». Коля самокритичен, что не мешает ему, не заботясь о производимом впечатлении, посреди урока встать с дивана и, решительно заявив «надоело», направиться к двери.

В своей речи Коля соблюдает падежные окончания, правильно спрягает глаголы, верно употребляет времена, пользуется распространенными предложениями. Но в отличие, например, от Вани, Гриши и Фионы, отдельные эпизоды в книге воспринимает как самостоятельный рассказ, не будучи пока что в состоянии проследить за развитием сюжета. И если Фиона очень скоро стала требовать книги с развернутым сюжетом, то Коля склонен подолгу задерживаться на отдельных эпизодах, и попытки сдвинуть его с насиженного места упрямо отвергает. Вопросом «что же будет дальше?» он не задается.

Уже в 5 лет Коля поразительно четко мог сказать самую замысловатую фразу, но и в 6-летнем возрасте испытывает затруднения, отвечая на вопросы. Совершенно четко говорит тогда, когда, по его мнению, это имеет смысл. Например, по окончании урока: «Ромена, пусти меня домой к бабушке Лиди Михалне». В остальное время часто бормочет себе под нос, не заботясь о том, понимают ли его окружающие.

Коля очень любит музыку, его завораживают огоньки на елке, игра с фонариком в темном коридоре, цветные стеклышки, сквозь которые он смотрит на свет, вообще все волшебное и красивое - то, что пока оставляет равнодушным Ваню и Гришу.

ВАНЯ

Бабушка и дедушка Вани, уже немолодые, бросили все в Баку и приехали в Подмоскovie к дочери, чтобы помочь ей растить мальчика. Ване не было еще и трех лет, когда они стали привозить его в Москву на занятия. Бабушка и дедушка по очереди несли Ваню на руках, пересаживаясь с автобуса в электричку, из электрички ныряя в переполненное метро, из метро садясь опять в автобус. Их путь из подмосковного города Железнодорожный до моего дома занимал два с половиной часа в один конец и столько же обратно.

За три года занятий этот ученик пропустил от силы четыре урока. Железное упорство ни разу не изменило бабушке Тамиле и дедушке Вадиму. Бураны, метели, отмены поездов, автобус долго не приходит — всего этого как буд-то не существует. Не помню случая, чтобы они опоздали на урок. Не раз я ловила себя на мысли: неужели никогда, ни разу не возникало у них желания в плохую погоду остаться дома, хотя бы раз уступить усталости, нездоровью, просто позволить себе передышку, маленькую поблажку?

Ваня начал как и все. Говорить он не умел, не начинал даже, очень многие звуки долго не выходили, да и поведение было отнюдь не образцовым.

Прозанимавшись полгода, он порадовал нас своим первым достижением. «Борода!» — отчетливо объявил он окружающим пассажирам, увидев в вагоне метро бородатого мужчину. Теперь он говорит непрерывно, в 4 года перешел к активной фразовой речи, но настоящей, всепоглощающей его страстью стало чтение.

Я стою в дверях комнаты. Ваня с дедушкой Вадимом пришли на урок, мальчик уже сидит на диване. Делаю дедушке знак: ничего не говорите, помолчим и понаблюдаем.

Ваня раскладывает на столе книги, вытаскивает толстую пачку машинописных листов — наш самодельный букварь. Читает и, аккуратно отложив лист в сторону, берется за следующий. 35 минут я стою у двери. Ваня настолько поглощен своими трудами, что не замечает необычности ситуации. Покончив с чтением, он принимается за карточки. На нас с дедушкой никакого внимания. Самому себе подробно рассказывает, что за звери, цветы, ягоды нарисованы на них. В электричке Ваня точно так же первым делом вытаскивает свои листочки и книжки и принимается за чтение, привлекая внимание едущих в вагоне пассажиров.

Ваня в точности перенял все мои приемы, жесты и интонации, его можно считать моим ассистентом. Он любит учить других, и, если обучаемый отвечает правильно, Ваня поощряет его: «Молодец! Хвалю!» Он

самостоятельно складывает слова из слогов, написанных на карточках, и если подложить ему ненужный слог, немедленно откладывает его в сторону со словами: «Эту зря дали». Читать Ваня научился очень быстро. В 4 года бойко читал отдельные слова, в том числе такие, как «бюрократ», «адвокат», «конституция», вставленные в наш букварь по дедушкиной инициативе, а в 5 лет без особых усилий перешел к чтению связного книжного текста. Читает он настолько быстро, что не успевает толком выговаривать слова.

Я не учила Ваню писать. Просто сказала ему: «Напиши мне слово «наган». - «А как?» - «Палочка, палочка, посередине черточка - это будет «н». Дальше Ваня слушать не стал. Взял мел и уверенно написал слово печатными буквами. Точно так же с первого раза, совершенно правильно были написаны «шалаш», «палата», «галушка» («Бабушка в бульон бросает». - «Куда?» - «В бульон, суп такой»).

Ваня независим, настойчив, бывает упрям - характер! Его соображения отличаются самостоятельностью, его очень трудно заставить врасплох, сбить с толку. На все у него готов ответ. Мы встречаемся с ним после летнего перерыва. «Я тебя совсем забыл!» - говорит мне Ваня. «Ну, посмотри на меня, вспомни», - я застываю на месте! Ваня сосредоточенно смотрит мне в лицо. «Так и было», - заявляет он, не находя в моем облике никаких перемен. Придя в комнату и сев на диван, он начинает рассказывать мне, как ходил на пруд с дедушкой, видел там уток – диких, на берегу паслись корова и три козы - «без козлят». «Утки улетали в Африку», - объясняет мне Ваня. «Ну вот видишь, а ты не смог бы улететь, крыльев у тебя нету». Ваня поводит лопатками, изображает руками крылья. «Все равно бы я улетел». — «Как?» — «На воздушном шаре».

С корреспондентом журнала мы обсуждаем ее будущую статью. Ваня сидит на диване и с нетерпением ждет, когда же мы закончим наши переговоры, ему очень хочется заниматься, а главное - дедушка уже принес на тарелке кусочки бананов, которые Ваня получает в награду за старание. И мы слышим: «Ромена устала. Пора дать ей покой!» Он настойчиво повторяет эти слова, обращаясь к журналистке (Коля Ваню в этом поддерживает: «У Ромены голова болит». — «А кто лечить будет?» — «Гомеопат». У гомеопатов Колю никогда не лечили, но он не только знает это слово, но и верно употребляет его.)

Ваня — это маленькая энциклопедия полученных знаний. У него не просто прекрасная память, он обобщает, делает выводы, систематизирует. Что бы Ваня ни прочитал, какое бы слово ни услышал, он моментально вводит услышанное и увиденное в свой обиход. Речь Вани развернута, употребляет многосложные, труднопроизносимые слова, и иной раз мы его не понимаем. «Я проголодался», — говорит он дедушке. Дедушка переспрашивает. «Давно не ел», — поясняет ему Ваня. Он легко находит запасной вариант, если не удастся четко выговорить трудное слово.

Я была у Вани в гостях. Он спокойно сидит за столом, самостоятельно ест, пользуясь нужными приборами, не мешая взрослым беседовать. Встав на

скамеечку и подвязавшись полотенцем, моет вместе с бабушкой посуду. После чего отправляется в другую комнату, садится на диван, смотрит мультфильмы. Я наблюдаю за ним. Поглощен полностью, смотрит сосредоточенно, серьезно, взгляд цепкий. Затем мы отправляемся на прогулку в лес. Мы с бабушкой идем впереди, Ваня с дедушкой сзади. Он — Железный дровосек. В руке палка — «топор», которым Ваня без усталости «рубит» деревья. Мы прошли не меньше пяти километров. Оглядываясь назад, вижу маленькую фигурку Вани и дедушку, неотступно идущих вслед за нами. Никакого нытья, скулежа, жалоб.

Ваня с дедушкой отправляются из дома на занятия в половине восьмого утра. До этого времени Ваня успевает почитать, затем, по собственной инициативе, читает еще и в электричке. Однако Ваня совсем непохож на ребенка, изможденного непосильным трудом. Это на удивление активный, жизнерадостный мальчик. По утрам Ваню обливают холодной водой. Никаких мягких матрасов, спит Ваня хоть и не на гвоздях, но на чем-то весьма жестком. Если в транспорте нет свободного места, Ваня стоит. Спартакское воспитание.

ВИТАЛИК

«Довольно замкнутый по характеру мальчик, к общению с другими детьми не особенно стремится, но и не отвергает его. Прекрасно дисциплинирован, очень трудоспособен, может заниматься и два, и три часа. Но работать любит с хорошо знакомым материалом. Игрушки его не интересуют, он очень любит книги. Ему нравятся новые слова, он хорошо их запоминает, владеет достаточно обширным активным словарем. Каждое новое слово он воспринимает с удовольствием, ему нравится, как оно звучит, он непременно повторяет его: всякие «кринолины», «фрейлины», «парики», «иллюминаторы» — это его стихия. И при этом Виталик — молчун. Мальчик сильно заикается и в разговоре предпочитает выразиться возможно короче, хотя фразовой речью владеет. Длинных фраз он не любит и предпочитает высказываться тогда, когда обстоятельства вынуждают его к этому. Что особенно важно, падежные окончания существительных и употребление времен в его речи совершенно правильные. В октябре 1998 года перенес операцию по поводу порока сердца, в результате чего очень резко и надолго возобладала реакция охранительного торможения. В частности, это отразилось на уроках чтения. Пришлось в буквальном смысле слова начинать сначала, хотя до операции читал с удовольствием и был подготовлен к тому, чтобы от разработанного мною букваря перейти непосредственно к чтению книг. С урока, длящегося иногда больше двух часов, уходить не хочет. Очень любит слушать русские песни и романсы, подпевает, выражая мимикой все оттенки своих эмоций. Настойчивое внимание я намерена уделить произношению: лексикон мальчика включает довольно сложные слова и

обороты, которые он произносит нечетко, — вследствие заикания темп и ритм речи резко нарушены».

Эта характеристика была написана мною год назад. С тех пор утекло не так уж много воды, а вот изменения в характере и поведении Виталика произошли очень большие. И назревали они не постепенно — наступил очень резкий качественный сдвиг.

Виталик не входит, а врывается в комнату, громко приветствуя присутствующих. Свои приветствия он сопровождает энергичной жестикуляцией, подвижной мимикой. Бурно переживает приключения книжных героев, сопровождает прочитанное комментариями. Стал очень эмоционален, активно реагирует на происходящее вокруг, из типичного интроверта превратился в типичного экстраверта.

Мальчик самостоятелен, на вопросы находит собственный, не шаблонный ответ, выражая свое личное мнение.

САРКИС

Саркис пришел ко мне с мамой — очень симпатичный черноглазый малыш с круглым личиком, четко очерченными бровями и ярким румянцем на щеках. Его привели, чтобы я «научила его говорить». В свои 6 лет он не понимал смысла самых простых слов и не выполнял самой элементарной просьбы. Он испуганно хлопал длинными ресницами, силясь уразуметь, чего от него хотят. Взгляд у него был растерянный, и выглядел он как маленький мученик, стоящий перед проблемой, которую надо разрешить во имя спасения собственной жизни и которую, — увы, — разрешить невозможно. И вначале нужно было не учить его *говорить*, а учить *понимать* смысл обращенной к нему речи.

Энергично указывая рукой то на себя, то на него, мы с мамой Саркиса кричали ему в ухо: «Мама! Саркис! Ромена!» Понадобилось *два с половиной месяца*, чтобы он научился, хоть и неуверенно, показывать сам, где мама, где Саркис и где Ромена. И мы стали задавать ему следующие два — только два! — традиционных вопроса: «Где нос? Где ухо?» С этим он разбирался еще месяца полтора, и стоило только подключить «где глазки?», как он начинал безбожно путаться. Осознание того, что слово означает все то, что он видит вокруг себя — на картинке в книжке, на столе, в комнате, коридоре, на кухне, — пришло к нему очень не скоро. Но оно пришло. И это было главное.

Сейчас, когда слова сыплются у него изо рта как горох из порванного мешка, я вспоминаю, что это был за труд. С какими невероятными усилиями мы добывали каждый звук! И самое печальное было то, что добытое с таким трудом и как будто бы хорошо усвоенное могло в один прекрасный день исчезнуть неведомо куда — и все приходилось начинать сначала.

Теперь Саркис не просто смотрит в книгу, слушая мои пояснения и водя пальцем по картинке. Он видит такие подробности, которых я и сама порой

не замечаю. Лиса на картинке сидит так, что ступня ее лапы обращена к зрителю. «Ладонь!» — говорит Саркис, уловив сходство ступни и ладони. «Шея нет!» — действительно, нет у Карабаса-Барабаса шеи, она скрыта под широкой бородой.

Берем альбом. На фотографии Гриша, он сидит за столом. «Молоко, хлеб сюда!» — ну как же, на столе пусто! А вот Фиона с книжкой. Саркис быстро листает страницы назад, точно такая же фотография, но — «Книжка нету!». Нет у Фионы книжки на этой фотографии! Он заметил это моментально.

Еще фото — мальчик сидит на бревне, рядом — папа, чьей головы не видать, она закрыта ветвями дерева. «Пила! Голова нет, пилить голова!» Кудрявый пудель стоит на задних лапках — «Овца!». Саркис научился обсуждать то, что видит. «Ромена нет. Плачет». — Это его комментарий к картинке, на которой грустный мальчик трет глаза.

Обнаружились необычайная эмоциональность мальчика, его душевная отзывчивость, скрытые до сих пор под, казалось бы, непроницаемой маской *непонимания*, которое делало его симпатичное личико неподвижным, позу — оцепенелой, а поведение — скованным. Дома он махал руками и пытался «рассказать» поразивший его сюжет всей семье, используя одно только слово «била»: в книжке, которую мы рассматривали с Саркисом на уроке, бабка с тряпкой в руке гналась за петухом — била несчастную птицу.

Затем появилась акула, она же «рыба», с ее чудовищной пастью — тоже впечатляющий рисунок. Каков же был восторг всех домашних, когда, глядя на вынутую из морозилки треску, Саркис с уверенностью, раскатывая гортанное «р», сказал: «Рыба». Через некоторое время, увидев на картинке дельфина, Саркис нырнул под стол и, порывшись в ящике с игрушками, извлек резиновую акулу. Приложив ее к рисунку, долго сравнивал дельфина с акулой — молча и сосредоточенно. Медведь, севший на теремок и раздавивший его, возмутил Саркиса до глубины души. Он лихорадочно листал книгу, желая поскорее добраться до этой иллюстрации, и сердитое «уйди!» (к которому через некоторое время он самостоятельно добавил «в лес!») стало словом, которое он безошибочно и по собственной инициативе — а не повторяя за мной — говорил в соответствующих ситуациях. Гирлянда лампочек на елке вспыхивает разноцветными огоньками. Показывая на свой глаз, Саркис говорит: «Мигает!»

Сейчас, когда я смотрю на Саркиса, мне не верится, что этот веселый, открытый, невероятно темпераментный мальчик — тот самый Саркис, который стоял в коридоре три года назад, оцепенело держась за мамину руку. Какая быстрая наблюдательность, какие душевные богатства таились под спудом! Саркис на удивление быстро учится читать, четко пишет печатными буквами, лучше всех рисует. Учится он очень охотно.

Больше всего я радуюсь именно за этого ребенка. Его удалось вытащить буквально «со дна морского». Крест, самый жирный из всех возможных, был поставлен на перспективах его интеллектуального развития, когда он пришел

ко мне. Это был классический «необучаемый». Хуже, что называется, некуда. Вот свидетельство его матери.

«В 6 лет мой сын не произносил ни единого слова, речи не понимал совсем. Поведение было неадекватным. Что вещи имеют название — не понимал. Показать, где мама, где папа, где сестра, где братья, не мог. Потихоньку, не спеша, к нашему величайшему удивлению и восторгу, начал произносить первые слова: дом, дым, труба, окно, кот, собака. Сначала говорил названия предметов, потом добавились прилагательные, наречия: горячо — холодно, темно — ночь, светло — день. Далее — глаголы: стоять, сидеть, смотреть, пить, наливать, варить, чистить. Какое было счастье, когда он начал говорить все это, сказал свое первое слово. О том, что сейчас умеет Саркис, мы и мечтать не смели. Учиться у Ромены очень и очень хочет. «Поедем к Ромене читать и писать», — говорит наш сын, который, придя к ней, не говорил и не понимал (!!!) ни единого слова, не мог выполнить ни одной просьбы».

Саркис опроверг поставленное на нем клеймо — и это дает мне уверенность, внушает бесконечный оптимизм в отношении многих и многих так называемых «необучаемых» и «бесперспективных».

ГРИША

«На занятия к Ромене Теодоровне мы с Гришей пришли, когда сыну было 3,5 года. Гриша говорил лишь несколько слов, постоянно выкрикивал какие-то непонятные звуки, поведение его было хаотичным. Дома у нас было много игрушек и книг, которые мы, родители, покупали в надежде, что они понравятся сыну, привлекут его внимание. Но Гришу интересовали только предметы вроде палки, которыми можно было поколотить по мебели, а потом бросить. Мы чувствовали, что у Гриши есть потенциал. Но как с ним заниматься? Как сдвинуть его с этой точки и повести дальше? Под бдительным руководством дефектолога Гриша строил пирамидки, но результат был тем же самым — все быстро оказывалось на полу. И главное — это было ему совсем неинтересно. И конечно, кроме нас, любящих родителей, всем окружающим было видно, что это типичный дауненок, — рассказывает Гришина мама.

Сейчас, когда я пишу эти строки, Грише 6 лет. Это очень вежливый мальчик. «Виталик, пропусти меня, пожалуйста, к дивану. Будь добр, дай мне пройти!» — говорит он Виталику, сидящему на полу в проходе и не желающему сдвинуться с места. Пока что это единственный ребенок, называющий меня по имени-отчеству и на «вы». Впрочем! надо отметить, что изысканная вежливость не мешает ему упорно бомбардировать постройки из кубиков сестры Маши, делает он это всякий раз, игнорируя просьбы, требования и наказания.

Он никогда не спорит, не дуетя и не капризничает на уроках, легко соглашается со всем, что я ему предлагаю: книгу прочесть — пожалуйста,

письмо продиктовать — тоже согласен, рассказать, как провел лето, — всегда готов. Речь его очень развита. Он уснащает ее литературными эпитетами, вводными предложениями и пр. Цитируемые в книге высказывания Гриши, его письма и дневник, которые пишем под Гришину диктовку я и мама мальчика, дают некоторое, далеко не полное представление об уровне его речевого развития.

Учиться читать Гриша начал в 4 года, в 5 довольно бойко читал толстую книгу рассказов Л. Толстого для детей, в 6 читает «Незнайку», «Дюймовочку», «Путешествия Нильса с дикими гусями». Это очень хороший ученик — покладистый, спокойный, знает и умеет очень многое.

Но и на солнце есть пятна. Если требуется как следует подумать, решить какую-то, пусть несложную, логическую задачу, Гриша отступает. Глаза его начинают бегать по сторонам. Делая вид, что не понял вопроса, он по многу раз переспрашивает, внимание его привлекает ворона, сидящая на ветке за окном, лежащие на столе мелочи.

«Гриша, как называется этот цветок?» — спрашиваю я, сорвав на полянке одуванчик. Спрашиваю так, между прочим, прекрасно зная, что Грише хорошо известны и деревья, и цветы, и фрукты, и ягоды, и овощи. Однако Гриша переберет десять названий от ландыша до розы, пока, наконец, не посмотрит на цветок внимательно.

Что толку констатировать имеющиеся недостатки? Наша задача их исправлять.

ВАСЯ

Вася — полноправный член нашего коллектива, хотя у него не синдром Дауна, а детский церебральный паралич. «Какую книгу будем читать, Вася?» Разводит руки как можно шире и медленно говорит по слогам: «Толстую».

Три года тому назад он, не произносил ни единого звука. Лицо его было неподвижной унылой маской. Однообразными механическими движениями он перемещал по столу игрушки, часами разрывал газеты на аккуратные полоски. Мальчик никогда не улыбался.

Сейчас в это невозможно поверить. Во-первых, обнаружилась блестящая память. Во-вторых, он поражает меня страстным желанием научиться говорить. Из груды карточек, на которых написаны буквы, слоги и слова, он выбирает те, что у него не получаются, и упорно их твердит. Работоспособность Васи оказалась фантастической. С самого начала, с 6-летнего Васиного возраста, наши занятия продолжались не меньше двух с половиной часов, и все это время, можно сказать, кровью и потом поливая каждый звук, мы работали, работали, работали... Урок всякий раз прекращала я, Вася был способен заниматься еще столько же. Иногда я сдавалась: «Ладно, Вася, подождем. Слог «са» у нас пока не получается. Возьмемся за него позже, через некоторое время». На следующий урок, встречая меня у

входной двери, все то время, что я раздевалась в передней, Вася демонстрировал мне, как он бьется над заклЯтым слогом «са». Что касается памяти, Васе достаточно прочесть три-четыре раза полторы страницы машинописного текста, и он повторит его с любого места без единой ошибки. Вася уже говорит, хотя и медленно, и читает.

Недавно Вася побывал в Третьяковской галерее, перед этим целый год я показывала ему слайды. Спросите у него, кто написал картину, - никогда не ошибется. Теперь всякий раз он спрашивает меня: «Посоветуй, куда пойти с мамой». Он требует, чтобы его возили по Москве и показывали достопримечательности. Возить и показывать трудно — Вася очень плохо ходит. Ни о какой машине нет и речи. Но - возят. Он сияет. У него прелестное, живое, выразительное личико. Когда он научился говорить «мама» и «баба», я спросила его: «Вася, кого ты любишь?» Он ответил: «Ты-ба» (тебя).

Да, симбиоз у нас полнейший. Ничто так не объединяет людей, как общие, труднодостижимые цели, совместная борьба за их осуществление. Когда Васю решили отдать в школу, я написала ему блестящую характеристику. Смысл ее сводился к тому, что, несмотря на все сложности, которые приходится преодолевать, обучая Васю, это ученик, о котором можно только мечтать. Характеристика, которой в конце учебного года наградили его педагоги школы, была удручающей, диаметрально противоположной.

Не задались Васины дела в этой школе! Резкий переход от наших занятий, во время которых были выработаны свои приемы, сложилась для него определенная система ценностей, целый ряд привычек, теснейшие, очень прочные дружеские связи и взаимопонимание, - этот переход привел к разрушению определенного стереотипа, нарушил привычное ощущение комфорта. Вася отстал от одного берега и не пристал к другому. И этот переход оказался роковым. Что-то надломилось в его психике.

Возвращаясь с уроков, Вася ложился на диван лицом к стене и плакал весь вечер. «Я глупый!» — говорил он.

Ни разу за все три года я не видела, чтобы он плакал. Видела на его лице выражение мучительного напряжения от старания, от усилий, - с которыми приходилось добиваться результата, он бледнел от боли, падая и ушибаясь, — но не плакал никогда.

Вася ходит теперь в новую школу. В ней он прижился, с лица его исчезло выражение тревоги и тягостного недоумения. Мы наверстываем с ним все, что было упущено за годы, когда, отрешенный от всего, что происходило вокруг, он часами рвал на клочки газеты.

Конечно, нам предстоит еще много, очень много работы. Вася говорит по слогам, темп речи замедленный: С этими недостатками мы со временем, - безусловно, справимся, есть куда более сложные проблемы. Вася может порадовать бабушку, сказав: «Бабушка, какая у тебя худенькая ручка!» Ноговорит он преимущественно заученными фразами. Мальчик без конца

цитирует одно и то же полученное от Гриши письмо, свои письма диктует, пользуясь определенными стереотипами, выхваченными им из наших уроков. Я стараюсь внести всяческое разнообразие и в наши занятия, и в Васину речь. Все это нелегко, но основа заложена, Вася говорит, и это главное.

Определенный — средний — уровень знаний, умений, навыков является для всех этих детей общим, хотя четких границ, конечно, не существует. Общей для всех является перспектива, ибо все, с чем уже справился Ваня, Фиона и Коля тоже справятся, хотя и позднее. Так же как, повторяю, всему, чему обучены эти дети, и тому, что им еще предстоит узнать, можно обучить и вашего малыша. Но прежде чем приступить к непосредственному изложению методики обучения детей с синдромом Дауна родному языку, я должна особым образом подчеркнуть, что процесс такого обучения — это единый, неделимый поток, одновременно охватывающий множество аспектов. Именно поэтому вы не найдете в книге некой четко определенной схемы, следуя которой можно по очереди решать стоящие перед вами задачи.

«Давайте распределим между собой то, чем мы будем заниматься, - деловито сказала мне по телефону молодой дефектолог, посещающая на дому моего ученика. - Кто из нас будет заниматься пространственными представлениями? А временными? А фантазийными?»

Меня особенно поразили занесенные в этот реестр отдельно взятые «фантазийные представления»...

Ничего «отдельно взятого», изолированного быть не должно. Скрупулезнейшим образом работая над приобретением ребенком совершенно определенных навыков, умений, знаний, всячески расширяя его представления об окружающем, мы объединяем все это в единое и неделимое целое. Обучение - это полноводная река, в которую вливаются все новые и новые малые и большие речушки, создавая общую и цельную картину мира, в котором ребенку предстоит жить и действовать. Итак, приступим!

Учимся говорить

Труден первый шаг
И скучен первый путь.
А. Пушкин

Глава I

СКАЖИ «БА»- - И ДАМ ТЕБЕ КОНФЕТУ...

**Слушаем музыку. Не лижите тарелки я марки. Слоги, ключевые слова и обороты.
Наши первые речевые игры. Книжки-раскладушки. Карточки**

Речь ребенка с синдромом Дауна невнятна, отрывочна и бессвязна. Встречаются случаи и вовсе фантастические. Ребенок говорит на тарабарском наречии, которое даже воспроизвести невозможно. Слово «ухо» девятилетняя Маша сказать не могла, зато у нее прекрасно выходило какое-нибудь несусветное «вогло». Но и «вогло» существовало не более одного раза, в следующий раз, указывая на ухо, она говорила «лазу». Такого рода «словами» девочка строчила как из пулемета, объединяя их в длинные фразы, походило это на то, как если бы вы принялись читать текст в книге справа налево.

Но самую трудную категорию представляют дети, вовсе соотносящие слово с конкретным предметом, действием, явлением и т. д., — постижение номинативной функции речи остается как будто за пределами их возможностей. Такой ребенок не понимает обращенную к нему речь и не в состоянии ответить жестом на самые простые вопросы: «Где ушко? Где глаз? Где мама?»

К 5-6 годам ребенок с синдромом Дауна лишь пытается произнести слова и короткие фразы. Речь его неразборчива, и понять ее могут только близкие люди.

Чем дальше, тем хуже. Какая невообразимая мешанина неартикулированных звуков, нечетко проговариваемых слов, аграмматичных построений! И мы предоставляем ребенку самому выбираться из этого хаоса. Но если этот процесс осуществляется ребенком самостоятельно, то он идет очень медленно, дефектов набирается так много и они приобретают столь устойчивый характер, что от них очень трудно избавиться даже с помощью специалиста. Как правило, эта помощь приходит слишком поздно - в раннем возрасте ребенок с синдромом Дауна не в состоянии воспринимать указания логопеда, он не понимает, чего от него хотят, и категорически препятствует

введению в рот специальных инструментов. И в данном случае речь должна идти не о том, чтобы исправлять уже имеющиеся многочисленные дефекты, а в том, чтобы, насколько это возможно, препятствовать их образованию.

Традиционные приемы, ориентированные на нормальных детей, к которым прибегает логопед в работе с ребенком с синдромом Дауна, - это зачастую эквилибристика с его языком, труднодоступные упражнения, непонятные не только ребенку, но и его родителям, от которых требуют, чтобы, занимаясь с малышом, они выполняли эти упражнения дома.

Но ведь дело не только и не столько в том, что у ребенка с синдромом Дауна большой и неповоротливый язык. Направляя свои усилия в первую очередь на исправление этого дефекта, логопеды, увы, заходят не с того конца.

Лежа в коляске, младенец перебирает звуки на всевозможные лады. Он делает это бессознательно, и никому не приходит в голову, подступив к нему с зеркалом, требовать, чтобы он четко артикулировал эти звуки, - ну, скажем, «а», «о», «у». Вы, взрослый человек, достаточно натренированы в произношении звуков не только родного, но, возможно, и какого-нибудь иностранного языка, однако попробуйте сами проделать это упражнение, и увидите, что от вас потребуется концентрация внимания и определенные усилия.

Ребенка с синдромом Дауна мы *обучаем* говорить, и задача заключается в том, чтобы начать обучение как можно раньше. Но ведь обучение - это сознательный процесс, на осознанное отношение 2-, 3- и даже 4-летнего ребенка с синдромом Дауна к поставленным перед ним чересчур сложным задачам рассчитывать не приходится, так же как мы не можем рассчитывать на его готовность совершать активные волевые усилия.

Да, сознание уже пробудилось в нем, однако многих наших требований он все равно не понимает. Может быть, зеркало и пригодится ребенку в возрасте, когда он действительно сможет им, манипулировать, но это, увы, *слишком поздно*. И что доступно его пониманию в такой, например, рекомендации логопеда: «Кончик языка упереть в нижние передние зубы, его боковые края прижаты к верхним коренным зубам. В таком положении выкатить широкий язык вперед и убрать. Делать 15—20 раз»?

Может быть, книга, из которой взята цитата, адресована студентам отделения дефектологии? Ничего подобного. Это «Азбука» — большого формата, разноцветная, красочная, - родители бросятся ее покупать, но покажите мне отца или мать, которым удалось научить 4—5-летнего ребенка с синдромом Дауна этому упражнению...

Зачем прививать ребенку, поступки которого и без того вызывают недоумение и раздражение окружающих, навыки, которые превращаются в плохую-привычку и делают еще более явными неправильности его поведения? Для укрепления язычной мышцы его учат лизать марки, тарелки - и вот на глазах недоумевающей публики он облизывает шкаф, стену, маму и других детей.

Но ведь пианист развивает свой аппарат — пальцы — не барабана ими по стене или доске, а *в процессе игры на фортепиано*. Он не наращивает себе мускулы молотобойца. *Только в соприкосновении с клавишами фортепиано* вырабатывает он ощущение клавиатуры, а соответственно и ощущение звука.

Развитие и организация мельчайших групп мускулов его пальцев, кисти, предплечья и плеча происходит только таким образом — в непосредственном срачивании с инструментом. «*C'est en forgeant qu'on devient forgeron*» — «только если куешь, становишься кузнецом». Тот, кто хочет научиться шить, запасается иглой, ниткой и куском полотна - и принимается за работу, желающий играть на скрипке в одной руке держит смычок, в другой скрипку -и тоже приступает к делу.

«Не понимаю, почему ваш ребенок не говорит, ведь артикуляционный аппарат у него в полном порядке», - удивляется логопед, специалист, прошедший полный курс наук в высшем учебном заведении. Окончив институт, она, видимо, представления не имеет о сложнейшей системе связи между слухом, мозгом и этим самым превосходным артикуляционным аппаратом, о том, что должны быть отлажены не отдельные элементы, а их взаимодействие в этой системе.

Каким бы прекрасным ни был инструмент — будь это даже бесценный Страдивари, — для того чтобы скрипка зазвучала, ребенок должен учиться на ней играть. И поначалу это будут неуверенные, хриплые, дрожащие, режущие слух звуки. Сколько бы ни натирал ученик свой смычок канифолью, это мало что меняет. Заниматься нужно!

«Первоначально, - пишет Н. И. Жинкин, - центральное управление двигательного анализатора не способно подать такой верный импульс на органы речи, который вызвал бы артикуляцию и звук, соответствующий нормам контролирующего слуха. Первые попытки управления речевыми органами будут неточными, грубыми, недифференцированными. Слуховой контроль будет их отклонять. Но управление речевыми органами никогда не наладится, если сами они не будут сообщать в управляющий центр, что ими делается, когда воспроизводится ошибочный, не принимаемый слухом звук. Такой обратный посыл импульсов от речевых органов и происходит. На основании их центральное управление может перестроить ошибочный посыл в более точный и принимаемый слуховым контролем»¹.

Научиться говорить можно только *разговаривая*. Рекомендациями логопедов родители детей с синдромом Дауна исписывают целые тетради, наклеивают туда же. картинки, рисуют яблоки и груши, но все это только отвлекает внимание ребенка от непосредственной задачи.

И если принять за аксиому утверждение отом, что в сравнении с нормальными сверстниками 4—5-летние дети с синдромом Дауна отстают в развитии на два-три года — а разрыв увеличивается чем дальше, тем больше,

¹ Ж и н к и н Н. И. Механизмы речи. М. 1959. С 63.

— то станет еще более понятным, какого «успеха» можно добиться традиционными методами, начав занятия с ребенком в дошкольном возрасте. Желаемого результата эти методы дать не могут, и время оказывается упущенным.

Поскольку овладение даже элементарными навыками разговорной речи задерживается, то надолго отодвигается следующий очень важный этап — развитие логического мышления, способности к обобщениям, более глубокому пониманию действительности. И вот мы видим 15-летнего паренька, который нянчит плюшевого мишку, а окружающие думают, что ни на что другое он и не способен. Страдает и поведение. Ребенок не в состоянии выразить самую простую просьбу, не говоря уже о том, что он не может ни спросить о том, что ему непонятно, ни рассуждать, ни спорить, высказывая свое мнение, ни что-либо доказать. Он может лишь слепо подчиниться родительской воле, постепенно превращаясь в существо слабое, покорное, зависимое во всех отношениях, либо делается неуправляемым, агрессивным, упрямо, иногда в самой дикой форме настаивает на своем.

«Скажи: мама, дай шоколадку», — настойчиво просит мать, держа в руках любимое лакомство малыша. Родители ошибочно полагают, что стимулирование вызовет спонтанный ответ: ведь ребенок уже большой, в его возрасте речь у детей льется как вода из крана. Почему он не может сказать такую простую фразу?

Все попытки заставить ребенка говорить ни к чему не приводят. Проходит очень много времени, прежде чем он скажет свои первые короткие не слова даже, а кусочки слов, их фрагменты. И тогда родители убеждаются в том, что ребенок не в состоянии не только целиком сказать фразу, он с трудом выговаривает звуки, да и то не все.

Дети с синдромом Дауна не выделяют структурных ячеек речи. Она звучит для них как сплошной речевой поток, в который ребенок не вслушивается и смысл которого он не в состоянии осознанно воспринять.

Если, проходя с ребенком по улице, мать говорит: «Вот машина едет», то для малыша с синдромом Дауна это звучит как «вотмашинаедет». Он и в отдельно-то взятом слове не слышит толком составляющих его звуков и слогов, где же ему разобраться в структуре длинной фразы?! Что-то он, конечно, понимает, но что именно?

Мать изо дня в день одевает, умывает и кормит ребенка, гуляет с ним, ходит с малышом в гости и т. д. Свои действия она сопровождает неизменным комментарием, звучит это приблизительно так: «Ногу давай! Правую! Правую, а не левую! Сейчас наденем сапожки и пойдем гулять. А сколько снега на улице! Детки на санках катаются. И у Коли есть саночки. Помнишь, как ты вчера упал? Бух!» — и т. д. Ритуал одевания, кормления, умывания неизменен, а речь матери — всякий раз новая импровизация.

«Процесс кристаллизации», когда ребенок начинает вычленять что-то из этого звукового фона, запаздывает. Соответственно надолго, очень надолго

отодвигается время, когда, самостоятельно выкарабкиваясь из трудностей, он начинает говорить сам.

Оказавшись где-нибудь за рубежом, через три-четыре месяца нормальный ребенок пяти-шести лет начинает бойко и совершенно свободно говорить на чужом языке. Процесс овладения речью происходит у него спонтанно, на подсознательном уровне. Нормальный ребенок схватывает все на *лету*, о каком-то специально организованном процессе обучения в данном случае говорить не приходится.

Ребенок с синдромом Дауна такой способностью не обладает. Он не в состоянии самостоятельно выстроить какую-то систему в звучащей вокруг него речи. Ребенка с синдромом Дауна мы обучаем говорить приблизительно так, как учат иностранному языку взрослого человека. Мы начинаем с малого, переходя ко все более сложному, и переход этот должен быть очень последовательным и постепенным.

Чем больше слов знает нормальный ребенок, тем легче ему говорить. Не то у ребенка с синдромом Дауна. Как правило, родители изливают водопады слов, стараясь втиснуть в голову малыша как можно больше информации. И говорят, и говорят, и говорят. И чем больше говорят, тем труднее ребенку заговорить самому. Среди множества причин, затрудняющих развитие его речи, есть и такая — ребенок не знает, что ему *выбрать* из всех тех слов, которые он слышит от папы с мамой.

И вот — прошли все сроки, а ребенок не говорит. Родители начинают метаться от педагога к педагогу: «Я от дедушки ушел, я от бабушки ушел, от тебя, серый волк...» Хорошо еще, если есть куда метнуться. Они ищут того, кто взмахнет волшебной палочкой — и произойдет чудо: ребенок заговорит. Но чуда не происходит. Чаще всего родители слышат роковое, убивающее всякую надежду слово «необучаем».

Что же все-таки делать? С чего начать? Хоть и плохо, и поздно, но он уже начинает говорить сам, и все понимает — почему же он «необучаемый»? Так чем же руководствоваться? Какими книгами? А если начал говорить, а потом замолчал? А если ему уже 18 и он даже имени своего не приносит? Как со всем этим справиться?

Прежде всего запастись терпением. Давайте спокойно сядем и во всем разберемся. Ваш ребенок вполне обучаем — в этом вы можете быть совершенно уверены.

Безусловно, начинать учить ребенка говорить нужно как можно раньше. И самый подходящий для этого возраст - 2—3 года. Пассивно ожидать, когда он наконец заговорит сам, не приходится. Окружающая жизнь обрушивает на него поток информации, которую ребенок с синдромом Дауна пусть не в полном объеме, пусть по-своему, но обрабатывает. К 5—6 годам он накапливает достаточно обширный запас ощущений, впечатлений, наблюдений и представлений, он многое понимает. У ребенка возникает вполне естественная потребность активного взаимодействия с окружающим миром. И самый опять-таки естественный и необходимый способ такого

взаимодействия — речь. Однако чаще всего между его психофизическим и речевым развитием существует разрыв, несоразмерность — и это обуславливает дискомфорт и, помимо всего прочего, порождает и формирует целый ряд стойких привычек, которые становятся основой неправильного поведения (зачастую появление этих привычек бывает спровоцировано самими родителями). Возникает некий заколдованный круг, еще больше укрепляющий окружающих в мнении, что ребенок ненормален и что эта ситуация никоим образом не подлежит исправлению.

Если обучение речи начинается достаточно рано, до того как с большим опозданием ребенок начинает говорить самостоятельно, то процессы психофизического и речевого развития осуществляются более или менее параллельно, а лучше сказать — они будут взаимосвязаны и взаимобусловлены.

Все те стадии развития речевого процесса, которые у нормального ребенка осуществляются в соответствии с заложенной природой программой и проходят спонтанно, сами собой, ребенок с синдромом Дауна приблизительно в той же последовательности осваивает в результате обучения, однако медленнее, чем это делает его нормальный сверстник.

Ко мне приходят дети, которым нет еще и трех лет. Они говорят самое большее три-четыре слова — что-нибудь вроде «мама», «папа», «пить», «дай». И учиться *говорить* они начинают без какого бы то ни было промедления, буквально с первого урока.

С чего же мы начинаем?

Развитием слуха, внимания, подражательных способностей следует заняться как можно раньше. Мне-не один раз приходилось наблюдать, как совсем маленькие дети с синдромом Дауна тянутся к музыкальным инструментам, буквально замирают при звуках музыки. Используйте музыкальные записи в своей работе с детьми, пусть ребенок как можно раньше начинает прислушиваться, как звучат различного рода музыкальные инструменты. И особенно народные — шумовые, струнные, ударные с их разнообразием иной раз совершенно экзотических тембров. Если вам удастся собрать коллекцию таких записей — это будет очень хорошо!

Во время кормления, пеленая, одевая, укладывающая малыша в кровать, мать сопровождает свои действия словами, что-то ласково приговаривает, напевает и т. д. Говорите не только слова — вы можете произносить также отдельные звуки и слоги, для того чтобы возможно раньше ребенок начал прислушиваться к их характерным особенностям.

Следить за движением нашего языка и губ мы начинаем приучать ребенка задолго до того, как он начнет сознательно нам подражать. Это можно делать лежа с малышом в постели, когда он ничем не занят и ничто его не отвлекает.

«Ла-ла-ла, ле-ле-ле, лё-лё-лё» — язык движется легко и быстро, словно язычок колокольчика (с произношением этих слогов придется, повозиться,

когда ребенок начнет учиться произносить их сам, добиваясь того, чтобы кончик его языка приобрел необходимую подвижность).

«Ба-ба-ба» — вы смыкаете губы. «С-с-с, ш-ш-ш» — свистите и шипите.

Очень скоро ребенок начинает заинтересованно наблюдать за всем этим, а впоследствии должен будет и сам, подражая вам, растягивать рот до ушей — *ды, мы*; произносить *бу, ду, му*, держа у рта широкую трубочку и направляя в нее звук; покусывая верхней губой нижнюю, говорит *ва, во, ву*. Но очень многое он *просто повторяет за вами, постепенно корректируя произношение и опираясь при этом только на слуховое восприятие.*

За редким исключением каждый ребенок с синдромом Дауна к 3—4 годам, а то и раньше, может повторить за вами несколько слогов. И я приступаю к обучению речи, начиная не с отдельно взятых слов и не с постановки отдельно взятых звуков — и уж тем более не с фраз, пусть даже самых коротких. За единицу принимается открытый слог, начинающийся с твердого согласного звука. Сказать *ба, ва, га, да, жа* и т. д. гораздо легче, чем сказать *б, в, г, д, ж* - с этим не приходится спорить. Соблюдение определенной последовательности в выделении коротких слоговых ячеек с последующим объединением их в более развернутые группы простых одно- и двусложных слов открывает возможность создавать первоначальный словарь, уносящийся на первых порах к строго выверенной конкретной ситуации. При этом я опираюсь на слух и подражательные способности ребенка, на то, что пусть в ущербном виде, но дано ему природой. Ребенок будет долго путать и ошибаться, говоря «келега» вместо «телега», называет маму папой, а папу — бабой. И, безусловно, развитие фонематического слуха требует больших и непрерывных усилий, — но это возможно и, собственно говоря, не так трудно, как кажется.

Твердый согласный звук в открытом слоге организует мускулатуру губ и языка и активизирует произношение последующего гласного звука (хотя на первых порах, быть может, и недостаточно). Во всяком случае, артикулирование изолированных гласных потребовало бы от ребенка куда большей концентрации и сосредоточения. Никакие зеркала в данном случае не помогут, ибо нашему ученику — напоминаю — всего 2,5—3 года.

Неустанный тренаж заставляет ребенка постоянно прислушиваться к тому, как он произносит звуки, и вырабатывает ощущение правильного их формирования, раз от разу корректируя как восприятие звука, так и его воспроизведение. Соблюдать непрременную, совершенно определенную последовательность слогов не приходится, не следует сразу отрабатывать весь ряд — *ба, бо, бу* и т. д., сочетая согласный со всеми существующими гласными, иначе вы надолго застрянете.

Если, скажем, у ребенка легко выходят слоги «ба» и «бы», то «бо» и «бу» могут очень долго не получаться: ребенок говорит «ду» вместо «бу» и т. д. Все, что не выходит, отрабатывайте очень постепенно и не торопясь, начинать следует с того, что получается.

Одновременно с этим на начальном этапе обучения следует определить слова и обороты, которые ребенок будет постоянно слышать от вас и которые будут «привязаны» к каждодневным ритуалам, постоянно повторяющимся ситуациям — они составят некое ядро, которое в дальнейшем «обрастет» все новыми и новыми словами.

Вот некоторые из этих слов и оборотов.

1. УПАЛО. Ребенок да и мы сами очень часто роняем что-нибудь, придавая этому значение только в том случае, если упавшее разлетелось во все стороны, разбившись вдребезги. Привлеките внимание ребенка к этому факту. Слово «упало» может стать одним из тех, которые очень скоро по слогам произнесет ваш ребенок. Всякий раз, намеренно роняя вещи, говорите его — и пусть малыш, если может, повторяет его за вами.

2. ВЫСОКО. Поднесите ребенка к окну — как высоко светит луна, как ярко горит она в темном небе! И слово «луна», и слово «высоко» удобны для произношения. Высоко на дереве гнездо, высоко на балконе мама машет рукой, высоко над дверцей шкафа прыгают куклы в импровизированном домашнем театре. Вы-со-ко. Вы определяете уже не предмет: незаметно для себя ребенок будет овладевать пространственными, временными и прочими понятиями.

3. ЗАВТРА, «Бабушка придет завтра. В детский сад пойдем завтра», — соотносите это слово с тем, что происходит систематически, а не от случая к случаю.

4. НЕТУ (вместо «нет»). Это даст возможность отрабатывать не один, а два слога). Вместе с малышом вы обескураженно разводите руками, ища и не находя спрятанную игрушку. Под подушкой — нету. Под диваном — нету. В сумке — тоже нету. У этого дедушки на картинке есть борода, а вот у этого — нету. У одной собаки есть ошейник, у другой — нету и т. д.

5. ЧТО ТАМ ВНУТРИ (в коробочке, ящичке, кошельке, варежке, кастрюле)? Положите что-нибудь внутрь - мыло, монету, помаду...

6. ПУСТО. Перед тем как заглянуть с ребенком в коробку, сумочку, кошелек, вытащите содержимое. Прежде чем налить чай, покажите ребенку чашку — пусто. Изобретайте все новые и новые варианты. Говорите слово «пусто» с удивлением, разочарованно, как бы раздражаясь и т. д.

7. ТЕМНО. Входя с ребенком в темную комнату, скажите это слово, а потом уже зажгите свет. Каждые утро и вечер, поднося ребенка к окну, говорите: «Утро, светло». Либо: «Вечер, темно».

8. МОЯ ОЧЕРЕДЬ, ТВОЯ ОЧЕРЕДЬ. Предваряйте этими словами действия свои и ребенка, играя в мяч, направляя друг другу машинку, паровозик и т. д.

9. БЫСТРО - МЕДЛЕННО. «Быстро-быстро-быстро-быстро!» — говорим мы, и быстро-быстро мелькает то на потолке, то на полу световое пятно от зажженного фонарика. Медленно-медленно поводим мы рукой малыша, и он, как зачарованный, следит за тем, как это пятно ползет по стене, забирается в угол. Он и сам может направить луч — в пол! в потолок! в угол!

10. ЧТО ЗДЕСЬ ПРОИСХОДИТ? Если на картинке в книге запечатлено какое-нибудь волнующее событие — кто-то упал в воду, провалился в яму и его общими усилиями спасают, если толпа собралась на улице, по которой несется голый Пиноккио, у кошки загорелся дом, и его со всех сторон заливают водой, — во всех подобных случаях вы произносите эту фразу.

11. «ВОТ ТАК», — говорим мы, складывая вместе с ребенком домик из кубиков, надевая на палочку колечки, показывая ему, как держать мелок или карандаш. «Вот так», — сам себе говорит Саркис, составив длинную цепочку из маленьких машинок.

Таких простых, но чрезвычайно важных ключевых слов и оборотов, которые вы вычленяете из повседневной речи и осваиваете с ребенком в первую очередь, должно быть как можно больше. И в зависимости от образа жизни вашей семьи, от сложившихся в ней традиций, привычек близких ребенку людей вам следует моделировать, ситуации, которые позволили бы создавать подобные «ключи», и постоянно употреблять их в своей речи.

Ваша речь должна быть ясной, четкой, лаконичной: «Са-по-ги. Шап-ка», — по слогам, очень внятно говорим мы ребенку, одевая его. «Ка-ша. Лож-ка. Нож», — внушаем ему за едой. «Мы-ло. Душ. Во-да. Холодная. Горячая. Лу-жа», — произносим в ванной. Быть может, ребенок еще не говорит и не может повторить этих слов за вами, но они послужат отправной точкой на пути, по которому вы поведете своего малыша.

Это не значит, что вся семья должна с утра до ночи говорить в телеграфном стиле. Этого ни в коем случае не требуется. Безусловно, ребенок должен быть погружен в стихию родного языка. И он слышит его повсюду — и дома, и на улице, так что не следует опасаться, что он окажется в некоем выхолощенном пространстве. Но разве нам нужен пространственный, слишком обстоятельный ответ, когда со своим слабым знанием иностранного языка мы спрашиваем дорогу за границей? Мы предпочтем, чтобы нам ответили как можно проще и короче, употребив самые что ни на есть ходовые слова.

Если вашему ребенку 2—3 года и он еще не начал говорить, пусть эти слова и обороты по крайней мере будут у него на слуху. Если же он может повторить их за вами, пусть всякий раз это делает.

Как и все дети, ребенок с синдромом Дауна отзывчив, чуток, и, так же как в любого ребенка, природа вложила в него инстинкт познания. Да, он *хочет* учиться, ему очень тяжело пребывать во мраке. «Труден первый шаг и скучен первый путь», — вам может показаться, что просвета нет и не будет. Ребенок упрямится, ленится, и вам надо добиться от него понимания того, что он *должен* выполнить ваши требования. Но именно поэтому требовать следует то, что *выполнимо*, то, что ребенок действительно *может* сделать.

В свои 12 лет Алеша, приехавший из-под Читы, говорил всего четыре слова: «мама», «баба», «дядя» и «Коля». Через месяц занятий по одному часу в день в его словаре было более 100 слов, которые он произносил абсолютно

правильно. Кто мне скажет, откуда взялся фонематический слух, на слабость которого постоянно ссылаются специалисты?

Такого же результата удалось добиться и с Сережей из-под Екатеринбурга, и с Наташей из поселка под Минском, и с детьми, которых я вообще не видела: их родители, получив одну-две консультации, принялись за дело сами.

Кате 8 лет. Мать-одиночка определила ее в интернат, где она и росла до этого возраста. Она бегаёт по комнате либо кружится на одном месте, без конца повторяя одно и то же, похожее на квохтанье «ке-ке-ке-ке».

Четыре урока подряд я повторяю ей: «Скажи «а»!» И для наглядности как можно шире открываю рот. Катя меня не понимает. Но, идя на пятый урок, она останавливается у моего подъезда и, точно так же широко открыв рот, громко говорит: «А!» Обучение началось.

Это чрезвычайно важный момент! Ребенок должен, во-первых, *понять*, что ему необходимо выполнить вашу команду (просьбу, требование — называйте как хотите), и, во-вторых, *захотеть* это сделать. И делать постоянно, неоднократно, всякий раз — сначала желая просто получить поощрительный приз, затем — по выработавшейся привычке и, наконец, потому, что *ему нравится учиться*, что он этого *хочет*, так как в нем пробудилась страсть к познанию, заложенная в человека природой.

5-летний Дима приехал издалека. Мы сидим на диване, на столе перед нами большая коробка с очень маленькими игрушками. Тут и крошечные куколочки, и машинки, и пуговицы, и разноцветные стеклышки. Мы молча, по одной, вытаскиваем игрушки из коробки и раскладываем на столе. И вот когда я вижу, что ребенок привык ко мне, осторожно приступаю к выяснению, какие из слогов имеются в его запасе. «Скажи «ба» — и дам тебе машинку. Скажи «ду» — и дам колечко...»

Среди игрушек у нас имеется длинная доска, поставленная наклонно. Как быстро съезжают по ней маленькие разноцветные машинки! Однако машинку ребенок получает после того, как повторит за мной какой-нибудь слог. Поначалу маленькому упрямцу желательно схватить игрушку без всякого выкупа. Но довольно скоро он начинает понимать, что напрасно тратит время — гораздо быстрее можно обрести желаемое, если выполнить мое требование. И вот Саркис получает машинку, Коля прижимает к сердцу пучеглазого крокодила, с Сережей мы поладили, когда я извлекла с антресолей полк солдат — пластмассовых и оловянных. Надо сказать, что найти что-то подходящее бывает порой очень непросто и на это уходит довольно много времени.

Стимулирование в данном случае оправданно и результативно, ибо хоть и не совсем чисто, но какие-то слоги ребенок вам скажет.

Берем тетрадь и, разделив ее на три колонки, слева пишем слоги, которые у ребенка получаются, а в середине — слова, которые можно из них составить. Возможно, это будут *губы, дубы, баба, нога, собака* и т. д. В правой колонке окажутся слоги, произношения которых придется доби

ваться длительным и многократным повторением. На этом, самом раннем, этапе слог должен быть открытым и включать в себя только одну — твердую — согласную.

Повторяйте слоги по многу раз, добиваясь того, чтобы ребенок говорил их все чище и чище, а он непременно будет делать это, если вы проявите терпение. Слоги, написанные в правой колонке вашей тетради, по мере того как вы будете отрабатывать их произношение, постепенно окажутся в левой колонке. А средняя колонка будет постоянно пополняться одно-, двух- и трехсложными словами, состоящими из этих хорошо отработанных слогов.

Приучите ребенка смотреть, в тетрадь на все удлиняющийся столбик слов, которые он учится говорить. Пусть следит за тем, как вы ставите крестики, отмечая каждое сказанное им слово: ребенку всегда легче выполнить задание, если он заранее знает объем работы. Очень трудно заниматься, если у занятий не видать ни конца ни края! Ваш ученик будет отдавать себе отчет в том, что делает, сопоставит то, что говорит, с тем, что видит на страничке. Такого рода работа и в дальнейшем станет для него чем-то вроде гамм для музыканта, он привыкает к ее обязательности и послушно выполнит ваше требование.

Не требуйте от ребенка быстрого усвоения и не отрабатывайте все сразу. «Когда не спешат, из яйца выходит цыпленок» — почаще вспоминайте эти мудрые слова. И пусть ваша интуиция подскажет вам, когда нужно отступить, пойти на компромисс. Не будьте неукоснительно принципиальны, не мучьте ребенка, иначе можно вызвать у него стойко-негативное отношение к вашим требованиям.

Поднимите руку с растопыренными пальцами и, загибая их («Всего пять слов скажешь!»), попросите ребенка четко выговорить слоги и слова, произношение которых вы с ним отрабатываете. Это нетрудно, просьбу вашу ребенок выполнит, если вы постоянно будете прибегать к этому нехитрому упражнению. Ибо все, к чему ребенок с синдромом Дауна *привык*, он делает охотно. Заметьте, у него давно сложился целый комплекс ритуалов, отступление от которых вызывает у него если и не такой дискомфорт, как у аутичного ребенка, то, во всяком случае, неудовольствие. Даже если речь идет об уроках. Извлеките из этого пользу, вырабатывая нужные привычки, соблюдая в занятиях определенную последовательность, против которой ребенок уже не станет возражать.

Одевая ребенка, мать восклицает: «Скажи: са-по-ги!» Но, обучая малыша, слова следует говорить не просто по слогам. *Каждый слог в слове ребенок повторяет за вами.* К сожалению, очень часто родители забывают об этом, либо у них нет терпения выслушать ребенка.

Случается, что, уже научившись довольно чисто произносить отдельные слоги, ребенок тем не менее не может повторить вслед за вами даже самое простое двусложное слово. Сказав первый слог, он отвлекается и уже не по

мнит, что же дальше. Приучите его смотреть вам в лицо. «Посмотри на меня!» — настойчиво требую я и поворачиваю к себе голову малыша.

Это совсем нелегко, его внимание рассеивается, он не в состоянии сосредоточиться иной раз даже на несколько секунд. Но добиваться этого следует непременно, с первого же урока. И постоянно требовать вам будет ничуть не легче, чем ребенку — выполнять ваши требования.

Иной раз, постоянно повторяя слог в слове только после того, как его скажете вы, ребенок молчит и ждет, когда вы это сделаете, — настолько он привыкает к такого рода очередности. Движением губ и языка, подсказывайте ему последующий слог, не произнося его вслух. Если вы почувствовали, что он уже вполне, может справиться сам, введите слово «дальше». Очень скоро ребенок поймет, что дальше он должен говорить, не дожидаясь вашей подсказки. Можно попробовать также говорить *вместе с ребенком*, присоединяя следующий слог нараспев.

Составляя слова из слогов, не употребляйте уменьшительных суффиксов. Не «ножка», «губка», «лапка», «машинка» — ребенку легче сказать «губа», «нога», «машина», «собака». Четко выговорить каждый звук в группах согласных на первых порах трудно, и он привыкает говорить «лака» вместо «лапка», «нока» вместо «ножка», «машика» или «мака» и т. п. «Зубки», «детки», «губки» превращаются в «зуки», «деки», «гуки» — и все это, вместо того чтобы сказать понятные всем и совершенно правильные «зубы», «дети» и «губы».

Ошибки у детей с синдромом Дауна приобретают устойчивый характер. И если вместо «собачка» он говорит «кабачка», а вместо «машины» «бибика», — это надолго. Как можно раньше ребенок должен усвоить, что на свете существует «машина», а не «бибика», есть слово «гулять», а не «тпруа-тпруа». Ни разу в жизни не пришлось мне услышать, чтобы ребенок это «тпруа» сказал сам, и никто не сможет объяснить, почему оно кажется родителям более понятным, чем слово «гулять».

Завидя корову и мышку на картинке, 6-летняя Юля упорно называет их так, как заучила два года тому назад — «пи-пи» и «му-му», либо щелкает языком, вместо того что-бы сказать короткое слово «конь». Между тем сказать слова «мышка», «корова», «машина» она вполне могла бы, ибо все составляющие их слоги она свободно произносит. Однако попробуйте ее переучить. Вам это не скоро удастся.

Все так называемые «детские» слова, все эти «ляли», «бибики» и «ням-ням» придуманы отнюдь не детьми. Их навязали им взрослые.

Родители, разговаривающие на подобном языке с ребенком, не доверяют его интеллекту и, вместо того чтобы повышать уровень развития малыша, опускаются вместе с ним до примитива!

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается... Такие слова, как *липа, дети, зима, телега, колесо, дерево*, получатся не сразу — наработка слогов с согласными *с, л, т* требует тонкой дифференциации движений и положения языка за зубами и соответственно довольно длительного

времени, в особенности если это согласные мягкие.

Звук *р* дети, как правило, долго не выговаривают, но биться над его верным произношением пока не стоит.

Количество двусложных слов, составленных из слогов, которые ребенок говорит достаточно чисто, постепенно увеличивается, и, работая по тому же принципу, мы добавляем к ним слова, состоящие из трех слогов, — к примеру, *молоко, голова, лопата, борода, бумага, собака* и т. д.

Ваш ребенок уже достаточно натренирован в произношении согласных звуков в открытых слогах. Принимаемся за работу над внятным произношением каждой согласной, если мы имеем дело с сочетанием согласных в слове.

Я подчеркиваю — именно в *слове*, ибо для ребенка работа над конкретным словом исполнена куда более полного интереса и смысла, чем работа над произношением отдельного звука, тем более что он опять-таки отталкивается от того, что ему уже известно, от того, что уже получается. Мы начинаем со слов типа *бабушка, катушка, макушка, кошка, мышка*. Все слоги в них открытые, начинаются с твердого согласного звука, и все эти слоги уже давно в работе.

Ребенок уже научился говорить двусложные слова и произнести слитно и достаточно внятно два первых слога в трехсложном слове, равно как и одинаковое для всех этих слов окончание, труда для него не составит. Это позволяет ему сосредоточиться на произнесении суффикса *ш* — опять-таки общего для данных слов, — который вычленим. Обычно ребенок очень охотно, изо всех сил шипит вместе с вами. Но это получается не всегда. И для того чтобы он мог произнести звук «ш» чисто, я прошу его закусить в зубах тонкую пластмассовую пластинку — она заставляет его, во-первых, плотно сжать зубы и, во-вторых, убрать язык от зубов, не загоразживая таким образом щель между ними.

Фрикативные звуки «ж», «з» перед глухой согласной звучат как «ш», «с» — «дорошка», «рогошка», «замаска»; и если ребенок произносит эти слова по слогам, то говорить должен соответственно правописанию. Точно так же он должен проговаривать все звуки в группе согласных, к чему приступит впоследствии.

По такому же принципу ведется работа над другими согласными. Составить список слов нетрудно: *белочка, дудочка, собачка, каска, маска, полоска, миска, лавка, булавка* и пр. Затем мы вычленим эти звуки из ставших привычными групп и прорабатываем иные варианты: *штука, шкаф, стакан, сметана* и т. д.

Работая над произношением отдельных согласных, не следует чередовать их с похожими по звучанию. Ребенок с синдромом Дауна сначала должен очень хорошо поставить один из этих звуков, прежде чем браться за другой. Так вы быстрее будете двигаться к цели.

В дальнейшем вам не один раз придется убедиться в том, что метод сравнения в ряде случаев неприемлем, так как, не будучи в состоянии четко определить качество, свойства, специфику одного звука, ребенок очень долго не улавливает разницы, и необходимость что-то сравнивать только сбивает его с толку.

На вашем нелегком пути помимо все новых и новых проблем вас поджидают и некоторые приятные неожиданности. Когда вы доберетесь до, казалось бы, весьма сложных для произнесения звуков *щ, ц*, они получатся у ребенка без особого труда, сами собой, почти без вашего участия. У музыкантов есть шутливое выражение «прорезался слух» или «прорезался голос» — это тот самый случай. В результате настойчивой работы между органом слуха органом речи восстанавливаются — или устанавливаются — нарушенные либо очень слабые и неустойчивые связи.

Если ребенок приступил к занятиям в том возрасте, когда он уже в состоянии более или менее координировать свои движения, может, хоть и с грехом пополам, бросать и ловить мяч (можно просто катать мяч по полу), вовлеките его в игру с мячом, попутно заучивая сначала отдельные слоги, а затем и слова.

Усадите малыша на стул или на пол. Держа в руках мяч, назовите слог или слово — пусть повторит их за вами, после чего бросьте мяч ребенку. Ребенок поймал его — и теперь уже сам называет вам слог или слово, а вы их повторяете. При этом он не только отрабатывает произношение. Игра приучает его координировать последовательность действий, тренирует выдержку, умение соблюдать очередность и т. д. Дети с удовольствием в нее играют, и в дальнейшем эту игру можно варьировать как угодно — перебрасываясь мячом, перечисляя имена людей, названия цветов, клички животных, синонимы и антонимы: высоко-низко, далеко-близко, тепло-холодно и т. д.

А вот мама или папа стоят на стуле. Как далеко, по всей комнате, раскатываются шишки, которые вы с размаху выбрасываете из ведерка — но не прежде, чем ребенок скажет нужное слово. «Как бросаем?» — «Вы-со-ко! Да-ле-ко!»

Затем, держа в руках ведро, он и сам взбирается на стул, а то и на стол, охотно повторяя за вами все, что требуется: «раз-два-три», «ло-ви», «бро-сай». Шишки легко собрать, вреда от них никакого. Они закатываются *под* стол, *под* стул, *под* диван, *под* телевизор, — нагибаясь и собирая, пойдем и запомним, что означает слово «под» и как этот предлог управляет следующим за ним словом.

Таким же самым образом объясняем ребенку значение предлогов *в* и *за* — в коробочке, в корзинке, в сумке, за креслом, за шкафом и т. д.

И вот наконец некоторый начальный словарь усвоен. На новом этапе мы учимся употреблять слова в нужном месте и в нужный момент.

Я ставлю перед Саркисом тарелку с кашей. Ложку я держу в левой руке, правой делаю энергичный жест, «рублю воздух». Это жест — напоминание, наш условный сигнал: Саркис вспоминает, что надо сказать «дай». «Дай!» — «Дальше!» — «Ло», — сказать слово «ложка» полностью он пока не может, но на первых порах и этого достаточно. Показываю чашку — «пусто». Снимаю с плиты чайник. «Налей!» — «Что налить?» — «Чай». Беру пакет с молоком: «А Ромене что налить?» — «Мо-ло-ко». Кладу на блюдечко крошечную капельку варенья — «мало». Роняю на пол ложку — «упала». Предлагаю Саркису кусок рыбы, он ее не любит — «не надо». Время от времени я выхожу из кухни, он должен позвать меня — «иди сюда».

Слова, которые мы произносим за едой, — это слова из нашего «джентльменского набора». Они повторяются из урока в урок, к ним добавляются все новые и новые — «убери», «спасибо», «хватит». Все они неизменно записываются мною — в тетради Саркиса имеется раздел «За столом во время еды», и дома он не просто завтракает, обедает и ужинает. Мама заглядывает в тетрадку и закрепляет с ним соответствующий словарь.

Незаметно для себя, сидя за столом, Саркис начинает включать в свою речь слова, которые мы заучивали с ним в других ситуациях. Я проливаю воду на стол и беру тряпку, чтобы ее вытереть. «Пыль!» — говорит Саркис, вспомнив, как тряпкой он вытирал пыль с пианино. Закрыв сахарницу крышкой, он удовлетворенно произносит: «Вот так!» И вдруг кричит; «Паук! Паук!» Что такое? Надеваю очки — по столу бегают крошечные домашние муравьи, неразличимые невооруженным глазом. Теперь понятно. Как-то я показала Саркису попавшего в ванну паука. Он вспоминал об этом происшествии очень долго; «Паук где? Нету! Ушла!» — слова из «набора» стали складываться во фразы.

И всякий раз, как Саркис возвращается из кухни на свое рабочее место и садится на диван, я отхожу в сторону и жду, когда он опять-таки позовет меня. Сев рядом с ним и взяв в руки книгу, объясняю Саркису: «Это обложка. Вот заглавие. Это — страница, я тебе ее читаю». «Коне (ц)», — говорит ребенок, когда мы закрываем книжку. На начальном этапе это были не самые необходимые слова. Но если каждый урок мы читаем книги и рассматриваем в них картинки, почему бы не использовать постоянно повторяющуюся ситуацию, чтобы эти слова запечатлелись у него в памяти?

К 4—5 годам в результате постоянного тренажа постановка звуков оказывается почти полностью завершённой, в отдельных слогах, словах и коротких фразах ребенок говорит их чисто. Однако автоматизм их произношения еще не наработан настолько, чтобы речь его стала совершенно отчетливой и внятной.

Лексикон ребенка к этому возрасту включает довольно сложные слова и обороты: работа над накоплением и расширением словаря велась параллельно с работой над дикцией. И по мере того как ребенок овладевает все более и более сложными грамматическими построениями, следует самым

настойчивым образом уделять внимание тому, чтобы он не только не терял приобретенные навыки, но и совершенствовал их.

«Говорите внятно, чтобы было понятно» — каждый ребенок, занимающийся в моей группе, твердо усвоил эту формулу.

Многие дети с удовольствием заучивают стихи и охотно по многу раз рассказывают их родственникам и знакомым. Это прекрасный способ работы с трудными словами. Повторяя стихи, дети многократно эти слова произносят, и ваша задача — следить за тем, чтобы они говорили их все чище и чище. Чем больше стихов, тем лучше. Заучивание их полезно во всех отношениях.

Мы не представляем себе, как можно растить и обучать ребенка без книг. И когда речь идет об обучении ребенка с синдромом Дауна, работа над книгой приобретает совершенно особое значение и занимает в этом процессе особое место. Его первые книжки — это книжки-раскладушки, в них почти нет текста, зато картинки во всю страницу — крупные, яркие, привлекающие внимание малыша.

Почти все, что вы говорите ребенку в разных ситуациях, носит импровизационный характер. Сегодня вы говорите одно, завтра другое. Одну и ту же мысль можно выразить тысячью разных способов. И множество слов, прозвучав в вашем разговоре с ребенком, надолго исчезает, не оставив в памяти следа.

«Луна, сова, собака», — говорит ребенок вслед за вами. Можно заучить с ребенком, записав в тетрадь, тридцать, сорок слов, но попробуйте удержать в памяти весь лексикон, который к тому же все время пополняется все новыми и новыми словами и оборотами. А постоянно заглядывать в свои записи окажется весьма затруднительным. И поэтому пишите слова карандашом на страницах книг, которые вы читаете и рассматриваете с ребенком.

В каждой новой книге, с которой вы будете знакомить ребенка, он вновь и вновь увидит на картинке все то, что должен уметь назвать. Он учится говорить и одновременно, опираясь на зрительное восприятие, расширяет свои познания.

Сколько бы раз ни попалась вам в книге луна на картинке, пусть ребенок назовет ее, обведет пальцем — круглая. Множество раз встретятся ему на картинках *луна, пень, вода, ухо, нога, рука, зима, труба, небо, дым, дом, лес, ночь, день, сова, лужа, лапти, яма, губы, зубы, лапа, нос, лиса, палка, коза, усы, бантик, дырка, борода, собака, лопата!* Многократное, от книги к книге, повторение одних и тех же слов позволит ребенку уже на первых порах освоить достаточно обширное их количество и, отработывая правильное произношение, закреплять его.

Конечно, нам хотелось бы, чтобы ребенок прежде всего научился, называть предметы, которые окружают его в быту: чашка, стул, хлеб, кресло встречаются ему чаще, чем сова и лапти. Но ведь мы учим его говорить, составляя слова из букв и слогов, которые он может достаточно чисто выговорить. А звук «ч», сочетания согласных (в данном случае «ст», «хл»),

«сл» и «кр») неудобны для произношения. Да и, кроме того, в сказках для самых маленьких лапти — атрибут неперемный, а сова с ее большими глазами настолько выразительна, что ее рисуют чуть ли не на каждой ветке.

Все это кажется простым только на первый взгляд. Ведь вы учите ребенка не только говорить слова по слогам. Очень долго он не может выговорить слоги чисто, с трудом запоминает их последовательность в слове. Бесконечное повторение всевозможных «ла-ла-ла», «бу-бу-бу», «де-де-де», которые вы будете твердить с ним, потребуют от вас большого терпения.

Хорошо, если ребенок любит, когда ему читают, и с удовольствием рассматривает картинки. А если нет?

С маленькой книжкой-раскладушкой мы подступаем к малышу, желая приобщить его к прекрасному миру, который откроет перед ним книга. И очень часто с грустью и сожалением убеждаемся в том, что ни петушки, ни кошечки изображенные так красиво и понятно, не интересуют его. Ребенок принимает книжку за игрушку, держит ее вверх ногами, беспорядочно листает, машет ею, рвет. Он не в состоянии сосредоточиться и поэтому не умеет рассматривать картинки, а текст слушает лишь упиваясь плавным течением вашей речи. Водить пальцем по книге, показывая, где кошечка, а где собачка, он, увы, начинает слишком поздно — к тому времени, когда его нормальные сверстники уже слушают и понимают сказки с довольно сложным содержанием, а то и сами учатся читать. И тем не менее заинтересовать ребенка книгой, а затем сделать ее незаменимым пособием, без которого он уже не может обойтись, не так уж трудно.

Я напоминаю: мы занимаемся с детьми 2,5—3 лет. Для того чтобы ребенок легко мог охватить взглядом рисунок, первые его книжки должны иметь небольшой формат. Не следует предлагать ему иллюстрации с большим количеством изображенных на них предметов и персонажей, иначе его взгляд будет рассеянно скользить по странице, ни на чем не задерживаясь. Бывает и наоборот — глаза ребенка упираются в одну точку. Он не в состоянии связать воедино отдельные детали иллюстрации, воспринять ее в полном объеме. Ребенок не переводит взгляда, и мы приучаем его, отыскивая кошечку, собачку, ворону, водить пальцем по странице и охватывать все большее пространство. Вы уже начали обучать его речи, и если ребенок может назвать то, что видит, он *обязательно должен это делать*.

Иногда лучше начать не с книг, а с карточек. Карточки размером с половину машинописного листа вырежьте из плотной белой бумаги. Наклейте на них яркие, четкие, лаконичные картинки — дом, машина, кошка, собака. Но не перегружайте рисунок деталями. Картинки прикрепите над детской кроваткой — сначала по одной, по очереди их меняя. Утром и вечером, поднимая ребенка с постели или укладывая его спать, называйте изображенный предмет. Постепенно дополняйте рисунок деталями — у дома появляются окна, затем дверь, труба, на шее у кошки бант, на теле полоски и т. д.

Если речь идет о 2—3-летнем ребенке, то, безусловно, ваша речь должна быть очень краткой: «Дом. Это дом. Вот дом. Где дом?» Мы выделяем и конкретизируем основное, и поэтому поначалу не надо говорить много. «Видишь, окошечек не было, а теперь они появились. Бабушка будет в окошечко смотреть, помашет Сереженьке ручкой...» — такое предложение можно сказать ребенку постарше, который уже хорошо понимает обращенную к нему речь.

Карточки поменьше раскладывайте перед ребенком на столе. Пусть научится четко показывать, где дом, где кошка, где у дома труба, где у кошки хвост, усы и лапы. Количество картинок увеличивается очень постепенно. Не торопитесь. Лучше знать меньше, но как следует. Как только вы заметите, что ребенок начинает путаться, немедленно уберите новую карточку и вернитесь к уже пройденному. Вообще в работе над развитием речи карточки с изображением животных, птиц, всевозможных предметов служат незаменимым пособием, которым мы пользуемся в целом ряде случаев. Очень часто их приходится делать самим в соответствии с требованием момента.

Саркис, который два с половиной месяца учился показывать пальцем, где мама, где Ромена и где он сам, точно так же не мог взять в толк, чего от него хотят, когда я положила перед ним один-единственный кусок картона с изображением дома: это дом, покажи — где дом? Тем не менее он привык, «отвечая» на мой вопрос, энергично прижимать картинку пальцем — так, как это делала я. Уже это было хорошо. Очень постепенно на доме появлялись окошки, дверь, труба — именно потому, что задачей Саркиса поначалу было не столько распознать дом с его атрибутами, сколько выполнить команду - «покажи!». Основные отличительные признаки дома в их совокупности ничего для него не значили, он их *не видел*. Его внимание к наличию этих признаков привлекло внезапное появление торчащей над домом трубы. А окна и дверь я вырезала по контуру — чтобы они открывались и закрывались, привлекая таким образом внимание мальчика.

Рядом с домом на картинке постепенно возникали забор, дерево, собака, девочка — и Саркис учился отличать их друг от друга. Одновременно с этим я раскладывала на столе карточки с изображением отдельно дома, дерева, собаки. Сначала по две, затем по три — Саркис не охватывал взглядом длинный ряд карточек, видел только те, что были посередине, и не видел тех, что были по краям. Мальчик не сразу освоил этот вариант, ведь дом, ставший привычным фоном для девочки и собаки, исчез, и это сбilo его с толку.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Кто ответит на вопрос, где у Коли глазки? Куда пойдем и что ты хочешь? Чья это будочка? Дедушкины тапочки и бабушкины очки. Плюс и минус. Карточки

Но вот, хоть и с большими трудностями, начальный этап освоен. Ребенок в состоянии отличить петушка от курочки, уверенно показывает ягодку, дерево, домик, окошко и как будто бы любит, чтобы ему читали. Он знает уже довольно много слов, но на раннем этапе обучения ребенок больше слушает, чем говорит. Поэтому в разговоре о работе с книгой нам придется сделать некоторое отступление и поговорить о приемах, которые должны помочь активному вовлечению ребенка в диалог с вами. Активизации его речи послужат вопросы, которые вы будете ему задавать и которые он должен, во-первых, научиться понимать, во-вторых, отвечать на них, и, в-третьих, задавать сам.

Это совершенно особая статья. Я записала как-то вопросы, которые нормальная девочка 5 лет без передышки, на одном дыхании задала мальчику, имеющему собаку: «Как зовут собаку? Лает ли она по ночам? А можно ли сделать из ее шерсти варежки? А как рано она будит твоего дедушку утром, чтобы он вел ее гулять? А есть ли у собачки собственная одежда для холода? А где лежит ее коврик? А просит ли она еду, когда вы сидите за столом? А кого она еще признает за хозяина?»

Трудно представить себе подобный «залп», если речь идет о вашем малыше. Давайте поговорим на эту тему.

Вопросы, которые мы задаем маленькому ребенку с синдромом Дауна, чаще всего имеют сугубо риторический характер и просто повисают в воздухе — ведь ребенок говорит очень плохо или даже вовсе не говорит и ответить нам толком не может. Постепенно малыш привыкает к тому, что ответа от него и не ждут, в вопросы не вслушивается и не придает им никакого значения. Самое парадоксальное — если он даже начал говорить, родители иной раз *не дают* ему ответить. Они настолько привыкли заслонять собой ребенка, что приходят ему на помощь даже тогда, когда это вовсе не требуется.

Вот папа и мама с маленьким Алешей пришли в гости и раздеваются в прихожей. Ребенка спрашивают: «Как тебя зовут? Сколько тебе лет? Почему бабушка не пришла?» — и т. д. Алеша смущается, молчит, и, желая сгладить неблагоприятное, как ей кажется, впечатление, мама немедленно устремляется на выручку. Она отвечает за Алешу, не давая ему если не ответить на вопрос, то по крайней мере *осознать* его, понять, что вопрос этот обращен к нему, и ни к кому больше.

Кстати говоря, точно так же родители «помогают» ребенку в ряде других случаев. «Дай мне машинку, пожалуйста», — говорит педагог. Не дав малышу ни подумать, ни сообразить, ни взять машинку, бабушка или мама уже водят его рукой по столу — где она, эта машинка? Ага, вот она! Руку ребенка держим, подталкиваем ее, машинку протягиваем.

Другая ситуация. У Васи церебральный паралич, до 8 лет он не говорил ни единого слова. Теперь ему 9, он не овладел еще фразовой речью, но слова «картошка», «сосиски», «колбаса», «молоко» у него уже получаются хорошо, хотя говорит он их медленно. «Вася, тебе картошки дать?» — спрашивает бабушка и, не дожидаясь ответа, на-кладывает картошку в Васину тарелку. А ведь эта бабушка страстно мечтала о том времени, когда ее внук заговорит. Возить его в инвалидной коляске, одевать, мыть, кормить все эти годы — на это у нее терпения хватало. Но подождать, пока Вася выговорит слово «картошка», у нее терпения нет.

«Скоро придет мама — и мы...» — начинает Вася, но бабушка снова не дает ему высказаться. «Мама не скоро придет», — перебивает она Васю. А ведь Васе, наверстывая пущенное, нужно как можно больше говорить, исправляя недостатки произношения, отрабатывая технику речи во всех ее многочисленных аспектах.

Итак — вопросы.

«Где мама? Где носик? Где у Коли глазки?» — спрашивает мама, и малыш показывает и носик, и глазки. Мы учим его понимать смысл вопросительного слова задолго до того, как он научится говорить.

Вопрос следует задавать ребенку настойчиво, с очень напряженной интонацией. Смотрите ребенку в лицо, дополняйте слова энергичным жестом, выразительной мимикой. Это должно заставить ребенка вдуматься в смысл вопросительного слова, пробудить его собственную активность, избавив от привычки пассивно ждать помощи со стороны от «говорящей тени» в лице бабушки, дедушки или тети.

Вопрос должен быть «привязан» к постоянно повторяющейся ситуации. Если не умеющий говорить ребенок тащит вас за руку к крану с водой, к реке, качелям или телевизору, бесполезно спрашивать «Куда ты меня тащишь?» — и ждать распространенного ответа. А вот если, указывая пальцем в направлении кухни, качелей, ванной, вложив в вопрос всю свою энергию, вы будете настойчиво спрашивать: «Туда? Туда пойдем?» — и повторять это всякий раз, как представится случай, ваш ребенок поймет, что слово «туда» обозначает *направление* и в равной степени относится и к реке, и к кухне, и к ванной.

Часто ребенок отрицательно машет головой, отодвигает карандаш, книгу и т. д., отводит рукой в сторону тарелку с кашей. «Ты что, кашу не хочешь?» — спрашиваете вы с напором, сопровождая слово энергичным отодвигающим жестом. «*Не надо?* Не хочешь кашу?» А вот он хочет взять игрушку. Достать не может, хнычет, указывает на нее пальцем. «*Это? Это дать?*» — мы употребляем слово, которым можно обозначить любой

предмет. Учтите только, что говорить и «это», и «туда», и «не надо» на первых порах он будет вместе с вами.

Пройдет какое-то время, ребенок научится говорить слово «дай», но сказать «дай карандаш», «дай конфету» еще не может. «Дай *это*», — скажет он вам, и предельно короткая, но правильная фраза будет вашей маленькой победой. «Куда пойдешь? Куда ты меня ведешь?» — спросите вы, и на этот раз он ответит вам «туда». Это будет верно, и этого на первых порах достаточно.

«Что я должна делать? Читать? Дать? Показать? Налить?» — вы задаете эти вопросы не умеющему говорить ребенку всякий раз, когда он приносит вам книжку, тянется за чашкой, пытается достать заинтересовавший его предмет. Мы выделяем эти глаголы, фиксируем их, запечатлеваем в сознании малыша. Но не только. Опять-таки — пусть ваша настойчивая, напряженная интонация создает у него ощущение, что от него ждут ответа, что он отнюдь не пассивная сторона в диалоге, к которому вы его подталкиваете, пусть думает, пусть соображает, пусть ищет ответ хотя бы только в уме.

«Чьи это сапоги?» — как можно лучше выделяя звук «ч» спрашивает мама, одевая ребенка. Сделайте выжидательную паузу, затем ответьте сами: «Колины сапоги». И далее: «Чья шапка?», «Чья куртка?». Через некоторое время, услышав этот вопрос, Коля укажет на себя — сначала с вашей помощью, затем самостоятельно.

Сначала вопросы должны относиться только к Колиным вещам, и *ничьим больше*. Затем к Колиным *и хорошо известным* маминым. Может быть, даже к *одной* только маминой вещи: Коле совсем непросто выбрать, на что следует указать пальцем. Учтите это! И если со всех сторон вы потащите ему вещи, принадлежащие разным владельцам, не дождавшись пока он уяснит разницу между вещью своей и маминой, то только запутаете его: «Ведь это дедушкины тапочки! Бабушкины очки!» — втолковываете вы Коле. Казалось бы, так просто! Просто для вас, но не для него.

Наконец Коля во всем разобрался, перестал упирать палец в грудь себе одному, что бы ему ни показали, и ваши занятия превращаются в увлекательную игру. Коля с удовольствием бродит вместе с вами по квартире, выискивая мамины бусы, папин «дипломат», кроссовки старшего брата. Открываем книжку с картинками. Здесь тоже могут быть неожиданности. «Чья это будочка?» - спрашиваете вы, и опять Коля радостно ткнет в себя пальцем, несмотря на присутствие собаки, сидящей рядом с будочкой. Особой беды в этом нет: просто он еще не сориентировался, для этого нужно некоторое время. Перенос вопроса в новую ситуацию обескураживает его, сбивает с толку — вы еще не раз столкнетесь с этим.

По такому же принципу мы учим ребенка понимать смысл и некоторых других вопросительных слов.

Читая незамысловатый стишок, вы останавливаетесь, чтобы, повысив голос, в соответствующем месте задать нужный вопрос (*кого? кому?*) и,

сделав выжидательную паузу, как бы вынуждаете ребенка указать пальцем на себя самого, маму, бабушку, девочку в книжке и т. д.

Бабушка Юрочку за руку берет,
В ванную комнату плавать ведет.

Мама Юрочке сказала:
«Вот подушка, одеяло...»

Дайте Юрочке цветочек,
Дайте девочке платочек.

Мы гулять сейчас пойдем,
Юре палочку найдем.

Маме дай катушку,
Бабушке ракушку.

Дайте Юре удочку,
А Ромене дудочку.

Разложите на столе широко употребляющиеся в логопедической практике карточки с изображением ножа, ложки, молотка, лопаты, пилы, топора, ножниц и т. д. Соответственно каждому из этих изображений рядом помещаем карточки, на которых нарисованы буханка хлеба, миска с кашей, гвозди и т. д. Попарно разложенные карточки напомнят ребенку то, что ему неоднократно приходилось видеть, но что он не фиксировал сознательно. *Чем мы едим кашу? Чем папа гвозди забивает? Чем хлеб режем?* Ребенок будет указывать пальцем на нужную карточку - если не умеет говорить, а если говорить умеет - что ж, пусть скажет. Кстати, таким образом вы выясните, понимает ли ваш ребенок вопросы, которые вы ему задаете. Очень скоро вашей подсказки не потребуется, хотя на первых порах подсказывать придется. Такого рода задания позволят попутно вводить в обиход новые, неизвестные ребенку глаголы. Делать это надо постепенно.

После обеда вы убираете продукты в холодильник, посуду отправляете в мойку. После прогулки вешаете одежду в шкаф, а кроссовки помещаете в ящик для обуви. Карандаши в коробку, книгу - на полку и т. д. Задержитесь на минутку, чтобы спросит ребенка: «Куда кладем сыр?», «Куда ставим ботинки?».

Смысл вопроса он давно понимает и теперь уже будет отрабатывать все новые и новые варианты ответа. Именно отрабатывать, потому что каждое новое слово надо учиться говорить внятно. А вы воспитываете в себе привычку использовать малейшую возможность закрепить и дополнить его знания. Как правило, нам не минуты не хватает — нам не хватает терпения дождаться ответа. Куда проще обойтись без всяких вопросов и ответов,

быстренько все убрать и ребенка куда-нибудь усадить, чтоб не путался под ногами. Только вот куда усадить и чем занять?

Ребенок с синдромом Дауна не отвечает на вопросы не потому, что в голове у него торричеллиева пустота. Наоборот, он перегружен беспорядочной информацией, неорганизованной и бессистемной, его мозг не в состоянии самостоятельно ее обработать. Ему трудно выбрать в этой мешанине нужное слово, чтобы ответить на самый простой вопрос. Трудно навести порядок даже в самом этом отдельно взятом слове — он не выговаривает звуков, меняет слоги местами.

Всякий раз я даю ребенку некую отмычку, хорошо усвоенное слово-ключ, к которому прибавляю новые слова — они плотно примыкают к нему, составляя таким образом маленькую цепочку. Затем слово-ключ делается ненужным, и мы его опускаем. Для себя я называю это приемом «плюс — минус» и использую его в целом ряде случаев.

Саркис уходит домой.

Я. Куда положишь свои книжки?

С. Туда (показывает рукой на пакет).

Я. Туда, *в пакет*, И куда пойдешь?

С. Туда (показывает на входную дверь).

Я. Туда, *домой*, на улицу. Куда положим коробку с игрушками?

С. Туда (показывает рукой на шкаф).

Я. Туда, *на шкаф*.

И все в таком роде.

Следующий этап.

Сказав слово-ключ «туда», Саркис повторяет за мной «в пакет», «домой», «на шкаф». И наконец мы отбрасываем слово «туда», служившее удобным трамплином, и говорим просто «в пакет», «домой» и т. д. В дальнейшем плюсы, минусы и всякого рода ключи становятся ему не нужны.

«Иди в лес!» — возмущенно говорит Саркис медведю, сломавшему теремок, и на вопрос, куда идет коза с корзинкой из сказки «Волк и семеро козлят», уверенно отвечает «в магазин». Все это до поры до времени хранилось в его пассиве. Теперь он уверенно использует накопленное в своей речи.

Для ребенка, который только начинает говорить, ответить на ваш вопрос при помощи жеста, — уже большое достижение. Если же он накопил достаточное количество слов и сведений, можно составить целые цепочки вопросов, показывая ему карточки с изображениями животных, растений и различных предметов.

Кто это? - Курочка. - Кто у нее дети? - Цыплята. — А один ребенок как называется? — Цыпленок.

Кто это? - Жираф. - Это у него что? - Шея. - Какая? — Длинная. — Что еще длинное? — Ноги. — А на ногах что? — Копыта.

Что это? - Елка. - Что растет на ней? — Шишки. - А вместо листьев? — Иголки. — Где она растет? — В лесу. — А домой когда попадает? - На

Новый год. — Кто приносит ее? — Дед Мороз. - Что он кладет под елку? - Подарки. -Кому? — Детям.

Ко всему сказанному Виталик добавляет: «Елка — это дерево. Которое царапается». А Гриша называет елку «игольчатой».

По большей части дети с синдромом Дауна *не умеют* задавать вопросы. Мало того, иной раз они прекрасно, со знанием дела могут самостоятельно вам что-то рассказать, но когда задаешь вопросы на ту же тему, они затрудняются на них ответить.

Вопросы ребенок учится задавать у нас. И если мы достаточно долго занимались постановкой вопросов, то обязательно наступает время для классического «почему?» — и это очень важно.

С 7-летней Верой мы поехали на выставку ледяных фигур. Впечатляющие сооружения. И чего тут только нет: замки, дворцы, мосты, животные. Но больше всего Веру интересует огромный ледяной башмак. Она не может оторваться от созерцания этого чуда величиной с автомобиль и без конца спрашивает — как это сделано, из чего, кто делал, почему делал, почему из льда, почему не тает и т. д. Наконец терпение мое лопается.

Я. Вера, когда человек миллион раз задает один и тот же вопрос «почему», ему говорят: потому что «потому» оканчивается на «у».

Вера (подумав, сурово). Мне нужен ответ.

Глава III

КАК СОСТАВИТЬ БИБЛИОТЕКУ МАЛЫША

**«Дайте мне большую книгу...» Есть ли у вас поэтический дар?
А рисовать вы умеете?**

Всякий раз показывать пальцем на картинку и говорить слово по слогам — занятие довольно однообразное. Проходит какое-то время — и ваш ребенок начинает энергично отвергать книжки-раскладушки и требовать «большую книгу».

Однако книг с разработанным и понятным сюжетом для детей с синдромом Дауна нет. И даже самые простые сказки оказываются для них слишком сложными. А ребенок растет и пусть медленно, но развивается. Мы принимаемся за книги посложнее.

Это совершенно новый этап. Дальнейшая работа над развитием речи включает употребление глаголов, наречий, прилагательных, предлогов и т. д. Мало того, как можно раньше следует приступить к усвоению литературной лексики. Нашими помощниками опять-таки станут книги, но не те, что без разбору дарили ребенку бабушки, дедушки и тети, а хорошо подобранная, тщательно, по определенной системе составленная библиотека.

«И на весь крещеный мир приготовила б я пир», — читает мама. Что это за «мир» и что за «пир»? Цари, королевичи, султаны, пещеры, сокровища — что понимает в этом ваш маленький и необученный ребенок? Ему нравится сама музыка речи, и хорошо, если он выловит из текста два-три понятных слова.

Ведь книги с более или менее сложным содержанием непременно включают лексику, которой малыш не владеет, ибо между бытовым языком, на котором говорят с ним родители, и языком литературным очень большая разница. И даже научившись читать, ребенок делать этого не любит — либо читает, как гоголевский Петрушка.

Ребенок не ощущает взаимодействия частей, воспринимает эпизоды вне связи с общим развитием сюжета и, подходя к концу, уже не помнит, что было в начале.

Трудно даже вообразить себе, насколько картина прочитанного искажается в его представлении. В детстве я пела: «Наш паровоз вперед летит, кому не остановка?» — вместо «в коммуне остановка». Или: «Какие полушарики красивые дарил», - вместо «полушалки ей». «Полушарики» — это нечто разноцветное, вспыхивающее волшебными огоньками. А что такое полушалки?

Сколько таких «полушариков» в голове у ребенка! Каждый из нас может привести примеры подобных aberrаций. Взрослый не может внести коррективы в эти искажения -ребенок не говорит или говорит плохо, спросить ни о чем не может. Мы понятия не имеем о том, что он понял и чего не понял. Со временем искажений накапливается все больше и больше, и это еще более увеличивает хаос в его представлении об окружающей действительности.

«Скажи мне, Ваня, кто же это — такой страшный и зубастый?» - «Акула», - отвечает Ваня. И от себя добавляет: «В реке живет». — «Акулы водятся в морях, а в реке живут рыбы», — поправляю я. «А куры водятся на даче!» — Ваня уверенно продолжает тему.

Мы не замечаем, сколько таких поправок вносим в диалог с ребенком, который умеет говорить, на ходу, ежеминутно и ежечасно. Ребенок постоянно наталкивает нас на всякого рода информацию, посредством которой мы дополняем, расширяем и корректируем его представления о мире. Но молчащий ребенок - это человек-загадка. О чем он думает? Он не задает вопросов, да они у него и не возникают. А если и возникают, то он не может их задать, ибо не умеет говорить. И, читая ему книгу, мы не можем быть уверены в том, что труд наш не напрасен.

Проблема подбора книг встает перед вами во весь рост. Вы учите малыша говорить. Но пособий, которые помогли бы вам в этом, нет. И, как уже было сказано, подспорьем в этом трудном деле должна стать составленная вами библиотека, книги, в которых материал располагался бы системно, от простого ко все более и более сложному. До тех пор пока в книжных магазинах не появятся учебники, написанные специально для детей с

синдромом Дауна — буквари, видеокассеты, хрестоматии с адаптированными текстами рассказов и сказок, — вам придется заниматься всем этим самостоятельно.

Работа с книгой поможет вам организовать работу над развитием речи, позволит, опираясь на зрительное восприятие, затрагивать огромное количество разнообразных тем и сюжетов, включит в себя расширение словаря — и, соответственно этому, постоянную коррекцию произношения каждого нового слова. И все это не бессистемно, как это происходит в быту, когда все поправки и пояснения мы делаем от случая к случаю. Ваша работа будет упорядоченной, все элементы в ней — взаимосвязанными, что позволит переходить от легкого к трудному, от простого к сложному, вводить в речь ребенка все более сложные речевые конструкции.

Это совсем не то же самое, что читать и показывать иллюстрации в книге нормальному ребенку. В вашем случае книга должна стать учебником с четким, строго выверенным и последовательным распределением материала. Нормальный ребенок схватывает все на лету, постигает значение новых слов по контексту. Вашего придется учить родному языку приблизительно так, как учат иностранца.

В идеале наша задача сводится к тому, чтобы книги, предназначенные для чтения в дошкольном и младшем школьном возрасте, ребенок с синдромом Дауна прочел — и *понял бы* — именно в этот период. Для детей существуют прекрасные книги, написанные прекрасными писателями и поэтами. К. Чуковский, С. Маршак, Б. Заходер, С. Михалков — признанные классики детской литературы. Но и «Муху-цокотуху», и «Бармалей», и «Кошкин дом» вы сможете прочесть своему малышу гораздо позже, чем нормальному ребенку.

Что же тогда говорить о книгах посерьезнее? Вы не сможете прерывать чтение «Дюймовочки», «Снежной королевы», «Конька-Горбунка» и «Приключений Буратино», всякий раз объясняя ребенку значение нового слова. А разве сможет он разобраться в их непростой интриге и проследить за всеми перипетиями сюжета? К пониманию этих книг он должен быть подготовлен заранее. И если вы хотите, чтобы, научившись говорить и читать, ваш ребенок действительно *читал*, то эту, пусть отдаленную, цель вы должны преследовать задолго до того, как откроете с ним солидный том «Сказок» Андерсена и Пушкина, сказочные повести А. Волкова и Н. Носова — все то, что составляет золотой фонд детской литературы.

Как осуществить постепенный переход от чтения книг с несложным содержанием к этому самому золотому фонду? Как составить библиотеку, чтобы в ней не было ничего случайного, второстепенного? И как использовать книги этой библиотеки не только для чтения рассказов и сказок ребенку, но и в непосредственном обучении его речи?

Какой должна быть книга для ребенка?

Вы входите в магазин и в замешательстве останавливаетесь. Что выбрать? Вот роскошное подарочное издание с прекрасными иллюстрациями на

великолепной мелованной бумаге. «Сказки» Андерсена, настольная книга многих поколений детей. Но ваш ребенок еще не дорос до таких книг. Что же он в них поймет? И к тому же дорого.

Книжка подешевле, но какая грязная, размытая печать, и что это за огромные кошачьи головы почти без туловища на тоненьких ножках? А вот небольшая книжка с яркими иллюстрациями да к тому же еще и стихотворный текст. Дети так любят стихи! Прочитаем, прежде чем купить:

Голубым покрашу рамы—
Будут как глаза у мамы.

В огороде целый день
Скачет конь через плетень.

Я домой зову его,
А в ответ он: «И-го-го!»

Осторожно! Здесь шипы.
Все ли пони так глупы?

Прояви к больному ласку.
Посади меня в коляску.

Говорю тебе не в шутку:
— Полезай-ка в эту будку!

О, великий и могучий русский язык!
А вот еще:

Посмотри, какая киска!
— Не подходит пусть и близко!
Как она, щенок, забавна!
— Не хочу смотреть подавно.

Интересно, какой была бы реакция Корнея Ивановича Чуковского на столь пышный расцвет косноязычной халтуры? Я думаю — отчаяние.

Будьте осторожны: ведь мы превращаем книгу в учебник, но с подобными «учебниками» легко можно получить результат обратный тому, о котором мечтаем.

Почему конь с таким маниакальным упорством целый день скачет через плетень, да еще в огороде? Что значит «зову домой»? Домой — это куда? И почему в интересах рифмы мы должны будем читать «его» через «г», а не так, как это принято в русском языке?

Книжный рынок изобилует продукцией множества фирм, расплодившихся как грибы после дождя и привлекающих к работе «художников» и «поэтов», чья первоначальная профессия ничего общего не имела и не имеет ни с поэзией, ни с живописью. Даже в самых лучших снах

этим самозванцам не могло привидеться, что они займутся такого рода деятельностью.

Вот новоявленный художник, смело сочетая красный цвет с ядовито-зеленым и ядовито-розовый с голубым и фиолетовым, нагромождает предмет на предмет, перегружает картинку деталями и в погоне за оригинальностью рисует никому не понятные ребусы вместо фигур и лиц. Безусловно, иллюстрации в книге должны быть яркими и красочными, однако буйное смешение кричащих цветов утомляет зрение и возбуждающе действует на нервную систему. Где в природе вы встречали такое «помешательство красок»? В большинстве случаев текст в книге вам придется адаптировать так, чтобы он был понятен вашему ребенку, а вот иллюстрации в книге не подправить.

Маленькая головка, упирающаяся в небеса, тоненькое, как у стрекозы, туловище, паучьи ручки и ножки... Позже, если иллюстрация сделана талантливым художником, ребенок оценит юмор стилизаций, но на первых порах стремитесь к тому, чтобы рисунок был легко узнаваемым.

Не покупайте что попало! Очень хорошую серию «Мастера иллюстрации» выпускает калининградское книжное издательство «Янтарный сказ». Дети обожают эти книги — большого формата, на прекрасной бумаге, с великолепной печатью, с милыми, добрыми зверями, со всем тем, что они видят вокруг себя в жизни. Подходящими окажутся «Стихи и сказки для самых маленьких» С. Маршака с иллюстрациями С. Бордюга и Н. Трентона («Планета Детство», 2001). Обязательно купите эту книгу, если она вам попадется: там вы найдете все, что вам нужно для начала. Поищите книги издательства «Дрофа», приобретите выпуски «250 золотых страниц», выпускаемые московским издательством «Олма-пресс» и красноярским «Бонус»: помимо всего прочего, по этим книгам вы будете учить ребенка читать. Поройтесь на книжных развалах — у букинистов можно найти старые издания, иллюстрированные вполне в реалистическом духе. Никаких ребусов: художники с удовольствием рисовали простые и понятные вещи — кот так кот, мышка так мышка. Стихи Б. Заходера, И. Пивоваровой, книжки В. Сутеева, ну и, конечно, «Муха-цокотуха», «Бармалей» и «Мойдодыр» дополнят вашу библиотеку и довольно скоро вам понадобятся.

С первых же *шагов работы над книгой* вы должны будете привлечь ребенка к активному в ней участию. Давайте сделаем малыша участником событий, главным персонажем. Зачем нам нелепые вирши о глазах мамы, в которых замечено сходство с рамой? Впрочем, даже очень неплохие стихи могут оказаться совсем неподходящими для ваших занятий.

Стихи можно написать самим, глядя на картинку. Это не так трудно, как кажется. Может быть, вам уже приходилось сочинять незатейливые куплеты по поводу домашних торжеств, поздравительные открытки к Новому году, стихотворения, посвященные юбилеям. К сочинению стихов вынуждают

нас обстоятельства. Никто, кроме вас самих, не напишет их о вашем сыне или дочери; никому, кроме вас, неизвестно, что ему понятно, а что — нет. Стихи в данном случае — дидактический материал. Как известно, необходимость — мать изобретательности. Попробуйте! Уверяю вас, вы очень скоро наловчитесь.

В результате ваших усилий может получиться что-нибудь вроде:

Здравствуй, Юрочка! Привет!
Где же мама? Мама нет!

Где цыплята?
Где утята?
Где веселые ребята?
Петушок и курочка,
Позовите Юрочку.

В ванной плавает утенок,
На подушке спит котенок.
Юра спать не хочет,
Весело хохочет.

Вот так кот, вот так кот:
Ходит задом наперед,
Маме Лапу подает,
Юре песенки поет.

На особые художественные достоинства наших доморощенных опусов претендовать не будем. Стремитесь к тому, чтобы все было просто и легко проговаривалось — наподобие детских считалок. И самое главное — ваши стихи должны быть абсолютно понятны ребенку. Их содержание вы будете усложнять постепенно, вводя все новые и новые слова в соответствии с тем, над чем работаете в данный момент.

Где у котика усы?
Где у Юрочки часы?
Зайчик, ежик, помидор,
Выходи скорей во двор.

Раз, два, три, четыре, пять,
Юрочка идет гулять.
Юрочка, на ножки
Надевай сапожки.

Не бог весть что, но терпимо. А главное — герой вашего творчества — ваш сын или дочь. Юра очень любит стихи, в особенности если речь в них идет о нем самом, и, не будучи упомянут, выражает большое неудовольствие. Он с нетерпением ждет, когда прозвучит его имя, и, услышав его, радостно указывает на себя пальцем.

Юрочка помещен в обстановку, которую легко узнает — ведь книжка подобрана так, что он видит на картинках хорошо известные предметы. Вот стол, вот стул:

На столе две чашки,
В вазочке ромашки.
А кому же этот торт?
Юра в гости к нам придет.

Угощайтесь, люди!
Самовар на столе,
Пирожки на блюде.

А что изображено на следующей страничке?

Вот ворона на пеньке,
Вот кораблик в реке.
У вороны клюв большой,
Крылья, глазки, хвостик.
Ну а это что такое? —
Через речку мостик.
Рядом Юрочка стоит,
Он вороне говорит:
«Что так громко раскричалась?
Что на Юру разворчалась?»

А вот Юрочкина тарелка, на дне которой рисунок — ежик с корзинкой.

Ну-ка, ежик, лапку дай,
Из тарелки вылезай.
Вылезти не можешь?
Мы тебе поможем.

Юра вместе с вами показывает ворону, кораблик, речку, мостик и все прочее. Очень часто маленькие дети догадываются о значении слов по интонации, с которой вы их произносите, — поэтому не читайте стихи монотонно! Удивление, огорчение, радость — все должно быть подчеркнутым, явным. Очень многое из того, что мы говорим или читаем ребенку и что он, может быть, не совсем понимает, вовсе не нуждается в наших словесных объяснениях — вы «объясняете» это жестами, мимикой, выражением лица. Ребенок 5—6 лет не поймет вас буквально, если фразу «попал пальцем в небо» вы скажете с иронией, насмешливо, либо раздраженно. Недоумения она у него не вызовет.

Итак, вы поэт. Хорошо рифмуются «чашки» и «ромашки», «сапоги» и «пирог». Но вот беда — в вазочке нарисованы не ромашки, а тюльпаны. Не выбрасывайте старые, разорванные книжки — из них можно вырезать про запас ромашки, грибочки, бабочек. Вы будете наклеивать их в книжку,

иллюстрируя собственные тексты, если, конечно, не можете все это просто нарисовать. Пригодятся рисунки на конвертах, конфетных обертках, с рекламных проспектов.

Мокнут под дождем игрушки,
В луже прыгают лягушки,
Юра наш идет гулять,
Юре зонтик надо дать.

Вырезаем и помещаем в лужу на картинке и игрушки, и лягушек.
Нарисовать дождь поручите Юре, он с этим прекрасно справится.

Развивая в себе способности к стихосложению, вы сможете облечь в стихотворную форму все маленькие события из жизни своего ребенка.

Бабушка Юрочку за руку берет,
В ванную комнату плавать ведет.
Мыло душистое,
Полотенце пушистое —
Все как у Чуковского,
Писателя московского.
Будем мыться, купаться,
В водичке плескаться.
Теплой водичкой
Вымоем личико.

Юра в ванну лезет смело:
У него там много дела.
Ведь нельзя же грязным быть —

Руки, ноги надо мыть,
В лейку воду наливает
И кораблики пускать.

Почему вы все стучите?
Почему вы не звоните?
Ведь работает звонок! —
Я достать его не мог!

Юра маме помогает:
В холодильник убирает
Ягоды и фрукты,
Разные продукты.

Юра чуть не плачет —
Очень чай горячий!
Чай на блюдечко налей,
Только чашку не разбей.
Поставь осторожно,
Пить теперь можно.

В парке Сокольники
Катаются на роликах.
У нас роликов нет,
У нас есть велосипед.
На велосипеде
Юра быстро едет.

Как же нам получше встать,
Чтобы дерево обнять?

Кто нам елочку принес?
Ну конечно, Дед Мороз.
Робота Снегурочка
Подарила Юрочке.

Яблочки на ветке,
Вкусные конфетки,
Шишки, фонарики,
Розовые шарики.

Только не возьму я в толк:
Почему здесь серый волк?
Может, Барсик дверь открыл
Волка серого впустил?

Это Юрочка, ребята,
Пригласил к нам всех зверей.
Волки, овцы, жеребята,
Заходите поскорей.

Будем петь и веселиться,
Будем шарики считать,
Мы не будем драться, злиться
И друг друга обижать.

Юра потерял самую любимую свою игрушку — подаренного дедушкой верблюжонка. Ищем, на ходу сочиняем:

Мы искали под подушкой,
Перерыли все игрушки,
Заглянули под диваны,
Вывернули все карманы.
Но нигде верблюда нету,
Видно, бродит он по свету,
По своей пустыне рыщет,
Вероятно, Юру ищет.
Никак Юру не найдет —
Где же Юрочка живет?
А живет он в теремке,
Только двери на замке:
Юра наш ушел гулять,

Друга милого искать.
Вот досада так досада!
Никого ему не надо.
Что за жизнь без верблюжонка?
Вечно рвется там, где тонко!
Люди! Сотворите чудо —
Отыщите нам верблюда!

Какая удача! Какая удача!
Мы вместе с Роменой поедем на дачу!
И мама поедет, и Юра поедет,
И с нами на дачу поедут медведи.
Медведь с медвежатами в дверь постучит,
И голосом страшным медведь зарычит:
«Скорей одевайтесь, ведь время не ждет!
А то, не дождавшись, Ромена уйдет.
Возьмите тетрадку и книжки возьмите,
Коробку с игрушками в сумку кладите.

Мы скоро, мы скоро отправимся в путь,
Ты только, Ромена очки не забудь.

Вы сами не заметите, как у вас появится привычка облекать в рифму фразы, с которыми обращаетесь к ребенку.

Спелую Грушу,
Юрочка, скушай.

Ах, какой прекрасный сад!
В нем растет виноград.
Ах, как красивы на веточках сливы!

И т. д., и т. п.

Детям нравятся узнаваемые ситуации, и если Юра ходит с мамой на каток или в бассейн, если катался на пони или кормил уток в пруду, то стихи на эту тему, подкрепленные соответствующими рисунками, очень ему понравятся. С мамой Юрочки Наташей мы составили фотоальбом: тут и пирожки на блюде, и Юра с чашкой и блюдцем, и медведь Михаил Иванович с сыном Мишуткой и своей супругой Настасьей Ивановной, а вот Юра с мамой и папой обнимают большое дерево. Альбом постоянно пополняется, теперь это любимейшее учебное пособие мальчика.

Ребята очень любят рифмованную речь, им нравится в стихах четкий ритм, музыкальность. Вот почему они, как в нирвану, погружаются в слушание порой очень длинных стихов да и прозаических текстов — ведь хорошая проза тоже ритмична.

Вот уже и Ваня стал говорить в рифму. На карточках, которые он вытаскивает из коробки, — олень, затем корова. И Ваня провозглашает:

Вот олень. Север — это прекрасно!
Вот корова. Корова — это опасно!

Если ребенок уже достаточно хорошо говорит, то, заучивая сочиненные вами стихи, — а дети почти всегда делают это с удовольствием, — ребенок одновременно отрабатывает произношение слогов и отдельных звуков, над которыми вы в данный момент работаете.

Всех горилла удивила,
Мыла хвост кусочком мыла.
На пол воду налила,
За собой не убрала.

Удивился наш Иван —
Слон залез к нему в карман,
А зеленая лягушка
Села Ване на макушку.

Ваши стихи — это не просто стихи. Все, о чем в них говорится, подкрепляется рисунком и вашими конкретными действиями- -«моете обезьяну», «вытираете лужу», комментируете. Как это слон, такое большое животное, ухитрился залезть в маленький карманчик?

Стихи о самих себе, о событиях своей жизни, обо всем, что с ними происходит, любят и дети постарше.

Идет коза по асфальту.
Копытцами цокает,
Губами чмокает,
Рожками бодает,
Малых деток пугает.

А кругом витрины,
Большие магазины,
Театры, музеи,
Где ходят ротозеи.

Вот и Вася идет.
Васю мама ведет.
Куда идут? В гости,
Несут в пакете кости.

Кости кому? Собаке.
Участствует в драке.
Станет сильнее —
Победит быстрее.

Кто хозяин? Гриша.
Но ведь в доме мыши!

Зачем ему собачка,
Собачка-кусачка?

Мыши сало едят
И нахально пищат.
Бегают, дерутся,
Над всеми смеются.

Заведите кошку,
Дайте ей ложку.
Кошка ложкой постучит —
Сразу мышка замолчит!

Станет в доме тихо,
Избавимся от лиха!

Вам многое придется делать самим: сочинять стихи, придумывать сказки, клеить домики. И чем дальше, тем больше участия в этом должен будет принимать ваш ребенок.

Еще более полный простор вашей творческой деятельности обеспечит умение рисовать. Вы сможете иллюстрировать и стихи, и прозу собственного сочинения. Цель, которую вы таким образом преследуете, - осмысление ребенком среды, в которой он живет, обстановки, которая его окружает. Героями могут стать соседи, знакомые мальчики и девочки, домашние животные: кошки, собаки, попугаи - все, кого ребенок хорошо знает, с кем постоянно сталкивается. Ваш быт, знания, привычки домашних — все может быть отображено.

Вот кухня, окошко со знакомой занавеской - по краю красная в белый горошек кайма. Бабушка моет посуду, нарисуем ей передник в клеточку, смотри - как раз такой, какой мы ей на Восьмое марта подарили. Наша комната — как в ней мебель расположена, правильно я нарисовала?

Теперь изобразим огород на дачном участке. Здесь у нас растет лук, вот тут мы посадили картошку, у забора — яблоня и кусты смородины. Бочка, будочка Барсика. Что еще? Давай вспомним.

10-летний Даня сидит за столом, туда-сюда возит по столу машинку. Глаза у него отсутствующие. Такое впечатление, что он и машинку-то не видит. Достая тряпичную куклу, соответственно наряжаю.

«Ольга Александровна пришла танцевать с Даней, тип-топ, тиби-доп, тип-топ», — напеваю хорошо известную ему мелодию. Ольгу Александровну он тоже прекрасно знает. Лицо Дани моментально приобретает заинтересованное выражение. Сплясали. Теперь нарисуем, как мы едем на дачу.

Ольга Александровна уже в машине, поехали. Сначала нет никого на дороге, но вот медведь вылез из кустов, просит подвезти его, а там и зайчики напросились, набился полный кузов. Вот волка не возьмем, пожалуй. Баба-

яга летит на метле, но куда ей! Нас ей не догнать! Даня сидит за рулем, внимательно смотрит на дорогу. Стоп! Красный свет.

Все нарисовано: у Ольги Александровны ручки-палочки с расставленными веером пальцами, медведь лапу поднял, голосует, заяц выскочил из-за кустов. Лучше всего Баба-яга вышла.

Ну и так далее.

Глава IV

ЧТО МЫ ВИДИМ НА ЭТОЙ ИНТЕРЕСНОЙ КАРТИНКЕ?

Ожившие страницы. Рассказываем вместе. И снова устойчивые обороты. Адаптирование. Книги

Наступит такое время, когда необходимость в ваших стихотворных опытах отпадет сама собой. Вместе с ребенком вы приметесь читать «Мухомочотуху», «Бармалея», «Доктора Айболита», а вслед за ними — «Сказку о рыбаке и рыбке», «Сказку о царе Салтане», еще и еще раз убеждаясь в том, что ничего лучше пока не создано. Прозрачен язык, увлекателен сюжет, ничего вычурного, надуманного, понятного автору, но никак не ребенку, для которого написаны стихи.

И мой вам совет: до того, как приняться за чтение даже не слишком сложных авторских текстов, приучите ребенка действительно *рассматривать* в книге картинку.

Предпочтительно взять книжку, иллюстрации к которой дадут ребенку возможность вжиться в ситуацию, активно сопереживая героям.

Вот отвратительная грязнуля с огромной ложкой гоняется за бедной кошечкой. В комнате беспорядок, на полу лужа, на столе горы немытой посуды, в рваных башмаках поселились мыши. Увязав пожитки в узелок, кошка уходит из дома, а вслед за ней покидают свою хозяйку подушки, одеяла, посуда и все прочее — вариант всем известной «Федоры». Прыгая по лужам, девочка старается догнать их, но не тут-то было! В конце концов общими усилиями ее бросают в корыто, и вот она — чистая! румяная! на радость всем принимается жить по-новому: стирает белье, купает кошку, ремонтирует дом, разбивает вокруг него роскошный сад.

Все это не может оставить равнодушным. Есть из-за чего поволноваться: «Грязная девочка! Била кошку! Нельзя! Уйди!» — вместе с ребенком вы делаете энергичный жест рукой, отгоняя кошку в сторону.

Малыш не будет безучастно глядеть на картинку. Заражаясь вашими эмоциями, он моментально включится в действие. Он гонит со стола мышей и грозит девочке пальцем, жалеет кошку и гладит ее. Активное переживание ситуации, удивление, возмущение, радость, которые он испытывает, стимулируют речь, желание высказаться. Соответствующий словарь вы уже

накопили. «Лужа!», «Грязь!», «Стой!», «Куда ты?» — восклицает ребенок вместе с вами.

Саркис, который еще и говорить-то толком не умеет, завидя на картинке Карабаса-Барабаса, лихорадочно листает страницы и зовет на помощь папу Карло: «Папа Ка! Иди сюда! Балабас! Бутина!» Выкапывает деньги из ямки и отдает их мне на хранение.

Сто раз на дню Сима изображает кошку, попавшую под машину. Она не послушалась, когда мы кричали ей: «Красный свет!» — и вот лежит на дороге с переломанной лапой. Раз! — и Сима замирает на полу. Два! — и он хватается за голову и в отчаянии раскачивается из стороны в сторону. «Беда! Беда!» — больше он пока сказать ничего не может, но и этого достаточно. Он не только научился говорить это слово. Он понял его смысл. Мышка разбила яйцо, у кошки сгорел дом, мышонок провалился в яму — все это *беда*.

Вы, наверное, замечали, что первые слова, с которыми родители обращаются к годовалому ребенку, чаще всего побуждают его совершить какое-либо действие. «Помаши ручкой — до свиданья, бабушка!» «Покажи, как ты маму любишь, обними, обними маму, поцелуй». Мы берем малыша за пальчик: «Где у нас кошечка? Во-он она». Ребенок то закрывает ручками лицо, то открывает: «Ку-ку». Ручки вверх: «Ура! Ура!»

Кстати о жестах: я учу ребенка *говорить*, и в моей системе жест не заменяет слово, он именно — и только! — подкрепляет его.

Как можно больше действия, активного соучастия. Разглядываем картинку и «крошим хлеб» утке, «посыпаем сахаром» кашу, маленькой тряпочкой «вытираем лужу» на картинке.

«Почему обезьянка в одной варежке? Где вторая? Потеряла?» Ситуация ребенку знакома. Отыскивая варежки, шарфик, шапку, мама много раз механически повторяла, а ребенок безучастно слушал эти слова. Теперь, обыгрывая ситуацию, вы энергично ищете варежку под шкафом, под столом, под диваном и находите ее — крошечную варежку, которую сшили специально для этого случая. Руку обезьяны вы тоже подготовили, вырезав ее по контуру так, чтобы варежку можно было надеть.

Ребенок с упоением машет точной копией настоящего веника по страничке, маленьким кусочком мыла «моет» девочку, наклеивает цветы в саду около дома. Мы разрезаем окошко на картинке, отгибаем получившиеся ставни: «Что там за шум? Что за мальчик бежит по улице? Да ведь это Буратино! Голый Буратино!» — и вырезанный из фотографической карточки Ваня выглядывает из окна, чтобы посмотреть, что случилось.

Это совсем не то, что, прислонившись к маминому плечу, слушать журчание незнакомых слов. Я еще не встречала ребенка, которого не удалось бы заинтересовать книгой при помощи таких приемов.

Однако, давая волю своей фантазии, вы должны зорко следить за тем, чтобы не слишком увлечься наклеиванием цветов и подметанием полов, забыв об основной задаче. Мы учим ребенка *говорить* — пусть говорит! Он

накопил уже достаточный запас двусложных, односложных и даже трехсложных слов, для того чтобы вместе с вами рассказывать сказку.

Вот история поросенка, бездомного сироты, которому добрый гномик заменил родителей. Свой рассказ вы ведете по картинке так, чтобы малыш мог закончить фразу самостоятельно. Облегчите ему задачу, указывая пальцем на соответствующую слову картинку.

Жил-был... *дед*. У него был... *дом*. У дома была... *труба*. Из трубы шел... *дым*. Сидит бабушка у дома и вдруг видит — поросенок ест его *дом*. «Почему ты грызешь мой... *дом*? Здесь будет большая... *дырка*. Уйди!» И затем: «Вот тебе... *ложка*. Вот тебе... *каша*. Вот... *суп*. А вот... *мыло*. Вымой... *копыта* и иди... *спать*!»

Или: «Была зима, и на улице было очень... *холодно*. Сидит заяц под кустом. Кругом... *лес*. В лесу... *темно*. Ночь. И думает заяц: «Бедный я, сирота. Мама... *нету*, папа... *нету*. В лесу живет страшный... *волк*. У него огромная... *пасть* и острые... *когти*. Где-то лает... *собака*. А вот и... *сова*. Какие круглые желтые и страшные у нее... *глаза*! Боюсь я, всего боюсь!» Вдруг слышит заяц чей-то тонкий голосок: «Не бойся, зайчик! *Иди сюда*! Я твой друг! Я спасу тебя».

И все в таком роде. Ваши фразы должны быть четкими, лаконичными, абсолютно понятными малышу, заканчивать их ребенок должен хорошо известным ему словом, произношение которого вы раз за разом отработываете. Не говорите монотонно, сопровождайте рассказ выразительной интонацией и убедительными жестами.

Приучайте ребенка к устойчивым оборотам и целым фразам, которые в неизменном виде вы также будете повторять при каждом удобном случае: «Был день, и на небе светило яркое...» — «Солнце», — продолжит ребенок. «Была ночь, и на небе светила желтая...» — «Луна», — говорит он. Если луны нет, вырезаем и наклеиваем. В сотый раз ребенок обводит ее пальцем. И в сотый раз вы говорите ему одну и ту же фразу. Ребенку не только не надоело в энциклопедический раз слушать один и тот же зачин. Наоборот, он рад твердо усвоенной и узнаваемой формуле. Он и сам уже может продолжить фразу, стоит вам только начать ее. В хаосе слов, понятий, определений начинают откристаллизовываться для него устойчивые структуры:

«Жила-была курочка (кошечка, утка) и были у нее *дети* цыплята, (котят, утят)».

«Зайчик *убегает*, а волк *быстро -быстро* (вы перебираете пальцами по столу) *догоняет*».

«И сказал волк *грубым голосом*» (рычите). «И сказал зайчик *тонким, писклявым голосом*» (пищите).

«Была зима, и на улице было очень *холодно*».

«Была зима, и на улице лежал *снег*».

«И волк (акула, щука) открыл свою страшную *пасть*».

«Волк постукал в дверь очень *громко*, и зайчик крикнул: «*Боюсь!*»

Однако не теряйте из вида перспективу: ребенок не должен, затиснувшись в жесткие рамки, усвоить некие убогие клише и выражать свои мысли по раз и навсегда затверженному стереотипу. Ни в коем случае! Ваши фразы — только зачин, позволяющий ребенку «танцевать от печки».

«Не знаю даже, с чего начать!» — вспомните, сколько раз приходилось вам говорить эту фразу. Начать иной раз бывает труднее всего — и мы помогаем ребенку сделать это. Стереотипы следует со временем разрушать, внося новые живые детали, поворачивая фразу и так и эдак. И самую большую радость доставит вам ребенок *самостоятельным* высказыванием, *собственной* мыслью, неожиданным ее поворотом — именно к этому мы и готовим его.

«Бабушка, какая у тебя худенькая ручка!» Или: «Мама, какая ты красивая, знаешь?» — можно представить, какие чувства испытывают мать и бабушка, когда ребенок, до шести лет не говоривший ни единого звука, самостоятельно находит нужные слова, чтобы выразить свою любовь к родным.

Внимательно просмотрев десять — пятнадцать детских книжек, вы убедитесь в том, что положения, в которые попадают герои, окружающая их обстановка, их действия и поступки неизменно повторяются. Это опять-таки дает возможность отрабатывать одни и те же слова — теперь уже не только названия отдельных предметов. Курочки, уточки, лошадки с «детьми» бегают, плавают и пасутся на десятках и сотнях страниц. Кто-то кого-то *догоняет*, на небе либо *луна*, либо *солнце*, и ни один художник не упустит случая нарисовать около речки *камыш*. Никто не ходит с пустыми *руками* (*лапами, клювом*), все что-нибудь *держат, несут, тащат*. Имущество переносится в *узелках*, в окнах либо *темно*, либо горит *свет*. На штанах, мешках и рубахах *заплатки*. Бац! — и на голову зайца *упало* яблоко, а вот Буратино свалился в пруд. Девочка нарисовала дом, обнесла его забором. Но во дворе *пусто! Ничего нет!* Пусто в ведре у незадачливого рыболова, пусто в тарелках у несчастных котят.

«Колбаса, молоко — *нету*», — заявляет Саркис, которому предоставляется случай сказать три известных ему слова. «Волосы нету, шея нету», — делает он наблюдение, рассматривая Карабаса-Барабаса. «Волос нету, *лысина*», — добавляю я. И эта лысина нам встретится еще не один раз.

Бревна, ведра, кадушки (Гриша называет их канистрами) — как *тяжело* тащить все это. Гриб держит тоненькими ручками собственную шляпу — тяжело бедному. Волк везет на спине лису — и ему тяжело. В который раз вы поражаетесь тому, какой *длинный* нос у Буратино, какая длинная борода у Карабаса-Барабаса, какая длинная коса у девочки Маши.

Разложив на стуле платок, набиваем его всякой мелочью, завязываем. Что там *внутри*, в узелке? У зайчика морковка, у чистоплотной кошечки кусочек мыла, платочек, зубная щетка. Что там внутри, в коробочке? Что внутри в

сундучке? На вопрос, почему гуси-лебеди не заметили детей, Ваня отвечает: «Потому что спрятались там внутри, в яблоне».

Не просто рубашка, а рубашка *в горошек, в полоску, в клеточку*.

Приглядитесь к рисункам — других рубашек почти нет. И в своем красном с белым горошком костюмчике мышонок *похож* на мухомор. Девочка идет по дорожке *босиком*, у Дюймовочки *вместо* кровати — ореховая скорлупка, а на ногах у лошади, козы и ослика вместо ботинок копыта.

Мы приучаем ребенка всматриваться, вдумываться и сравнивать. И по прошествии некоторого времени я слышу талантливые высказывания.

В и т а л и к. У церкви наверху вместо крыши корона! (Я уверена, что вам, как и мне, не захочется исправлять «корону» на «купол».)

В а н я. У акулы вместо весла плавник.

В е р а. Ночь, звезды и луна, похожая на банан.

Г р и ш а. Хобот служит слону носом, рукой и одновременно ложкой.

Я. Зачем Иван положил перо жар-птицы в конюшню?

В а н я. Вместо фонарика.

Я. Вот, познакомься, Ванечка, этот мальчик тоже Ваня! Ваня, (подходит вплотную, внимательно разглядывает своего тезку). Непохож!

Понравившуюся ему книгу ребенок просит у вас постоянно. Теперь, когда основное содержание ему известно, можно постепенно вводить пропущенные эпизоды, обращая внимание малыша на все новые и новые подробности. Какой прекрасный дом! Новая крыша! Новая труба! Вокруг цветы! А каким он был раньше?» — и вы возвращаетесь к началу и сравниваете две картинки.

Сравнивать надо постоянно. Это поможет ребенку установить связь между отдельными эпизодами. Для вашего ребенка грязная девочка, валяющаяся на сломанной кровати в ветхой избушке в начале повествования, и аккуратная маленькая хозяйка, наведшая порядок и живущая в уютном домике в конце сказки, — это две совершенно разные девочки. Вам придется объяснить малышу, что бредущая под дождем несчастная кошка — это та самая кошка, которая жила в довольстве и роскоши и у которой сгорело все ее имущество, ибо «Кошкин дом» — сказка длинная и, пока вы доберетесь до конца, ребенок может забыть, с чего же все начиналось.

Прежде чем перейти к непосредственному чтению авторского текста, вам долго придется адаптировать книгу, приспособив ее к восприятию малыша. Вы не сможете постоянно прерывать чтение, объясняя ему значение непотных слов, встречающихся на каждом шагу, — да это бесполезно. Многочисленные подробности также усложняют текст, мешают охватить целое, в результате чего повествование распадается на ряд не связанных между собою эпизодов. И вам надо приучить ребенка следить за развитием пусть несложного на первых порах сюжета, ощущать и осознавать взаимодействие частей.

Первыми сказками, которые вы захотите прочитать ребенку, будут, конечно, традиционные «Волк и семеро козлят», «Колобок», «Репка», «Журавль и цапля». Ребенок как будто и слушает их, но если бы он мог говорить и вы попросили бы его ответить на ваши вопросы, то убедились бы в том, что понял он очень мало — даже в самой нехитрой сказочке встречаются слова, которые делают непонятным ее содержание. Если нормальный ребенок, несмотря на наличие в сказке непонятных ему слов и ситуаций, все-таки прекрасно улавливает общий смысл и в состоянии очень быстро усвоить сделанные мимоходом пояснения, то у ребенка с синдромом Дауна дело обстоит по-другому. В голове у него все сведения вперемешку, как в сундучке, в который вещи насовали как попало. И если мы хотим навести в этом хаосе порядок, мы должны стремиться к тому, чтобы его, пусть очень скромные, представления и познания были четки, конкретны и точны.

Присмотритесь к иллюстрациям в книге и подумайте, как можно объединить их общей сюжетной линией так, чтобы ребенок мог легко следить за нитью вашего повествования, При этом вам вовсе не обязательно опираться на авторский текст. Вы можете взять его за основу, а можете и не делать этого. Опустите подробности текста, которые усложняют его, отвлекая внимание ребенка.

Возьмем всем известную сказку «Журавль и цапля».

«Семь верст болото месил» журавль, который шел свататься к цапле. Журавля и цаплю можно показать, они есть на картинке, но все остальное остается непонятным. Ведь трехлетний ребенок с синдромом Дауна не знает ни что такое «верста», ни сколько это — «семь», ни как это — «месил», ни что конкретно месил. А что значит «свататься»?

Между тем, в книжке прелестные картинки. Журавль идет в гости по мостику с огромным букетом цветов, в крохотной корзиночке — колечко. Вход в дом цапли по лестнице, у входа фонарь и колокольчик. Цапля наряжается, глядя в зеркало. Бусы, расчески, на стене портрет, на пол упал платочек. Все эти детали можно обыграть. Пойдем-ка и мы в гости к цапле, вверх-вниз, вверх-вниз, правой-левой, правой-левой, темно, зажжем свет и позвоним в колокольчик. Переступая двумя пальцами правой руки, «шагаем» по ступенькам, левой рукой «включаем на лестнице электричество».

В доме журавля стол с угощением, кадушка с водой и, наконец, сам журавль на кровати с тремя подушками под головой. У изголовья свеча, на стуле одежда, длинные ноги не помещаются на кровати и торчат из-под одеяла.

Здесь не требуется никаких особых объяснений, все узнаваемо. И из всего этого, сохранив взаимные визиты журавля и цапли, можно составить собственную сказку, опустив не совсем или вовсе непонятный ребенку конфликт двух упрямец.

Все в ней будет ясно, живо и увлекательно. Моем руки в нарисованной кадушке, дуем на свечку, поднимаем с полу платочек, примеряем цапле колечко, удивляемся — до чего же у журавля длинные ноги! Слова «бусы»,

«свет», «букет», «нога», «дом», «темно», «вода» — именно те, что входят в наш первоначальный словарь.

«Жила-была коза с козлятами...» Где жила? Как жила? Иллюстрации Марианны Беляевой дают нам полное представление о жизни дружной семьи. Мама-коза заготавливает на зиму капусту, козлята ей помогают: кто сыплет соль в кадушку, кто морковку тащит, а один, лежа на полу, опершись на кочан и закинув ногу на ногу, ест морковку, вместо того чтобы трудиться. Коза уходит в лес, и вот тут-то подбирается к дому страшный волк.

Так же иллюстрированы художницей «Петушок — Золотой гребешок», «Снегурушка и лиса», «Колобок», «Бомбовое зернышко». В нашей библиотеке это самые любимые книжки, дети 3—4 лет без конца требуют их, им никогда не надоедает рассматривать картинки, они находят в них все новые прелестные подробности. Устав от бесконечных повторений, я на все лады варьирую сказки.

Можно просто читать адаптированный вариант этих сказок ребенку, а можно, употребляя слова, которые ребенок заучивает на данном этапе, ввести в сюжет дополнительные подробности и эпизоды.

Рассматриваем картинки. Здесь и *нож* в лапе у злодея-волка, и *пасть* его, и острые *зубы*. У козы *рога* и *копыта*, она отправляется в лес, взяв с собой *палку*, *узелок*, *лукошко*, в лесу *бабочки* летают, *грибок* растет под елкой. *Дом*, *труба*, *вода*, *молоко*, *подушка*, *рубашка*, *шапка* — вон сколько нужных нам слов! Волк идет с раздутым животом, мама-коза бредет за ним и плачет — *отдай* мне, пожалуйста, моих детей! А какой *беспорядок* в доме! На полу *лужа*, разбит *горшок*, *молоко* вытекло. Волк разорвал *подушку*, по всей комнате летают перья. Картинку, которую нарисовал кто-то из козлят, он от злости тоже разорвал. Опрокинул *бочку* с квашеной капустой. Все эти слова ребенок произносит вместе с вами.

Не нужно никаких сусеков и амбаров: шелковая трава, студеная вода, волчье горло, которое требуется перековать у кузнеца, тесто на голове у лисы, выступившее вместо мозга, — все это непонятно. Безусловно, читая народную сказку, мы погружаем ребенка в стихию народной речи с ее ритмом, музыкальностью и образностью. Но все это приходится на время отложить. Не обольщайтесь тем обстоятельством, что ваш ребенок «любит, чтобы ему читали». Мы должны не прочесть книгу, мы стремимся к тому, чтобы она была *понятна*. Библиотеку малыша вам придется составлять таким образом, чтобы книги в ней последовательно закрепляли и дополняли пройденный материал соответственно системе ваших занятий. Подбор книг в данном случае — это, по существу, подбор учебников, и вы берете на себя роль их создателя.

Теперь покупать книги вы будете не так, как раньше. Вас привлекут не только нарядные издания: вы полистаете книгу и определите, есть ли в ней подходящие картинки, иллюстрирующие то, над чем вы работаете, сможете ли вы, глядя на них, сочинить собственную сказку, насколько текст книги

удобен для адаптирования. Вот очень красивая, толстая книга — но ведь на картинках одни уточки, хоть и в разных вариантах. И слов, которые ваш ребенок сможет сказать, глядя на эту, страничку, всего два — *вода* и *камьши*. А вот другой вариант: в книжке только то, что уже давно пройдено. Здесь все те же *луна, вода, дом, дым, труба, собака...* ничего нового.

Ваша работа над книгой позволяет ребенку приобретать и закреплять все новые и новые знания. Разработка отдельных эпизодов сказки под разным углом зрения, во все новых и новых аспектах и вариантах дает ему возможность значительно расширить свои представления. Ребенок не только учится говорить — развивается его фантазия. Но при этом нельзя упускать из виду отдаленную цель. В конечном счете мы стремимся к тому, чтобы ребенок мог следить за ходом повествования без дополнительных разъяснений. Чтобы в перспективе смысл каждого слова, предложения, сказки в целом доходил до него сразу, несмотря на все сложности литературного — не бытового! — языка. Но это произойдет еще очень не скоро.

Глава V

РАСШИРЕНИЕ СЛОВАРЯ

Прилагательные. Глаголы. Наши «цепочки». Синонимы. Что означает слово «думать»?

На самом раннем этапе вы спрашиваете ребенка: «Где нос? Где ухо?» - и ваш вопрос не требует устного ответа, на него можно ответить жестом. А на вопросы: «Что это? Кто это?» — он отвечает, всякий раз ставя существительное в именительном падеже. Достаточно долгий период времени расширение словаря происходит в основном за счет накопления имен существительных. Именно существительные в именительном падеже учится произносить ребенок, рассматривая картинки в своих первых книжках. Некоторое количество прилагательных им тоже усвоено, и их усвоение было по большей части произвольным. Мы говорили «большая машинка» и «маленькая машинка», восклицали «ой, какой у Буратино длинный нос!», вода в ванной была горячей и холодной и т. д. Безусловно, ребенок хорошо знает эти слова, хотя и не может их толком произнести, и выбор соответствующего определения в будущем не составит для него большого труда.

При этом, если речь идет о 2—3-летнем ребенке, сравнений поначалу приходится избегать. Длинное — короткое, тяжелое — легкое, высокое — низкое... Нормальный ребенок улавливает разницу моментально. Ребенок с синдромом Дауна все заучивает по частям.

«Это длинная верёвочка, а это, видишь, короткая», — объясняет педагог. Веревочка не вызывает у ребенка интереса, ничем не привлекает его внимания. Длинная, короткая - что из этого?

Пусть ваше пояснение вызовет у ребенка эмоциональный отклик, дайте ему возможность заинтересоваться тем, что вы ему показываете.

«Какой у цапли *длинный* клюв! Какие *длиннющие* ноги! А шея-то! Все *длинное!*» — вы безмерно удивлены. «Ну и ноги! *Толстые-претолстые!*» — выразительным жестом показываем, до чего же толстые ноги у слона. Вы обрадованы, возмущены, взволнованы, интонация у вас соответственная, жесты тоже. «*Нож колючий, острый!*» — отдергиваете руку. «Ох, до чего *тяжелая* книжища!..»

Поупражнявшись таким образом, добившись твердого усвоения одного прилагательного (*длинный, тяжелый, мокрый, горячий* и т. д.), переходим к противоположным по значению — разницу ребенок определит без труда, слова запомнит.

«Очень *грустное* у меня лицо. Посмотри, какое грустное», — уныло подпершись рукой, вы состроили кислую мину, а затем внезапно широко улыбаетесь: «Смотри-ка — *веселое!*»

Это вам не скучная веревочка. Разница видна сразу. Саркис очень любит изображать «грустного Саркиса» и «веселого Саркиса».

Мы закрепляем наши представления соответствующими картинками в книжках, фотографиями в альбомах: вот грустный Буратино сидит на листочке посреди болота, вот грустная кошка-погорелица, а вот, сидя под новогодней елкой, во весь рот улыбается Ваня в красном колпаке и с подарком в руках. Конечно, он веселый, а не грустный, чего ему грустить?

Затем начинаются трудности. Ребенок говорит, опуская глаголы (их в его речи, как правило, гораздо меньше, чем существительных), ошибается в роде и числе, путает предлоги и падежные окончания, ставит неправильные ударения. Если он будет преодолевать эти трудности самостоятельно, сложный процесс овладения грамматически правильной речью может затянуться на долгие годы.

Хотя ребенок может прекрасно понимать обращенную к нему речь, ответить на ваш вопрос более или менее развернутой, грамматически правильной фразой он не в состоянии.

Маше 12 лет. Она рассматривает картинки в книге. «Что делает дедушка?» — спрашиваю я. Казалось бы, чего проще? — сидит пьет чай, в одной руке держит чашку, в другой газету — читает. Маша в большом затруднении. Что выбрать? С чего начать? Вот ее ответ: «Пьет чашка». А вот еще фраза: «Девочку любила велосипед» — что, как выяснилось, означает: «Дедушка любит девочку и купил ей велосипед».

Мы сплошь и рядом сталкиваемся с грубыми ошибками такого рода. Вряд ли Маша не слышала о существовании глаголов «пить», «купить» и т. д. Но вот как с ними обращаться?

С чего же начать работу над глаголами, которых так недостает в речи вашего ребенка? С самого простого: читая книгу, держа в руках чашку, забивая гвозди, копая землю лопатой, персонаж в книжке либо *сидит*, либо *стоит*, либо *лежит*. Он почти всегда *смотрит* на кого-то и почти непременно что-то *держит*, — во всяком случае, вы можете выбрать именно такие иллюстрации. Можно, конечно, еще и бежать, плавать, летать, ехать, но этими глаголами займемся позже. «Что делает девочка? Стоит. А мама? Сидит», — задавая эти вопросы, на первых порах мы сами же на них отвечаем, не требуя ответа от ребенка. Вполне возможно, он еще не в состоянии сказать этих слов. Но мы выбрали эти глаголы из множества других и зафиксировали на них его внимание. Пройдет какое-то время — и на ваш вопрос последует очень краткий, но совершенно точный ответ. Глаголы «сидит», «стоит», «лежит» станут первыми в очень короткой, состоящей из двух-трех слов цепочке.

Не так уж много на свете предметов, на которых можно лежать, сидеть или стоять. *На стуле, на крыше, на ветке, на пеньке, на земле, на травке* — довольно скоро ребенок присоединит к глаголу-сказуемому существительное-дополнение и, твердо усвоив два звена в цепочке («сидит на стуле», «лежит на земле», «стоит на пеньке»), перейдет к глаголу *держать*, а потом *смотреть*: «сидит на пеньке и *держит корзину*», «стоит на стуле и *держит мячик*», «сидит на ветке, держит шишку и *смотрит на мальчика*».

Ребенок пересмотрел штук 20 или 30 книг, герои которых сидели на ветках, пеньках, деревьях, крышах и держали кто палку, кто шишку, кто ведро. Вам необязательно устно подсказывать ребенку нужное слово, вы молча показываете пальцем на белочку, ветку, лапку белочки, в которой она держит шишку, на ее глаза, направленные на мальчика, на самого мальчика — и ребенок самостоятельно произносит требуемое слово.

Цепочку *сидит (стоит, лежит), держит, смотрит* мы дополняем еще одним глаголом — *говорит* (или *кричит*). Что именно говорит персонаж, ребенок скажет сам, если, конечно, вы подберете картинку так, чтобы сообразить и сказать было нетрудно.

Мама сидит на стуле, держит чашку и *говорит*: «Пей!»

Дедушка стоит, держит метлу и *кричит*: «Уйди!»

Папа Карло стоит, держит колпачок и штаны, смотрит на Буратино и *говорит*: «Одевайся!»

В результате многократных повторений цепочки усвоены. Ребенок заучил не только глаголы, но и падежные окончания существительных-дополнений. Кое-что в этих цепочках можно теперь отбрасывать, кое-что добавлять — получатся устойчивые сочетания типа «в *одной руке* держит лопатку, в *другой* ведро», «смотрит *сердито*», «смотрит *грустно*» и т. д.

Идем дальше. «Бабушка держит чайник и...», — вы повышаете интонацию. — «*Наливает воду*», — почти не задумываясь, заканчивает фразу ваш ученик. «Мальчик держит лопату и...» — «*Копает землю*».

Птица *летит*, мышка *убегает*, машина *едет*... В ход пошли глаголы, которые хранились в пассиве давным-давно, — теперь ребенок активно включает их в свою речь, уверенно ими пользуется.

«Мальчик сидит на стуле, держит ложку и ест кашу», «Кошка лежит на диване, хозяйка гладит ее», — ребенок составил цепочку, и я задаю ему вопросы: «Мальчик какой - большой или маленький? Сидит на стуле спокойно или вертится? С аппетитом ест или не хочет кушать? Кошка какая? А диван? Как хозяйка гладит свою кошечку?» Ответы подсказываю — кошка полосатая, диван зеленый, гладит нежно, тихонько, ласково. Герой на картинке ест с аппетитом, слушает внимательно, бежит быстро, либо медленно, смотрит с интересом, либо рассеянно и т. д. — в зависимости от того, насколько продвинул и развит ребенок в речевом отношении, я все более и более усложняю цепочки.

Незаметно для ребенка цепочка разрастается, постепенно обогащаясь всеми частями речи. Эти цепочки помогают ему осуществить переход к фразовой речи, к употреблению распространенных предложений — к данному вопросу мы еще вернемся. В дальнейшем они помогут ему составлять рассказы по картинкам. А самое главное — в нем развивается его собственное чутье, когда подробные пояснения становятся не нужны и все подсказки и поправки вы делаете мимоходом. Несет мальчик ведро или просто держит? Несет — ведь это когда держит и при этом движется, правда? Нужный глагол ваш ребенок выбирает сам и без каких-либо затруднений.

Вам совершенно необязательно проводить над книгой все то время, что вы отводите для занятий. С большим удовольствием ребенок будет участвовать в уборке, стирке, мытье посуды и т.д. А если уж очень затрудняет ваши действия своей «помощью», пусть просто сидит рядом на стуле — вместе с ним вы будете обсуждать происходящее.

Можно общаться, разговаривать, прорабатывать наши цепочки. Мы снова моделируем ситуации, с которыми тесно связываем речевые упражнения.

Мама стоит, держит чашку и моет (ее).

Мама стоит, держит полотенце (тряпку) и вытирает ложку (лужу, стол, плиту).

Бабушка сидит на стуле, держит иголку и шьет рубашку.

Тут же:

Надо бросить мусор в ведро.

Надо убрать ложки в ящик.

Надо помыть посуду.

Через некоторое время наряду со словом «надо» мы начинаем употреблять слова «нельзя» и «можно» — ребенок очень легко присоединит к ним неопределенную форму глагола. Затем, отталкиваясь от хорошо усвоенной им неопределенной формы глагола, мы переходим к употреблению глаголов «хотеть» и «быть» в первом лице будущего времени. Это тоже получается вполне естественным образом:

Я хочу (буду) рисовать дом.

Я хочу (буду) играть в мяч.

Я хочу (буду) читать книгу.

Жестом помогайте ребенку вспомнить глагол и существительное. Не говорите сегодня одно, завтра другое, наугад, первое, что придет в голову. Мы заучиваем произношение старых и вводим новые слова постепенно. В занятиях с ребенком должна быть четкая система, усваивать он должен прочно, говорить чисто. Не надо спешить, никогда не забывайте, что ребенок с синдромом Дауна не в состоянии понять, осознать, запомнить так быстро, как нам хотелось бы. Очень не скоро он научится внятно произносить длинные цепочки многосложных слов. «Надо включить телевизор», «надо протереть раковину», «надо разморозить холодильник» — такими фразами можно было бы дополнить наши с ним разговоры в комнате и на кухне, только вряд ли на данном этапе ваш малыш справится с ними. Все это он скажет значительно позднее, и к тому времени, когда он сможет это сделать, никакие цепочки ему уже не понадобятся.

Зато с каким удовольствием ребенок повторяет то, что у него начинает получаться!

Саркис сидит на стуле, *снимает* ботинки и *надевает* тапочки.

Саркис держит веник и *подметает* пол.

Саркис держит молоток и *помогает* папе.

Новое слово не пугает ребенка, оно вписывается в цепочку (фразу), с произнесением которой он давно справляется. А сколько появилось новых слов-дополнений к глаголу! Их ребенок знал, слышал, теперь эти слова можно так ловко, так удачно пристроить — и вот получается длинная фраза, совсем как у всех тех, кто умеет говорить, у мамы, у папы, у сестренки! Как всякому ребенку, ему небезразличен успех. Он испытывает огромную радость, когда видит, что вы удовлетворены его ответом, чувствует какой он молодец, умница — справился со стоящей перед ним задачей.

5-летняя Вера научилась чисто, четко, звонко произносить слово «молоко» и так была этому рада, что восторженно кричала «Молоко!» всякий раз, когда ее спрашивали «что это?», указывая на колбасу, хлеб, конфеты — и не потому, что не видела разницы. Зачем говорить то, что не совсем получается, когда так хорошо выходит слово «молоко»? Все хвалят, поздравляют, восхищаются!

Всякого рода образцы (patterns), группы, блоки слов, которые ребенок заучивает и которые поначалу служат точкой опоры, отправным моментом (в данном случае именно 3-е лицо ед. ч. наст. вр. глаголов *сидеть*, *лежать*, *стоять*, *говорить* с существительными в винительном, родительном и предложном падежах) помогают ему структурировать и конструировать свою речь. «Дайте мне точку опоры, и я переверну земной шар» — всем нам хорошо известно это высказывание. Приходится еще и еще раз напоминать — образцы не должны становиться неким клише, заданным раз и навсегда, так же как вся наша работа не должна превратиться в постоянное натаскивание, не дающее ходу мыслям самого ребенка. Не забывайте об этом! Задача

педагога в конечном счете сводится к развитию возможностей ученика, к свободе его речевого творчества. Жесткие рамки, в которые втиснут ребенок, приучают его бездумно заменять собственные суждения механическими образцами. Ответы его становятся сухими и бесцветными, ничего своего он уже сказать не может. И чем дальше, тем больше все его усилия, весь мыслительный процесс направлены на то, чтобы, не дай бог, не сбиться с курса, угадать, чего ждет от него учитель, как *надо* ответить, чтобы ему, учителю, угодить. «Как надо» становится железной клеткой, из которой ребенок уже не может вырваться.

Наступает момент, когда мы отбрасываем образцы как обветшавшую оболочку. Ребенок вырос из них, они утрачивают свое значение и становятся ему не нужны. Ему уже не требуются отправные трамплины, он будет свободно обходиться без них. «Девочка пасет гусей», — говорит Коля, глядя на картинку и выделяя основное, преобладающее действие. То, что девочка при этом стоит, держа в одной руке корзину, а в другой — тонкий прутик, отходит на второй план.

«Дедушка увозит репу домой», «лошадь везет дрова»... Вместо того чтобы сказать «мама стоит, держит яблоко и дает его Коле», ребенок говорит просто «мама угощает Колю яблоком». А вот на картинке мальчик, который «порвал книжицу и мячик». «Что он делает, Коля?» — «Сидит и портит книгу»- Коля совершенно свободно оперирует тем, что слышит вокруг себя, и не только на уроке. И когда Колю по телефону спрашивают, что делает папа, он, не задумываясь, отвечает: «Отдыхает на кровати и храпит».

Наша работа с детьми многослойна и скрупулезна. Это потребует от вас помимо огромного терпения еще и чутья, интуиции и, конечно, изобретательности, позволяющей справляться со все новыми и новыми затруднениями.

Саркис построил из кубиков домик, но, как ни бьются мама и бабушка, вопроса «кто это сделал?» он не понимает и ответить на него не может. «Что же тут непонятного? — выходит из себя мама. - Мы же показываем ему на его постройку, и он давно уже знает слово «кто»!»

На самом деле все это совсем непросто. Начинать следует с вопросов типа: «кто нарисовал луну?», «кто пролил воду на пол?», «кто разбил чашку?». Ибо глаголы «нарисовать», «пролить», «разбить» несут совершенно конкретную информацию. Глагол «сделать» такой информации не несет. Сделать что? И вот по принципу плюс-минус, мы спрашиваем:

- Кто это *сделал* — разбил чашку?
- Кто это *сделал* — пролил воду?
- Кто это *сделал* — набросал мусор?
- Кто это *сделал* — построил дом?

И наконец, отбросив глаголы «разбил», «пролил» и т.д., просто спрашиваем: «Кто это сделал?» И Саркис с радостью указывает на себя пальцем.

Вы спрашиваете ребенка: «Для чего нам глаза?» — «Чтобы видеть». — «А уши?» — «Чтобы слышать». Для него существуют ключи, топор, молоток, пила, ручка, карандаш, гитара, ложка, нож, шапка и т. д.? На все эти вопросы можно ответить без труда, ставя глагол в неопределенной форме, что сначала не очень получается, но затем входит в привычку. (На первых порах в ответ на вопрос «для чего существует веник?» вы услышите «чтобы подметали пол». «А очки для чего?» — «Чтобы видим».) Всякий раз, увидев на картинке что-то подходящее, задавайте этот вопрос.

С течением времени у вас образуется обширная коллекция глаголов в неопределенной форме. Кроме того, мы выполняем еще одну задачу — выясняем назначение предлога. И сказать, для чего существует мельница, коромысло или холодильник, уже не так просто, ответы становятся более развернутыми. *Механическое заучивание* исключается, ребенок должен быть *подготовлен* к ответу на наш вопрос предыдущим опытом, найти ответ он должен по возможности самостоятельно.

«Кобылица топтала колоски на поле, а ведь из них делают на мельнице муку, а потом пекут хлеб, - говорите вы. — Перетирают колоски большими камнями - жерновами. Ну, подожди, поймает тебя Иван!» И далее: «Ну вот понес мужик мешок на мельницу. Вот она, мельница, машет крыльями. Что там в мешке? Колоски. Обратно потащит мешок с мукой».

После таких рассуждений ребенок без труда ответит вам, для чего существует мельница. И по мере того, как он не один раз еще увидит мельницу на картинках, представление о ней будет обогащаться все новыми сведениями. Всякий раз мы будем давать новый поворот этой теме — соответственно в речи ребенка появятся и новые, хорошо усвоенные глаголы. Ветер будет *дуть и крутить* крылья мельницы, вода в реке - *вращать* жернова, жернова — *перетирать* колоски, а всех занятий самого мельника и не перечислить.

«Для чего на мешке заплатка?» — «Чтобы зернышки не просыпались в дырочку», — 4-летний Ваня и сам не заметил, как от неопределенной формы глагола перешел к иным глагольным формам. «Для чего существует карман?» — «Чтобы вытаскивать платок». Ваня упорно отвергает глагол «класть», игнорируя поправки. Он упрям, независим и в своих суждениях самостоятелен. «А для чего существует мама?» - «Чтобы любить своих детей!» Ну что тут возразить?

Проходит какое-то время, и вы обнаруживаете, что ваш ребенок уверенно, почти не делая ошибок, спрягает глаголы. Он уже не говорит «мы едет на машине» или «Ваня подметать пол». Провожу вопрос: «Но как же так? Ведь во всех приведенных примерах глагол стоит в третьем лице единственного числа либо в неопределенной форме. Как же выучить с ним все остальное?» Отвечу — с течением времени ребенок справится со всем этим сам. Да, мы вычленили и как следует проработали только это, только спряжение глаголов 3-го лица, ед. ч., наст. вр. с существительными-

дополнениями в винительном, родительном и предложном падежах. И этого оказывается достаточно. Всякий раз мы открываем путь к естественной, заложенной природой поразительной способности, какой обладают все дети и ребенок с синдромом Дауна в том числе: способности к самостоятельному постижению законов языка, систематизации, спонтанному восприятию и усвоению. В противном случае он никогда не научился бы говорить. Выучить все невозможно — тем более в русском языке. Фигурально выражаясь, мы подбираем ключи, прокладываем туннель, даем направление — все остальное сделает за нас природа.

Ни разу ни с одним из детей (за исключением Саркиса— но это случай особый) мне не пришлось заучивать спряжение глаголов — да еще разных групп! — во всех прочих лицах, числах и временах. Точно так же как, добавляя к глаголам, в наших «цепочках» существительные разного рода (независимо от их окончаний) в винительном, родительном и предложном падежах, мы уже не ставили перед собой задачу проработки всех многочисленных вариантов склонения существительных. Ребенок самостоятельно выстраивает всю систему и спонтанно начинает обрабатывать поступающую к нему информацию. Конечно, поправлять его приходится, пожалуй, чаще, чем нормального ребенка. По словам профессора А. Н. Гвоздева, нормальный ребенок, «овладевает всей сложной системой грамматики, постигает закономерности синтаксического и морфологического порядка, а также твердое и безошибочное использование множества стоящих особняком единых явлений»¹. И все это в равной степени с определенного момента начинает относиться к ребенку с синдромом Дауна. Именно предложно-падежная система и спряжение глаголов представляют наибольшие трудности для изучающего русский язык иностранца. И в этом смысле ребенок с синдромом Дауна, которого мы тоже *обучаем* говорить, с поразительной скоростью обгоняет его.

Мы все более и более расширяем наш словарь.

Лиса, кот и медведь идут на рыбалку, Буратино, кот и лиса отправляются в Страну чудаков, Маша с подружками ищет в лесу грибы. Бременские музыканты бредут по дороге... Все это *компани*. Вон там, за домами, далеко *на горизонте* лес. *На горизонте* в море плывет кораблик, *на горизонте* вдали церквушка. Какое *странное* дерево — вместо листьев монетки. Какая *странная* девушка — руки, ноги, личико, а вместо ног хвост! Каждый раз, обращая внимание ребенка на подобного рода несуразности, я употребляю слово *странный*.

«Странно!» — говорит Вера, надевая брюки и попав ногами в одну штанину.

«Странное у собаки имя — Бобик», — удивляется Гриша.

¹ Г в о з д е в А. Н. Формирование у ребенка грамматического строя русского языка. Ч. 1. М., 1949.

Ваня вслушивается в слова песенки на французском языке: «Странно...» Мы с Ваниным дедушкой устанавливаем проектор, чтобы показать Ване слайды, однако он не проявляет большого интереса к тому, что мы делаем.

Д е д у ш к а. Ваня, иди посмотри мультики!

В а н я (с недоумением глядя на проектор, а затем на экран). Странные мультики.

«Какая несуразная шляпа!» — заявляет Гриша и приводит всех в восхищение. Но ничего особенного в этом нет. Если он может понять и запомнить слово «странная», то с тем же успехом он скажет «необыкновенная», «необычная», «нелепая» и «несуразная». Можно смотреть удивленно, но также и изумленно и недоуменно, можно заниматься просто хорошо, а можно добросовестно, усердно, прилежно, старательно. Ну и т. д.

Я. Гриша, что скажут люди, если человек наденет на голову ведро и в таком виде выскочит на улицу?

Г р и ш а (5 лет). Какой ужас!

Я. А какое у них будет выражение лица?

Г р и ш а. Ошарашенное.

Чаще всего в разговоре с ребенком мы употребляем одни и те же глаголы, самые «ходовые» прилагательные - отчасти для того, чтобы он лучше нас понял, отчасти потому, что наша собственная речь не отличается особым богатством.

Мы говорим «маленький», «большой», «злой», «добрый». Но ведь есть еще слова «громадный, колоссальный, огромный», «крошечный, крохотный» и даже «микроскопический»... Какой прекрасный, великолепный, восхитительный, чудесный, превосходный, замечательный, роскошный дом! Какая обворожительная, хорошенькая, прелестная, очаровательная и симпатичная девочка! В разговоре с ребенком мы редко употребляем подобные слова — откуда же ему знать их?

Все это богатство определений изъято из повседневного обращения, и мы говорим только «плохой — хороший», «красивый — некрасивый», «добрый — злой» — весьма примитивный и ограниченный набор.

Можно «быстро бежать», а можно «мчаться во весь дух», «нестись во всю прыть, во весь опор, стремглав, со всех ног», не просто убегать, а «удирать» и «улепетывать». Есть «избушка», но есть и «лачужка», «хатка», «хижинка». И поэтому, читая или рассказывая ребенку самую простую сказку, подумайте о том, как можно дополнить или заменить новыми встречающимися в тексте давно известные ребенку слова. Поищите синонимы и выпишите их в столбик на странице книги рядом с рисунком. У вас появятся «метель, буран, вьюга», «дырка, отверстие, прореха», и вы будете говорить не только «темно», но и «тьма кромешная», «ни зги не видно».

Как и всякое новое слово, синоним не должен, появившись один раз, надолго исчезнуть, не оставив в памяти следа. Мы говорим их постоянно,

усвоенные заменяем новыми, и через некоторое время ребенок, загибая пальцы на руке, на вопрос, как ходит зайчик, у которого болит лапка, ответит «бредет, ковыляет, хромает, еле тащится». И не только ответит, но и покажет, как это — хромает. Ибо везде, где только есть возможность что-то продемонстрировать, вы эту возможность используете.

«Некрасивая жаба, вся в бородавках! — говорю я ребенку, — А как еще можно сказать?» И он перечисляет: гадкая, безобразная, отвратительная и мерзкая.

Здороваться и прощаться можно по-разному. «Добрый день», «привет», «добро пожаловать», «здравствуйте, будьте как дома», «рада вас видеть» — такими словами встречаю я у порога своего ученика.

«До свидания», «всего хорошего», «до скорой встречи» — прощаюсь. «Честь имею кланяться!» — объявляет Виталик уходя, отвешивает глубокий поклон и прикладывает руку к козырьку. Вспомнил жест, которым милиционеры «отдают честь», хотя, конечно, подлинный смысл этого слова ему пока не известен.

Вполне понятно, что не стоит обрушивать на ребенка весь составленный вами список синонимов. К известному уже слову мы прибавляем его эквиваленты по одному: «Не пожалею я тебя, *не помилую*», «А над зайцем-хвастуном все смеются, *насмеваются* над ним и *потешаются*», «Стояла в лесу избушка-лачужка». Через некоторое время, отбросив «избушку», вы скажете «лачужка-хижинка», а затем «хижинка-хатка» — присоединяем неизвестное к известному.

Иллюстрации в книге дают ребенку возможность уловить тонкую разницу между словами, близкими по значению, а нам — избежать многословных объяснений. В руках у Деда Мороза палка. «*Посох*», — уточняете вы, и ребенок видит, что посох — это не просто палка. Страшила пугает ворон, сидя на палке — *шесте*, а у медведя в лапах огромная *палка-дубина*. «Ботфорты — это такие сапоги», — говорите вы. Какие «такие», он и сам видит. С отворотами.

Вот цепочки взаимозаменяемых, близких по значению слов. По аналогии с ними вы можете составлять собственные списки. Не выписывайте эти слова механически из словаря синонимов, выписывайте из книг, которые читаете детям, и заучивайте не сразу, а очень постепенно.

Дремучий лес, чаща, заросли.

Не понимать, недоумевать.

Сообразить, догадаться, смекнуть,

Находчивый, сообразительный, догадливый.

Дыра, отверстие, прореха.

Злой, свирепый, яростный.

Еда, пища, съестное.

Беда, горе, неприятность.

Мрачный, угрюмый, хмурый,

Ругать, бранить.

Трусливый, робкий, боязливый.

Смелый, храбрый, отважный.

Просить, умолять.

Страдать, мучиться.

Улететь, упорхнуть.

Устать, утомиться, выбиться из сил.

Плохая погода, ненастье.

Грязь, Слякоть.

До чего же *трусливыми*, *пугливыми* и *робкими* оказались гости Мухи-цокотухи, все эти так называемые друзья: полезли прятаться, разбежались кто куда, один комар *не струсил*, *не испугался* и расправился с пауком, воздал ему по заслугам. Не выручили бедного зайчика ни медведь, ни собачка, а вот петушок оказался *не робкого десятка* — выставил лису из лубяной избушки.

С некоторых пор уже не приходится по сто раз повторять одно и то же слово. Новые слова ребенок подбирает как курица зерна. Достаточно сказать один-два раза — и , он уверенно покажет и назовет то, с чем ему приходится сталкиваться не так уж часто. Его фразовая речь стала более развернутой, существительные обросли прилагательными, он ставит глаголы на их законные места.

Хотя и не спеша, но очень последовательно, настойчиво и целенаправленно мы продолжаем работу над усвоением ребенком литературной лексики. Это необходимо еще и потому, что незнание ее сильно затрудняет обучение чтению. Поначалу ребенок с синдромом Дауна учится читать как будто бы достаточно легко, но с какого-то момента дело начинает двигаться значительно медленнее. В текстах то и дело попадаются многосложные слова, которых ребенок никогда до того не слышал. Он застрекает на них, так как не в состоянии уяснить, что за слово получается из букв и слогов в результате его стараний объединить отдельные элементы в целое. И слов таких более чем достаточно.

Что знает ребенок конкретно, а что приблизительно? Есть слова, которые невозможно ему объяснить, смысл которых он должен просто ощутить. «Как поделить на троих одно яблоко?» — *думают* заяц, ежик и ворона. О чем думает рыба, глядя на крючок? Что думает мальчик, глядя на то, как большой дрессированный пес идет рядом с бабушкой, неся в зубах тяжелую сумку? «Вера, как тебе кажется, почему мальчик на этой картинке так засмотрелся на девочку с локонами в белом кружевном платье?» — «Он смотрит на нее и думает: какая прекрасная Вера!» Лежа на диване у новогодней елки, о чем *мечтает* другой мальчик?

Бедный, бедный, *одинокий* папа Карло! Ни сына, ни дочери — никого у него нет. Одинокая бабушка и бабушка слепили из снега дочку, а одинокий гном взял на воспитание поросенка. «А ты, Виталик, одинокий?» — «Нет!» — и Виталик загибает пальцы: у него есть папа, мама, бабушка, бабушка и брат Витя. Царь отнял у Ивана перо жар-птицы, чуть не утопил Иванушку в

котлах — это *несправедливо!* Осел, петух и кот верой и правдой служили своим хозяевам, а те их выгнали — *несправедливо*. Лиса поселилась в избушке зайца — тоже *несправедливо*.

В диалоге с мамой 5-летний Гриша высказывается следующим образом:

М а м а. После ужина будет награда. Я вам с Машей почитаю.

Г р и ш а. Это *несправедливо*. Чтение не награда. Это труд.

«*Несправедливо*», «*нечестно*», «*неблагодарность*», «*жадность*»... Если ребенок не понимает значения этих слов, он не в состоянии оценить поступки героев книги с точки зрения морали. Ребенок учится делать выводы из прочитанного, вырабатывает критическое отношение к происходящему. Формируется его собственная личность.

Придя на урок, Ваня раздевается в коридоре и, как всегда, ведет оживленную беседу с дедушкой. И я слышу: «Дедушка, ты мне враг». Пулей (намеренно) вылетаю в переднюю: «Ваня, что ты! Как ты можешь так говорить про дедушку! Враг — это плохой человек, плохое слово!»

Ваня ошарашен моей бурной реакцией и несколько смущен. Он долго ищет ответ и наконец бормочет: «Как будто». Подумав еще некоторое время, он подходит к дедушке. Ему трудно вести разговор, выразить достаточно сложную мысль, сформулировать свое рассуждение. И все-таки он находит нужные слова: «Друг, — говорит Ваня и гладит дедушку рукой. — Добро». Подходит ко мне, меня тоже гладит и тоже говорит мне: «Добро. Добро тебе».

Слово «враг» он вычитал из книг и необдуманно применил его по отношению к дедушке просто так, играя. И куда естественнее для 5-летнего ребенка было бы сказать «дедушка добрый, хороший» — не философскими же категориями оперировать!

Но нет: «добро тебе!» Первый — такой значительный — шажок сделан.

Глава VI

ЗДРАВСТВУЙ, ДЮЙМОВОЧКА! ПРИВЕТ, СВИНОПАС! КАК ПОЖИВАЕШЬ, БУРАТИНО?

**Золотая библиотека. Что это значит — «равнодушие к жизни»?
Инсценирование. Расширение словарного запаса. Работа над литературной
лексикой. Обсуждаем и рассуждаем**

На ваших книжных полках стоят «Золотой ключик», «Дюймовочка», «Путешествия Нильса с дикими гусями», «Волшебник Изумрудного города», «Конек-Горбунок»... И мы поднимаемся на следующую ступень.

На картинках — короли и рыцари, парики и локоны, манжеты, короны, купола, бахрама, орнаменты, чей-то профиль, перстни, цилиндры и многое-многое другое. Слова эти, безусловно, встретятся в тексте. В книгах

появились новые персонажи. На смену колобкам и мухам-цокотухам пришли иные герои, интрига стала более запутанной и сложной.

Мы по-прежнему подвергаем книгу некоторой трансформации, но теперь это уже другой уровень. Целые страницы подлинного текста сохранены в неприкосновенности, ребенок их прекрасно понимает. И тем не менее книга, которую вы читаете, — это не просто книга, это всякий раз учебник. Кстати говоря, старайтесь, если это возможно, приобретать различные издания одной и той же книги: иллюстрации в них будут дополнять друг друга. Это очень важный момент, если речь идет о книгах с достаточно сложным содержанием. Желательно, чтобы как можно большее количество эпизодов было проиллюстрировано — пусть даже разными художниками.

«Свинопас» Андерсена... Тонкий смысл этой сказки понятен только взрослому читателю, и все равно она остается прелестной, удивительно изящной сказкой для детей. Они с увлечением будут слушать о том, как жил на свете принц. Был он одиноким и захотел жениться. Он посылает капризной принцессе хорошие подарки — розу и соловья, затем мастерит волшебный горшочек с бубенчиками и музыкальную трещотку. Волшебный горшочек нам уже встречался — с кашей, залившей всю улицу. А этот еще интересней — поддержишь руку над паром, и станет известно, что Гриша ел на завтрак и что у Вани было на обед. Принц вымазался сажей и стал свинопасом. Поцелуешь чумазого свинопаса, бывшего принца, — и получишь горшочек. Препирательства из-за поцелуев опустим и сделаем причину ссоры более конкретной: принцесса выбросила розу, разбила горшочек и сломала трещотку. За что и попала под дождь, теперь стоит плачет. Наши небольшие изменения вполне допустимы (особенно если сравнивать их с теми модернизациями, которые стали модны в последнее время: тут и Золушка, вымазанная во дворце смолой, и пересказы, сведенные к полнейшему примитиву). Дворец, фрейлины в париках и кринолинах, обступившие принца, придворные в камзолах, император в мантии с домашними тапочками в руках — как много нового! Очень легко изобразить все это самим, вымазавшись сажей, набросив на плечи «мантию», надев подходящие туфли. В нашей группе есть девочка Фиона, она и будет принцессой.

Посмотрим еще и слайды, вот кринолин, а вот парик, есть и Версальский дворец — какие странные около него деревья! Похожи на кубики, шарики и пирамидки.

Принцип «плюс — минус» даст нам возможность, не прерывая чтения и не тратя времени на пространные пояснения, знакомить детей со словами, смысл которых им непонятен.

Книгу вы будете читать ребенку не один раз — и по частям, и в целом, постепенно избавляясь от слов-пояснений. Для того чтобы подробности не загромождали повествование и не мешали бы восприятию сюжета в целом, нам придется кое-что сократить (а то и вовсе опустить) — так же как делали

это раньше. При последующих прочтениях возвращаем в текст пропущенные эпизоды.

Читая ребенку его первые сказки, мы старались, сделать некоторые эпизоды более понятными, напомнить, уточнить, сопоставить, соотнести между собой перипетии сюжета — и с этой целью дополняли авторский текст.

Теперь содержание книг стало более сложным, интрига гораздо более запутанной — и такого рода работа тем более необходима. Чем больше вы поработаете таким образом сейчас, тем меньше вам придется делать это в будущем.

Стремитесь к тому, чтобы ваши дополнения были достаточно литературны — на этом этапе ребенок начинает протестовать, если наша «отсебятина» очень уж не согласуется с авторским стилем. У него формируется чутье, он хочет, чтобы ему *читали*, а не *рассказывали*.

Обратимся к книге Сельмы Лагерлёф «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями» в пересказе М. Тарловского (Минск, «Современное слово», 1998). В этой обработке книга вполне доступна для чтения в дошкольном возрасте. И все-таки нам придется произвести дополнительное адаптирование, читая ее 5—6-летним детям с синдромом Дауна (пояснения и дополнения к авторскому тексту выделены курсивом).

«На стенке сундука, свесив ножки, сидел маленький человечек в черной курточке-камзоле и черной шляпе, в пышных штанах-панталонах до колен и крошечных башмачках с золотыми застежками».

«Сердце у мальчика сжалось от нестерпимой *грусти-тоски*».

«И все же к середине дня *он устал* — силы стали изменять ему».

«Но, может быть, *ты умеешь прыгать* (вместо «мастер прыгать»)?»

«Я родился прошлой весной», — *вежливо*, учтиво ответил Мартин».

«И тут его *догнал*, настиг Нильс».

«Перелет длиной в день не прошел для него даром. Он еле дышал, *он очень устал, утомился, обессилел*».

«Вот и видно, что я теперь уже не человек, *рыбу сырую ем, как кот*», — с грустью подумал Мартин».

«Мартин *тихонько, по секрету*, украдкой зашептал Нильсу: «Дикие гуси презирают домашних птиц, *смеются над ними, говорят, что они толстые, глупые и не умеют летать*».

«Я не могу оставить такого крошку одного в глухом лесу, где каждый может с ним расправиться! *Ведь Нильс такой маленький! Его могут съесть хищные звери. Например, вояк. И кабан может напасть*».

«Эх, Мартин, Мартин, наверное, он решил, что лиса-разбойница меня съела. *Но ведь лиса меня не съела. Куда же ты улетел, Мартин? Почему ты меня покинул? Это нехорошо с твоей стороны*».

«При слове «человек» гуси вздрогнули, как от выстрела, и в испуге отскочили назад. *Ах, ты человек? Может быть, еще и охотник? Убиваешь диких гусей из ружья?*»

Иногда дети не улавливают смысла сказанного, потому что забывают, о чем перед этим шла речь. И мы напоминаем им об этом.

«Нечего, нечего хныкать! — зашипели на мальчика гуси. — Заслужил! Заслужил! Заслужил! *Зачем ты нам хвосты выдергивал?*»

«А Нильс сидел верхом на Мартине и гордо на них поглядывал: *молодец, Мартин, хоть он и домашний гусь, а летит тоже высоко и быстро*».

«Он неожиданно замолчал, осекся и густо покраснел: *он вспомнил, как обижал гусей*».

Рассказ Куприна «Слон» и пятилетнему Ване, и 6-летнему Грише, и 7-летней Вере я читала почти без сокращений.

Маленькая девочка больна «равнодушием к жизни». Она ничего не хочет, худеет, бледнеет и вянет на глазах. Никто не может ей помочь. Но как-то ночью девочке приснился сон — и вот она просит привести домой настоящего, живого слона. Папа отправляется за слонем в цирк, и ночью слона по улице ведут к девочке. Слону покупают торт и дают его по маленьким кусочкам — иначе он отказывается подниматься по лестнице. В гостях слон прекрасно проводит время. Сидит за столом вместе с девочкой с салфеткой вокруг шеи обедает. А после обеда, переворачивая хоботом страницы, листает книжку. О девочке и говорить не приходится, она думать забыла о «равнодушии к жизни». Девочка и слон ведут беседу о куклах, о маленьких слонятах. Кстати, слонята ждут своего папу, пора возвращаться. Девочка выздоравливает, все заканчивается хорошо.

Сколько возможностей для импровизаций, инсценировок и т. д.! Конечно, мы упрощаем обстоятельные переговоры папы с владельцем дореволюционного цирка, но все остальное сохраняем в неприкосновенности и детальнейшим образом прорабатываем.

Во-первых, что это за странная болезнь — «равнодушие к жизни»? Я изображаю больную девочку, Вера — обеспокоенную маму.

В е р а (озабоченно). Может быть, тебе купить шоколада, конфет, печенья?

Я. Ах, нет, спасибо, ничего не надо. Я такая равнодушная, безразличная, мне ничего не хочется (делаю безнадежный жест рукой).

В е р а. Может, подружек позвать? Потанцуем, попойем, будем бегать, прыгать. Елку поставим.

Я. Не надо подружек. Я равнодушна к ним, мне все это интересно.

В е р а. Я тебе мультики покажу...

Беседа продолжается в том же духе. Теперь Вера изображает равнодушие к жизни — надо сказать, блистательно, она очень хорошая актриса. Затем мы импровизируем обед и беседу со слонем. Кормим слона тортом, рассматриваем с ним книжки.

С Виталиком мы читаем стихотворение С. Маршака «Старуха, дверь закрой!», Виталику оно очень нравится. Уже месяц он не может расстаться с этой книжкой, давно знает стихотворение наизусть. «Про упрямую старуху!» — говорит он, хлопая ладонью по книге и радостно улыбаясь.

Он с огромным удовольствием изображает и старика, и старуху, иллюстрирует все наиболее значимые моменты. «Бом-бом-бом» — двенадцать раз бьют часы, тихо-тихо входят в дом незнакомцы. Виталик на цыпочках пробирается к буфету. Делая вид, что пьет пиво, «сдувает пену». Мы чокаемся с ним воображаемыми кружками. Указывая рукой на дверь, он насмешливо говорит: «Старуха, дверь закрой!»

Я чувствую, что, хотя стихотворение Виталику очень нравится, суть его до него не доходит. И так же как делают герои книжки, я предлагаю ему посидеть и помолчать — кто из нас первый заговорит, тот встанет с дивана и закроет дверь в комнату. Все становится понятно: не выдержала старуха — заговорила первая, теперь закроет дверь, да поздно, из дома все вынесли.

С течением времени по мере расширения и обогащения словарного запаса ребенок начинает догадываться о значении новых слов по контексту — так же как это делают нормальные дети.

Но это возможно не всегда. Возьмем всем известную книгу Ершова «Конек-Горбунок». Ее читают уже почти двести лет. Подумать только, что сказка написана 19-летним автором! Язык ее необыкновенно музыкален, образен, пластичен. Однако встречающиеся на каждом шагу архаизмы затрудняют восприятие: не совсем понятного и совсем непонятного накапливается слишком много — к этому добавим еще и большой объем книги.

Мы прорабатывали с ребенком отдельные эпизоды, постепенно объединяя их. Там, где это было абсолютно необходимо, пришлось заменить устаревшие слова и обороты понятными ребенку словами, параллельно с этим, по принципу «плюс — минус», я читала ему изъятые из текста. Становясь понятным, текст автора возвращался затем на свое законное место, ибо, если речь идет о произведении талантливого писателя, нашей задачей является еще и воспитание любви к литературному языку во всей его прелести и своеобразии.

Наши уточнения — это временная мера. В сущности, это пояснения, подобные тем, которые мы делаем устно по ходу чтения, не слишком вдаваясь в подробности, если нормальный ребенок просит нас объяснить то, что объяснить толком пока невозможно. Но в случае с ребенком с синдромом Дауна пояснения такого рода мы вынуждены зафиксировать — именно для того, чтобы наши поправки не были беглыми и всякий раз разными. Иначе он не удержит их в памяти. Однако повторяю: уж если мы взялись читать хорошую книгу, то в конечном счете просто обязаны вернуться к подлинному тексту.

Вот несколько примеров адаптирования.

Стали думать да гадать,
Как бы вора соглядать.

*Стали думать да гадать,
Как бы вора им поймать.*

Братья ну ему пенять,
Стали в поле прогонять.

*Принялись его ругать,
Стали в поле прогонять.*

Побегай в дозор, Ванюша.

Вора нам поймай, Ванюша.

Озираючись кругом,

Огляделся он кругом.

Вдруг о полночь конь заржал,
Караульщик наш привстал.

*Вдруг о полночь конь заржал,
Наш Ванюша тут привстал.*

Тут Иван с печи слезает,
Малахай свой надевает.

*Тут Иван с печи слезает,
Свою шапку надевает.*

На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами.

*На спине с двумя горбами
С очень длинными ушами.*

И балясы начал снова.

И болтать он начал снова.

Гей! Хозяин! Полно спать!
Время дело исправлять.

*Эй! Хозяин! Полно спать!
Надо птицу нам Поймать.*

Все бока его изрыты,
Частоколы в ребра вбиты.

*Все бока его изрыты,
И заборы в ребра вбиты.*

«Конька-Горбунка» любят все без исключения дети, занимающиеся в моей группе. Вот как отвечает на вопросы по тексту 5-летний Ваня Алексеев. Напоминаю — он начал заниматься, когда ему было 2 года 8 месяцев.

Я. Где был перстень?

В а н я. В море, под китом, глубоко.

Я. Кто достал?

В а н я. Ёрш. Кит ему велел.

Я. Почему другие рыбы не достали?

В а н я. Силы не было.

Я. Чей был перстень?

В а н я. Цар-девицы.

Я. А пшеницу кто мял?

В а н я. Кобылица.

Я. А можно это делать?

В а н я. Нет. Надо муку делать, перетирать в больших камнях (жерновах. — Р. А.) на мельнице. Потом делать тесто, потом пироги.

Я. Царь хороший был?

В а н я. Злой. Ивана губил.

Я. Конек-Горбунок чей сын?

В а н я. Кобылицын. Ивану друг.

Я. Зачем Иван перо жар-птицы в конюшню отнес?

В а н я. Вместо фонарика.

Я. Куда царь Ивана посылал?

В а н я. Туда-сюда. Иди за перстнем. А потом — в котел. Обижал его все время.

Не меньшим успехом пользуется и «Сказка о рыбаке и рыбке».

Жадная старуха в который раз посылает старика к золотой рыбке: то ей требуется корыто, то изба, то одно, то другое. Ваня корыта никогда не видел и не знает, для чего оно вообще нужно. «Вот расколосось корыто, дырявое стало. В чем стирать? Стиральной машины нету», — говорю я. Ваня тут же указывает пальцем на картинку: «В море!»

Я уже должна привыкнуть к тому, что он в состоянии мгновенно оценить ситуацию, и все-таки всякий раз на секунду замираю от удивления — до чего сообразительный мальчишка!

Идем дальше. До чего же эта старуха *привередлива*. Все время ей что-то нужно. Никак ей не угодишь. Я ввожу новое слово и записываю его на страницах книги. Рассматривая старухину *землянку*, вспоминаем *погреб*, где во время урагана пряталась вместе с родителями Элли из всем известной повести О. Волкова. А вот еще кое-что знакомое:

На него прикрикнула старуха,
На *конюшню* служить его послала.

«Ваня, скажи, что старичок будет делать на конюшне?» — «За лошадьми ухаживать». — «А кто еще ухаживал?» — «Иван, он конюх был». — «Но ведь старик-то рыбак. Он к коням-то, может, и подойти боится, не знает, как ухаживать, как за дело взяться. А почему на море постоянно возникали сердитые волны?» — «Надоело ему! Старуха все просит и просит».

И т. д. и т. п. Ваня слушает сказку о рыбаке и рыбке не в первый раз, и мои комментарии к ней даются понемногу и постепенно. Ведь основное для нас на данном этапе — это именно пушкинский текст, его нельзя чересчур загромождать своими рассуждениями.

Но рассуждать Ваня любит. И с некоторых пор у него самого появились вопросы.

Я. Шли зайчик с ежиком и весело смеялись...

В а н я. Откуда шли?

Я (Ваниному дедушке): Мой племянник Тимур прилетел вчера поздно вечером из командировки...

В а н я (мгновенно). Как это — *прилетел*???

Я. Ну, на самолете. Ты видел когда-нибудь самолет в небе? Вот вырастешь и тоже полетишь. Люди не летают, а самолет летает.

В а н я. Я не полечу. Привяжу самолет к столбу и не полечу.

Надо сказать, Ваня у нас несколько трусоват. Он старается поскорее перевернуть страницу, где изображены мохнатый паук, страшный великан и прочее.

Быстрота его реакции иной раз просто поражает.

Я. Ваня, дедушке ты кто?

В а н я. Внук.

Я. А маме?

В а н я. Сынок.

Я. А мне?

В а н я. Друг.

Я ожидала другого ответа. Конечно, мы друзья, но прежде всего он мне ученик. Наконец догадываюсь. «Друг мой, — говорю я иной раз. — Что-то ты здесь заблуждаешься», «Ну, друг мой, примемся за дело...» и т. д.

Мы постепенно заучивали с ним: много птиц — стая, много людей — толпа (он упорствует — «удавка»), много собак — свора. Все это встречалось на картинках — стаи, своры, толпы, стада. И вот новый вариант вопроса.

Я. Когда много пчел, это как называется?

В а н я. Рой.

Я, А *большое скопление народу?*

Ваня смотрит на меня, и по его лицу я вижу — он соображает, ищет ответ. Я отчетливо наблюдаю работу мысли.

В а н я. Удавка.

Это типичный пример контаминации, столь характерной для детского речевого творчества.

Вот Ваня сидит с книжкой где-нибудь в сторонке, но не просто рассматривает картинки: он сам себе рассказывает сказку, самостоятельно ее комментирует. А вот он одну за другой вытаскивает из коробки карточки. И я слышу:

— Жук как будто. Жук-олень. Рога. Ноги кривые. Хорошо, хорошо, замечательно.

— Сковородка. Жарить омлет. Куда кладем? На тарелку.

— Сова. Похожа на филина. Улетает в темноту.

— Ромашка. Лицо полоскать.

Спрашиваю: Как это — полоскать лицо?

Ваня делает вид, что протирает ваткой лицо и глаза, полощет горло.

Вопросы, которые я задаю ребенку и на которые он так уверенно отвечает, неслучайны. Мы восстанавливаем в памяти, закрепляем и дополняем то, что встречалось не раз. В книге О. Волкова «Волшебник Изумрудного города» ураган унес домик Элли, а в сказке Пушкина «вздулись сердитые волны», воют воем — *шторм*. Девочку зимой послали в лес за подснежниками — поднялась *метель*. У нас, кстати, и репродукция «Девятого вала» Айвазовского есть, и слайды имеются: бури, метели, штормы, ураганы на картинах известных художников.

Изобразим переключку старика и рыбки. Ветер все сильнее и сильнее, море грозно шумит. Приложив ладони ко рту, взываем: «Смилуй-ся, госуда-рыня ры-ы-б-ка!» Не слышит. Давай позовем громче. Ага, приплыла: «Чего тебе на-а-доб-но стар-че-е???» Всякий раз маленький спектакль.

Старуха какая? Жадная, злая, *привередливая, неблагоприятная*. Поступает как? *Несправедливо*. А что это за круглые топорики на длинной палке-рукоятке? Мы таких топориков не видели. Это *секиры*.

Такого рода работа имеет смысл в том случае, если она ведется постоянно, если от книги к книге будет тянуться все удлиняющаяся цепочка сопоставлений, новых определений, если новые слова не канут в вечность, а будут закреплены постоянным повторением от книги к книге. Всем предыдущим опытом ребенок должен быть подготовлен к восприятию нового, ни один вопрос не должен задаваться с бухты-барахты. И конечно, если ребенок занимается от случая к случаю, выстроить такую систему невозможно.

Глава VII

«В НАУКАХ ТОЧНЫХ НЕ СИЛЕН, ЛЮБЛЮ ВОЛШЕБНЫЕ ВИДЕНЬЯ...»

Из чего мы варим суп? Заучил ли ты цвета? Треугольники, круги, квадраты. Как мы шнуруем ботинки. Что такое сказуемое? Посчитай поросят. Птичка синичка и цветок колокольчик. Тебе досталось слово «хобот»

С самого начала мы приучаем малыша вглядываться, вдумываться, вслушиваться. Вот нарядная муха, в лапке у нее — крохотная сумочка, а на дороге — огромная, с колесо телеги, монета. Как же она понесет такую монету на базар? «Потащит ее на голове, будет держать как кувшин», - отвечает образованный Гриша.

Возможно, ваш ребенок еще не в состоянии ответить подобным образом, но вы по крайней мере привлекли его внимание к этому *несоответствию* размеров.

Бабушка-пчела несет мухе банку с медом. Угостит ли муха гостей или спрячет банку в буфет на случай простуды? А вот ей дарят сапожки, и Коля, кряхтя, показывает, как муха их примеряет. «Малы», — говорит он с сожалением.

«Мухе подарили сапожки, а у тебя что за *обувь*? Что у тебя на ногах?» - «Тапочки». В следующий раз мимоходом отметим, в какой обуви пришел на урок Виталик. На дедушке в книжке какая обувь? Валенки. А у этого? Лапти. У папы Карло в комнате стол да стул — вот и вся *мебель*. Через некоторое время попадаете книжка про старичка побогаче: у него и рояль, и картины, и мебели побольше — диван, кресло, письменный стол.

В один прекрасный день я задаю вопрос: «Ваня, какую ты знаешь обувь?» И помимо тапочек, ботинок, туфель он самостоятельно называет резиновые сапоги, кроссовки, босоножки. А перечисляя известные ему виды транспорта, вспоминает, что помимо автобуса, метро, троллейбуса существуют еще электричка и маршрутное такси.

Цветы, деревья, посуда, музыкальные инструменты... Я не даю задания просто запомнить возможно более полный ряд названий овощей и фруктов, постельного белья и т. д., наскоро пояснив: «Головные уборы — это то, что мы носим на голове». Или: «Посуда — это предметы, которыми пользуются во время еды и для приготовления пищи». Ребенок исподволь подводится к пониманию некоего основного принципа, делает обобщение и вывод *самостоятельно*. Он восстанавливает в памяти и сводит воедино то, с чем постепенно я знакомила его на протяжении длительного времени, и делает это *сам*, по аналогии добавляя к тому, о чем узнавал на уроке, то, что он узнает *помимо уроков*. Это куда более важно и намного более ценно, чем мертвое механическое заучивание. Ибо даже большой объем изолированных, ни с чем не связанных знаний, полученных путем вдалбливания и зубрежки, еще не свидетельствует о высоком развитии интеллекта ребенка. Так же как дефицит подобных знаний не доказательство принципиальной неспособности их усвоить.

Вот сидит в метро Вера и, загибая пальцы на руке, мучительно заучивает названия овощей: лук, чеснок... Кому это нужно? Мы сварили с ней овощной суп: чистили картофель и лук, резали морковку и капусту, положили в кастрюлю горошек. Она прекрасно запомнила названия овощей. Мы специально сходили в магазин напротив. Любовались горой яблок, бананов, ананасов. И

сколько раз после этого она просила: «Давай еще раз сварим овощной суп! Давай сварим компот из фруктов!»

Старик, поймавший золотую рыбку, был рыбаком, а Иван — конюхом. Заводим разговор о профессиях. «Приходишь ты, Гриша, с мамой на остановку, а шофера нет! Все мокнут под дождем, а он спит дома. Идешь в магазин — нет продавца! Пришел в поликлинику, сидел, сидел с мамой, а врач не пришел на работу. Кто лечить будет?» Долго разрабатываем эту тему, и ее неожиданные повороты помогают понять 5-летнему Грише, что это значит — «папа пошел на работу».

Я. Почему ты не хочешь быть шофером?

Г р и ш а (подумав). Куртку оболую бензином. И маляром не хочу быть (очевидно по той же причине. — Р. А.).

Теперь, кто бы ни пришел, Гриша затевает длинные разговоры о профессиях: задает бесчисленные вопросы, советует, объясняет, зачем нужна та или иная работа.

Мы еще много раз вернемся и к этой теме, и к разговору о том, где живут медведи, волки, белки, муравьи, чем занимаются дятлы и пчелы, какими инструментами пользуются строители. Живейшее обсуждение увиденного, услышанного, прочитанного с привлечением уже пройденного, всего ранее известного должно иметь место не от случая к случаю, не в связи с тем, что на данный момент намечена тема «овощи», после которой следует перейти к теме «фрукты». Никакого насилия, *никаких сроков* — и вместе с тем неуклонность, последовательность и постоянство усилий.

В детском саду во время музыкальных занятий учительница играет на пианино. Бременские музыканты сколотили квартет: петух поет и бренчит на балалайке, кот — скрипач, осел — гитарист, собака — ударник, барабанщик. В «Спящей красавице» музыканты играют на старинных инструментах: лютне, виоле и клавесине. Включаем проигрыватель и расширяем свои представления о музыке вообще и музыкальных инструментах в частности. Не сразу, не к определенному сроку, не руководствуясь соображением, что в 5 лет «ребенок должен это знать», — тем более что знать состав оркестра в 5 лет совсем необязательно. Он никому ничего не должен. Это мы должны обучать его так, чтобы ему легко дышалось, было понятно, было интересно.

Почему чуть ли не за неделю ребенок должен научиться различать все семь цветов радуги? Родители бьются с этим так, как будто от этого зависит жизнь на земле. Куда спешить?

Мир окрашен в чудесные цвета, дайте ребенку пережить от этого радость. Пусть не ломает голову, не напрягает мозги, пусть почувствует цвет как некое волшебство. Синие, красные, зеленые стеклышки, смотрим сквозь них на яркий свет — как красиво! Огонек фонарика бежит, по стенке в темном коридоре - вверх-вниз, быстро-быстро, медленно-медленно. А вот мы надели на фонарик дырявый красный мячик из тонкой резины — все вокруг теперь окрашено этим цветом, все чудесным образом преобразилось. Распахиваем окно — как все зазеленело! Зеленый лист, зеленая трава, а попугайчик наш

— смотри-ка! — тоже зеленый. Мы занялись желтым цветом — прекрасно. Наденем и возьмем с собой на прогулку все желтое — платье, носочки, ведерко. А в волосах у нас будет одуванчик. Какой же веселый цвет этот желтый! А вот Ромена сидит на диване в платье «своего любимого синего цвета». На свитере у Коли, тоже синие полосочки — давай-ка сравним!

Не гоните ребенка! Не спешите. Пока не запомнит один-два цвета, не переходите к следующему и всегда помните о том, что научить вашего ребенка сравнить, сопоставить, *увидеть разницу* сразу не удастся. Для начала надо уметь осознавать специфику отдельно взятого предмета, одного качества — об этом уже говорилось.

И далее: Куда девался интерес к цвету? Почему, выучив семь непрменных цветов, с облегчением ставим на этом точку? С цветом разобрались, примемся за овощи. А розовый, сиреневый, фиолетовый, оттенки цветов? Какой твой любимый цвет? А нелюбимый? А мама какой цвет больше всего любит?

Родителям, дети которых вообще не говорят или говорят так, что их невозможно понять, не до фиолетового цвета. Вот если бы мог сказать, что у него болит! Хотя бы только это! И все-таки, и все-таки...

Ребенка надо учить *видеть*. А также «сметь свое суждение иметь». Как-то зимним днем я стояла у окна. День был чудесный, и пейзаж за окном радовал глаз тонкостью и великолепием красок: деревья отбрасывали голубые тени, на ветвях берез сидело около десятка снегирей, и ветви эти напоминали пышные, унизанные бриллиантами страусовые перья. Сказочная картина! На урок пришли дети — нормальные дети. И я спросила их: «Какого цвета снег? На что похожи сейчас снегири?» Снегирей дети сравнили с фонариками, с красными яблоками, а про снег дружно сказали «белый». Все, кроме одного 6-летнего мальчика, который абсолютно точно определил цвет снега, назвав его абрикосовым. Он еще не ходил в школу, и ему не было известно, что снегу *полагается быть белым*. Снегирей дети видели по-своему, а снег — что ж тут думать! Известно — белый.

«Сметь свое суждение иметь...» У меня на столе книжка «Вольная жизнь бельчонка Рыжика», изданная в Хельсинки.

Книгами этого издательства лет двадцать тому назад были забиты все наши книжные магазины, притом что творчество наших детских писателей, художников-иллюстраторов детских книг и вообще полиграфическое дело в стране стояло на очень высоком уровне. На обложке непонятное животное с чудовищной пастью. Это страшилище — белочка, о которой ребенку всегда было известно, что она милая, хорошенькая, пушистая. Ну и белка! Увидишь такую — потеряешь сознание. Показываю картинку детям: «Нравится вам такая белочка?» Некоторые привычно говорят: «Красивая». Виталик морщится, отрицательно качает головой: «Ужас! Ужас!»

Режиссер, оператор и я обсуждаем, как хорошо Ваня вел себя на съемке, какой он молодец: слушался Ромену и оператора, смотрел в объектив, старался. Поглядывал краем глаза на режиссера, тот ему знаки делал —

наверх посмотри, не держи карточку вверх ногами, текст книги нужно в объектив показать. А главное, как хорошо он молитву «Отче наш» прочел, несколько раз повторил, чтобы получалось все лучше и лучше.

В а н я (с дивана, самому себе). Как попугай!

Мы обсуждаем поиски возможностей финансирования ассоциации «Даун-синдром», вот опять председатель по банкам бегаёт. 6-летняя Вера сидит тут же и прислушивается к разговору. «По банкам нельзя бегать! Они разобьются!» - говорит она вдруг. Мы смеемся. Она упрямо повторяет: «Нельзя по банкам бегать!»

И я отмечаю: в первый раз она высказывает свое собственное мнение и *отстаивает* его.

Очень рано ребенок привыкает, что все или почти все вы решаете сами, он тянется за вами как нитка за иголкой, ему и в голову не приходит, что он вполне может высказать свое мнение. Он не привык ни к каким обсуждениям, и если ему что-то не нравится или он с чем-либо не согласен, он не может объяснить почему и чаще всего выражает свой протест капризами и плачем.

Почаще спрашивайте его, чего бы он хотел сам. Куда он хочет пойти — в парк или на стадион? Какой ему надеть свитер? Как ему кажется, что лучше всего подарить на день рождения его приятелю? Какие купить цветы? В какую вазочку их поставить? И вообще — какие цветы ему нравятся больше всего? Какая птичка? Какое дерево?

Мама 3-летнего Виталика, приведя его на урок, удрученно сказала мне: «Вот уже месяц я учу его отличать треугольник от круга — дефектолог велела, но ничего не выходит!» Виталик тем временем бегал по комнате, хватая то одно, то другое, и я никак не могла поймать его взгляд. «А нас все учат треугольник от круга отличать», — это слова отца 6-летнего Максима из Ульяновска. В детском саду 6-летнему Грише предлагают начертить квадрат, круг и треугольник, но с этим он пока не справляется.

И я спрашиваю родителей этих детей: «Скажите, зачем ребенку с синдромом Дауна в 3 года, да и в 6 лет тоже, во что бы то ни стало с такими мучениями учиться отличать друг от друга геометрические фигуры?»

Почему так жестко, с неумолимой настойчивостью, без всякой предварительной подготовки мы истощаем нервные клетки детей (и свои, кстати, тоже), добиваясь от них решения непосильных задач? «Стань таким, как я хочу!» Но ведь это не делается по мановению волшебной палочки!

Запись на видеокассете. Дефектолог занимается с 2-летней девочкой. У девочки синдром Дауна. Опуская в воду три разноцветных кубика, педагог говорит ребенку что-то вроде: «Вот смотри, желтая уточка поплыла, вот беленькая вслед за ней, вот серенькая их догоняет. Плыви, плыви, уточка!»

Какие уточки? Где они? Когда и как кубики превратились в уточек? Может быть, девочке лучше все-таки усвоить, как на самом деле выглядят утки? По-видимому, задача этого педагога как можно раньше *ликвидировать*

пробел — недостаточную способность ребенка к абстрагированию. С младых ногтей эта девочка будет приучена мыслить отвлеченно! Печальное заблуждение.

Ни круги, ни треугольники, ни ромбы ничего не говорят ни уму, ни сердцу ребенка. Он *не видит* углов в треугольнике и равенства сторон в квадрате, ибо увидеть в данном случае означает *осознать и осмыслить*. Для него все эти углы и стороны — звук пустой. И при чем тут уточки? Плавают в воде обыкновенные кубики, вот и все.

Когда ребенок подрастет, ему можно будет сказать «представь себе, что это не кубики, а утки», переводя его первоначальные представления в другую плоскость. А пока не лучше и не вернее ли идти от конкретного к абстрактному, а не наоборот?

Грише недавно исполнилось 6 лет. Если это так необходимо, что ж, давайте научим его отличать треугольник от круга, а квадрат от прямоугольника.

Круг он знает.

Светит желтая луна —
Очень круглая она!

С этими словами мы три года назад всякий раз обводили пальцем сначала луну на картинке, потом колесо, затем пуговицы — все, что попадалось круглого в книжке. Приступаем к треугольнику и квадрату.

«Сейчас я нарисую тебе будочку для собаки», — говорю я и рисую *квадрат*. «Чего не хватает?» — «Крыши». Рисуем *треугольник*- крышу. «А как собака в будку влезет? Что рисуем?» — «Кружок». — «Ну да — *круг*».

«У треугольника, Гриша, три *угла*». Что за углы?

Берем деревянный треугольник и маленький шарик. «Представь себе, что это мышка. Бегаёт мышка внутри треугольника и то и дело попадает в *угол*». Теперь рисуем комнату-квадрат. Как расставить мебель? Крошечный столик к стенке, кресло — в *угол*. Что еще в угол? Большую вазу с цветами.

Сначала рисую я, а затем Гриша. Очень скоро ребенок усвоит — в треугольнике три угла, в квадрате их четыре, в квадратной комнате все стороны равны, в прямоугольной комнате две стены длинные, две покороче. А вот эта комната квадратная или прямоугольная? Ни то ни другое. Строитель ошибся, плохо построил, неправильно, неровно.

Наглядность, образность, игра помогают ребенку увидеть отдельные элементы и свести их воедино, обобщить, составить целое. Через некоторое время, намеренно используя совершенно иную, новую ситуацию, например гуляя с ним по улице, вы можете, указав на окна домов или отверстие водопроводной трубы, спросить его, какой они формы. И, позанимавшись таким образом, переходите к вопросам, посредством которых будете тренировать его способность отвечать, не видя предмета, о котором идет речь, представить его в уме. Какую форму имеют книга, тетрадь, зеркало в

вашей прихожей, доска на которой режут хлеб, рама, в которую заключена картина на стене?

«Рисуем треугольник — крышу», «рисуем круг — дырочку», «рисуем квадрат — комнату», — говорим мы ребенку. И затем просто: «рисуем треугольник», «рисуем квадрат», «рисуем круг». Принцип присоединения нового слова к уже известному и затем вычленения его из образовывавшейся цепочки («плюс — минус») остается прежним. Рисуем вертикальные палочки — забор и горизонтальные полосы — провода. Если слово «вертикальный» несколько раз будет соотнесено со словом «забор», ребенку не потребуются пространственных объяснений, он легко поймет и запомнит его.

Нет таких детей, которые с первого дня правильно держали бы ручку и карандаш и у которых линия на полпути не теряла бы свое направление, загибаясь подобно хвосту скорпиона. А на что похожи его палочки, кружочки и все прочее!

Что мы наблюдаем чаще всего? Ребенок судорожно сжимает карандаш и, подгоняемый раздраженными криками теряющих терпение родных («Не дави! Не так держишь! Криво! Куда она у тебя поехала?»), пытается одновременно выполнить все команды, но очень скоро вообще теряет всякое соображение. Самое простое — зажать карандаш в руке и чиркать им по бумаге как бог на душу положит.

Родители не могут взять в толк, почему ребенок не понимает того, что им, родителям, кажется совершенно очевидным. Но ведь даже самое простое действие можно разложить на составляющие его элементы. И если мы хотим, чтобы ребенок мог выполнить то, чего мы от него требуем, поначалу нам следует добиваться от него четкого овладения каждой из составляющих.

Чтобы зашнуровать ботинок, у которого 8 дырочек — по 4 на каждой стороне, нужно совершить 24 мелких действия. Если вы последовательно будете обучать ребенка отдельным действиям, всякий раз четко их фиксируя и переходя к следующему только после того, как он овладел предыдущим, вам не придется всю жизнь зашнуровывать ему башмаки. При этом учтите: если ребенок научился шнуровать, держа ботинок на столе, то сделать то же самое у себя на ноге — несколько другая задача.

«Держи карандаш двумя пальцами легко-легко. Представь, что это бабочка, осторожно держи бабочку», — говорила я Грише. Научился. Легонько присоединим средний палец. Держим карандаш легко, изящно. Линейку тоже учимся придерживать. Не рисуем, не пишем, только держим — карандаш и линейку.

Теперь Гриша учится чертить по линейке линии наклонные, вертикальные, горизонтальные, параллельные. Кончик карандаша («носик») уткнулся в линейку. «К линейке носик, к линейке! Что это он у тебя от линейки отвернулся?» Очень непросто скоординировать движения, следить затем, чтобы карандаш не отрывался от линейки, линейка не уходила из-под

руки, не слишком нажимать, не давить и вместе с тем держать карандаш достаточно твердо.

Берем лекало и трафарет с кружочками. Кистью руки, держащей карандаш, учимся делать более сложное — круговое движение. Кончик карандаша по-прежнему упирается в кромку кругового отверстия на трафарете — вот и получился у нас кружок.

Займемся счетом. Ласточки на проволоке, скучный ряд грибов на первых страницах учебников математики, которые надо пересчитать, — все эти изолированные, ни с чем не связанные картинки-примеры не вызывают у ребенка никаких эмоций. Зачем это? К чему? Какая разница, сколько здесь грибов?

Нормальный ребенок внутренне готов к выполнению задания, пусть и неинтересного. Необходимость этого воспринимается им как некая данность. Нормальный ребенок всегда более или менее мобилизован делать даже то, что неинтересно и что делать ему зачастую просто лень.

У ребенка с синдромом Дауна дело обстоит по-другому. Он не может с ходу оторваться от конкретики, ему нужно увидеть, услышать, пощупать, прочувствовать, пережить. Не надо забывать, что в данной книге речь идет о детях не старше 6 лет. Им еще только предстоит идти в школу. А пока мы просим его к двум прибавить единицу, и ребенок путается, говорит чудовищную ерунду, вызывая у родителей острое желание хлопнуть его по затылку — не понимает такой ерунды!

Выходить из себя не надо. Вместо учебника математики мы берем сказку, рассказ, яркие иллюстрации к которым он будет рассматривать с неослабевающим интересом. Попутно можно посчитать все, что имеется на картинке.

Два ленивых поросенка валяются на траве. Три воробышка уселись на пенек. Под елкой грибы, на ветках белочки. А вот поросят уже трое, и один из них занят строительством дома. Тачка, на ней два мешка с песком, три метлы, четыре банки с краской, лопата. Интерьер кирпичного дома, в котором надежно укрылись братья-поросята — три стула, три чашки на столе, и поросят тоже трое.

При помощи указательного пальца пересчитываем бабочек, воробьев, колеса у тележки, банки с краской, выбивая однородные группы с близко расположенными друг от друга персонажами и предметами для того — чтобы ребенок не отвлекался от счета, ища их глазами. Сначала учимся считать до двух, потом до трех и так далее, соответственно чему и подбираем группы.

«Посчитай бабочек. Одна. Две. Три. Ну вот, одна бабочка улетела (закрываем бабочку пальцем). Посчитай, сколько осталось».

Один цветок сорвали...

Один зайчик убежал — мама позвала.

Один шарик упал с елки и разбился...

Одно дерево спилили пилой...

Один лист ветер сдул с дерева...

Прилетели еще две птички...

Нашли еще один грибок...

Пришили еще две пуговички...

Очень увлеченно ребенок начинает сам закрывать пальцем ягоду, шишку, зайчика, цыпленка - «улетели», «убежали», «разбились» и т. д. А через какое-то время самостоятельно придумывает задачу как маленький рассказ, от начала до конца — иногда удачно.

Заяц жонглировал морковками. Морковок было пять. Одну он съел. Сколько осталось?

На торте было шесть свечей. Две мальчик задул. Сколько свечек осталось?

Конечно, приходится помогать, подсказывать сюжет. Но это позже. А пока...

В награду за хорошее поведение и отличные успехи после урока Ваня получает от бабушки бананы. Он пришел на занятия и раздевается в передней. «Ваня, сколько бананов вы взяли с собой сегодня? Сколько их у бабушки в сумке?» — «Два». - «Один съешь, сколько останется?» - «Один». - «А если и этот съешь?» - «Ничего не останется».

Не следует думать, что Ваня моментально сообразил, сколько останется бананов, если один из них съесть. Ничего подобного! Вычитая из двух один, он получал в остатке и три, и пять, и четыре. Но поскольку бананы у нас всегда оказываются под рукой, то в результате наших с ним манипуляций Ваня задачу решает. Ему надо реально представить себе два имеющихся банана и внутренним взором проследить, что же получается, когда один из них берут с тарелки.

Постепенно задачи становятся более сложными. Ваня, подсчитав присутствующих, охотно распределяет ложки и вилки за обедом, подсчитывает конфеты, яблоки, складывает, вычитает на ходу, во время прогулки.

Убедившись в том, что ребенок хорошо считает при помощи указательного пальца - ну, скажем, до трех-четырех, попросите его, глядя на картинку, *определить глазами*, сколько на ней поросят, ворон, зайцев и т. д. и сколько их остается, если закрыть кого-то пальцем. Применяя этот прием постепенно — очень постепенно! — увеличивайте количество предметов. С течением времени, чтобы представить себе некоторое их число, ребенку уже не потребуется зрительное восприятие.

Всякие рассказы о грибах, цветах и строительстве домов, когда литературы больше, чем математики, нормального ребенка скорее отвлекают, мешают сконцентрировать внимание на непосредственном решении задачи. Ребенку с синдромом Дауна совершенно необходимо, чтобы все то, чему мы хотим научить его, было наглядно, ярко, живейшим образом переплеталось с тем, что его окружает.

«Давай меняться, — говорите вы ребенку. — Я дам тебе один желудь, а ты мне. — две шишки. Ты мне дашь каштан, а я тебе три орешка. Я тебе одну красную пуговицу, а ты мне — две синих». Детям очень нравится меняться, нащупывая каштаны, желуди, шишки с закрытыми глазами — это очень полезно со всех точек зрения.

Зрительная и эмоциональная память, тактильные ощущения помогают ему сформировать мысленное представление о количестве предметов, с которыми он производит арифметические операции в уме. И для того чтобы, оторвавшись от конкретики, ребенок мог это сделать, ощущения должны быть очень яркими и глубоко запечатлеться. У нормального ребенка процесс такого перехода осуществляется очень быстро. «От трех отнять два — сколько будет?» — говорим мы, и ему неважно, о чем конкретно идет речь: о грибах, о столах или камушках. Количество предметов привлекает внимание ребенка с синдромом Дауна в самую последнюю очередь, если вообще хоть что-нибудь для него значит. Какая разница, сколько было и стало грибов, — важно, что они росли под елкой! И чем острее, глубже и нагляднее испытываемые им ощущения, тем быстрее осуществляется перенос и концентрация внимания на самом существенном в задаче — количестве предметов до и после произведения арифметического действия. В своей руке ребенок зажал шишки, он *чувствует, сколько их*, так же как в его память врезается то, от чего он получает очень яркие зрительные впечатления.

Когда в пределах трех Ваня начинает бойко складывать и вычитать съеденные груши, а также шишки и каштаны, которые он ощупывал с завязанными глазами, я задаю ему задачу: «В лесу росло три березы, одну из них спилили. Сколько берез осталось?» В его представлении, по-видимому, возникает живописная картина леса, берез - сколько раз мы видели все это на слайдах! Он представляет себе лесорубов, топоры и пилы и, будучи не в состоянии сконцентрировать свое внимание на количестве берез и на необходимости *произведения арифметического действия*, отвечает мне, что берез осталось то пять, то три, то одна.

Вкусовые и тактильные ощущения более конкретны. Развивайте не просто зрительную память, целенаправленно привлекайте внимание ребенка к числу однородных предметов, не обособленных друг от друга: вот срослись две березы, вот три воробья клюют зернышки, вот семейка мухоморов — целых четыре грибочка. А лучше всего, если попадается что-нибудь блестящее, бросающееся в глаза яркой расцветкой: три красных лампочки, горящих на елке, две желтых фары у машины, четыре светящихся окна в доме, которые он видит вечером с улицы.

«У человека возникает сначала ощущение, затем слово, и только потом он выходит на подступы к мысли». Эту мысль Дж. Стейнбека я удивительным образом прочла в тот же день, как написала эту страницу.

В мою непосредственную задачу не входит обучение ребенка рисованию, письму, математике. Я провожу эти занятия на самом элементарном уровне, преследуя прежде всего свою основную цель - развитие речи - и соблюдая

при этом опять-таки принцип наглядности, образности, который должен доминировать над всеми прочими принципами. Ведь мы имеем дело с ребенком, которому всего 5 или 6 лет и у которого синдром Дауна, делающий его еще младше. Но, пробуждая в малыше воображение, фантазию, живой интерес к поставленной задаче, нам, безусловно, следует осуществлять тесное взаимодействие воспитания этих качеств с воспитанием дисциплины ума, без чего обучение не даст ощутимых результатов.

Множество раз мне приходилось слышать от родителей горькие жалобы на то, что их 6—7-летнего малыша с синдромом Дауна больше не хотят держать в детском саду. «В школу отдавайте, по возрасту он уже не подходит для детского сада!» — решительно заявляет заведующая. В последнее время родилась идея обучать этих детей в нормальной школе. Польза от этого и вообще-то сомнительная, а уж 7-летний ребенок, который иной раз и говорить-то толчком не умеет, и вовсе к такой школе не готов. Не метрика в данном случае определяет возраст ребенка.

Дело иной раз доходит до абсурда. 11-летняя Кира не говорит и вообще мало что понимает. Она постоянно кричит, ее приходится одевать, раздевать и кормить с ложечки, с нею очень трудно. Приходя к ней домой, я застаю ее сидящей на табуретке у двери, она держит в руках ведро с шишками и свистит. Свистом Кира обозначает шишку. Мы будем бросать эти шишки из ведра. Это занятие ей очень нравится, девочка дает мне понять, что надеется и сегодня развлечься таким образом. Никаких других достижений пока что нет.

«Логопед велела нам учить Киру читать», — робко говорит мне Кирина мама. «А как?» — удивляюсь я. «Говорит — ей уже 11 лет, что же она не читает? Покажите ей букву «М», все время твердите «море», «море» и вот так двигайте руками». — «При чем тут море?» — «А буква «М» похожа на волну».

Кира не видела ни моря, ни волн. Но, даже если бы она их видела, никакого сходства с морем в букве «М» она бы не уловила. Я тоже не улавливаю.

И если, проходя тестирование при поступлении в школу, на вопрос, чем он отличается от Буратино, Гриша отвечает, что у Буратино есть шапочка с кисточкой, а у него, Гриши, такой шапочки нет, то для него, для его возраста — учитывая наличие синдрома Дауна — ответить так гораздо естественнее, чем сказать: «Я живой человек, а Буратино всего-навсего деревянная кукла». Он не понимает, что за разницу имеет в виду педагог, и пока не в состоянии найти наиболее существенные отличия.

Если, несмотря на все усилия, ребенок не справляется с заданием, понять, запомнить, начертить не может, оставьте его в покое. Да, в свои 6 лет Гриша прекрасно говорит, свободно читает, диктует длинные письма, сочиняет рассказы и сказки. А вот с математикой дело обстоит значительно хуже. И тут приходится еще и еще раз напомнить самим себе, с кем мы имеем дело. Как всем известно, ребята с синдромом Дауна отстают в развитии от

нормальных детей на 2—3 года (с речью дело обстоит еще хуже). 6 лет минус 2 года — сколько будет? Но ведь никто не расстраивается, если нормальный ребенок 3—4 лет не в состоянии решить самую простенькую математическую задачу. Мы спокойно отступаем: подрастет — поймет! В один прекрасный день вы, возможно, обнаружите, что тот же Гриша без особых затруднений, с огромным увлечением пересчитывает все вокруг, вычитает, прибавляет, чертит — и для этого ему не пришлось даже рисовать заборы и провода.

Не подвергайте ребенка постоянному вольному или невольному тестированию, бесконечным проверкам того, что он может, а чего не может. Установление факта «не умеет», «не понимает», «не справляется» очень часто звучит как жесткий приговор, но сама по себе эта констатация ничего не значит. Не умеет, потому что не учили или учили плохо и мало, или *вообще не в состоянии научиться?* И что значит «не понимает» — *вообще не способен понять?*

Беда многих педагогов и родителей в том, что они «зацикливаются» прежде всего на недостатках. Достижения оттесняются на второй план. На фоне множества «неумений» «умения» кажутся ничтожными. Рассуждаем: «Ну назвал наконец одну букву! Ну и что из того? Ему 6 лет, а он пальцы на руке сосчитать не может!» При этом дальше констатации печального факта педагог не идет, способов исправить положение не ищет, мнение его непреложно и пересмотру не подлежит. Клеймо поставлено.

А ведь именно достижения — пусть самые маленькие, то, что ребенок *может*, должно останавливать внимание педагога в первую очередь. Наблюдения над тем, *с чем и как* ребенок *справляется*, должны послужить ключом к решению очередной проблемы, подсказать, что и как делать дальше. Безнадежный случай, «необучаемый ребенок» — это не правило, это исключение. Думаю, очень редкое.

Между тем на каждом шагу мы слышим это слово. По-видимому, «обучаемый» — это ребенок, обучение которого не должно составлять проблем, доставлять неприятности и требовать от педагога чрезмерных усилий. Ему объяснили — он понял. Вот это обучаемый. А тут сто раз одно и то же вбиваешь — и никакого эффекта! Не справляется.

Не ребенок не справился — не справился педагог. Ему не хватило терпения и знаний. Он обучает детей по раз и навсегда отработанной схеме. Но мы не должны *подгонять ребенка под систему*, какой бы прекрасной она ни была. Наоборот, систему мы ориентируем конкретно на каждого ученика, в особенности если это ребенок с синдромом Дауна.

Обучение — это процесс, он длится во времени. Для ребенка с синдромом Дауна нет и не может быть конкретных сроков. Никто не может определить время, которое понадобится Коле или Алеше, чтобы понять и усвоить то, чему вы их учите. Разные темпераменты, характеры, привычки, воспитание. Коля приступил к занятиям в 3 года, а Алеша в 12 лет. И тот, и другой не говорят ни слова. Кто из них научится говорить быстрее и лучше? Вы можете

это предсказать? Может быть, вам поможет в этом ваш опыт работы с детьми с синдромом Дауна? Но он не накоплен — как же можно судить о том, кто обучаем, а кто нет?

Дорогие родители, не поддавайтесь пессимизму, и не позволяйте обескураживать себя несостоятельными педагогам. Человеку свойственно гораздо острее, дольше и тягостнее огорчаться при неудачах, чем радоваться успеху. Радость угасает быстро, к хорошему привыкаешь и перестаешь его замечать, а неприятности, огорчения, беду мы способны переживать годами с прежними остротой и болью. Радуйтесь успехам и идите вперед.

Все, что ребенок не умеет, не знает, не может, с чем он не справляется, мы должны определить только для самих себя, только для того, чтобы направить наши усилия на исправление недостатков. Не предавайтесь бесконечным сетованиям, не переливайте из пустого в порожнее, поменьше разглагольствуйте. От ваших причитаний один вред.

Ваш ребенок чуток, восприимчив душевно, прекрасно чувствует атмосферу вокруг себя. Он не должен постоянно слышать ваши упреки, ощущать неодобрение и недовольство, он чувствует их всей своей кожей. Не заколачивайте в него комплекс неполноценности, верьте в него. Учитесь его учить.

А учить его надо особенным образом, и поверить в ребенка вовсе не означает забыть об этом.

Гришина мама сидит напротив меня, и всякий раз, как Гриша на чем-нибудь застрекает, я жалею, что сняла висевшее на стене зеркало. В такие моменты мне хочется, чтобы она могла увидеть свое лицо. Досада и нетерпение отражаются на нем. Гришина мама напряженно следит — не шарит ли Гриша глазами по потолку, не вертит ли он бумажку.

Вот он снова запнулся. Слоги «ла» и «па» он обычно путает. Спутал и на этот раз. Слог «ла» на странице книжки обут у нас в лапоть — пририсовали лапоть на ножку букве «л». А у «па» никакого лаптя нет. Мама в отчаянии: «Сколько можно путать? Всю страницу лаптями изрисовали, никакого толку! Когда ты запомнишь, наконец?» Я хладнокровно спрашиваю: «Вам когда нужно? К завтрашнему дню?»

О достижениях 6-летнего Гриши на литературном фронте ходят легенды. Он давно свободно читает и сам сочиняет сказки. Тем не менее в душе у его мамы постоянная тревога. Это очень настойчивая, трудолюбивая, аккуратная и исполнительная мама, имеющая к тому же замечательного мальчишку. И мне очень жаль ее. Мне хочется, чтобы она успокоилась. Все будет хорошо!

Мне неоднократно приходилось наблюдать — чем больше ребенок преуспел, чем он развитее, чем больше знает, тем больше к нему претензий. Родителям начинает казаться, что все их требования выполнимы, что, справившись с чем-то одним, он точно так же состоятелен во всем прочем. «Что же тут непонятного! Это же так просто», — выходят из себя папа и мама. Они как будто забывают, с кем имеют дело. А дело они имеют с малышом, который нуждается в особом подходе, в бесконечном терпении и

изобретательности тех, кто его обучает, - почаще напоминайте себе об этом. Многие из того, что кажется вам само собой разумеющимся, для него совсем непросто. И вам нужно искать и находить нестандартные приемы и всякого рода обходные пути, чтобы сделать для него доступным и понятным то, что без особых педагогических ухищрений понятно его нормальному сверстнику.

Вспомните, как учились вы сами, - объяснения хорошего педагога были понятны всему классу, делали выполнение заданий трудом радостным, а не мучительным. Если это не так, если ребенка заставляют «грызть гранит науки», у него формируется стойкое ощущение того, что он не может соответствовать вашим требованиям, он испытывает страх снова и снова показаться бестолковым, непонятливым, ибо никакого гранита науки он грызть не в состоянии. С перегрузками он не справляется и вообще оставляет какие бы то ни было попытки что-либо понять: упрямится, безобразничает, несет околесицу. Все равно пропадать!

У вашего ребенка синдром Дауна. Наберитесь терпения. И — не перестарайтесь!

Как-то на урок ко мне явился мальчик 14 лет, который учился в школе, довольно прилично говорил и мог без запинки отчеканить что-нибудь вроде: «Сказуемое - это главный член предложения, обозначающий действие или состояние предмета, выраженного подлежащим, и отвечающий на вопрос «что делает предмет?» или «что делается с предметом?». Но когда я спросила его: «Что делает мальчик?» - показав картинку, на которой упомянутый мальчик сидел на полу и листал разорванную книжку, ответить на вопрос он не смог. Тем более не смог он определить, где сказуемое в самом моем вопросе. И это в 14 лет!

В очередной раз мы сталкиваемся с фактом формального, по обязанности, зазубривания определений, смысла которых ребенок совершенно не понимает. Так какая же при этом преследуется цель?

Постижение содержания и смысла заучиваемых формулировок должно быть неизменным. Готовить ребенка к их пониманию нужно заранее, постепенно обогащая *упрощенные поначалу представления*, конкретизируя их, делая более точными.

Раскладывая перед ребенком карточки, я говорю ему: «Покажи, где ромашка, а где колокольчик». «Покажи, где дятел, а где синичка». И затем: «Покажи мне *цветок* ромашку и *цветок* колокольчик, *насекомое* муху и *насекомое* бабочку, *птичку* воробья и *птичку* синичку».

Я говорю это постоянно, всякий раз, и через некоторое время ребенок уверенно разделит карточки: насекомых положит в одну сторону, цветы — в другую, животных — в третью. К колокольчикам и ромашкам он самостоятельно добавит подсолнух, к мухам и бабочкам отправятся осы и комары и т. д.

Ему позволяет сделать это некое не осознаваемое им синтезирование качеств, которые делают насекомое — насекомым, а цветок — цветком.

Он их не только на картинках видел. Из цветов он букеты составлял, нюхал их, обрывал лепестки. За бабочкой бегал, за жучком наблюдал, когда тот ползал по травинке — если вы, конечно, обращали его внимание на такие не приметные действия. «До чего же надоедливое насекомое этот комар!» - говорит мама, хлопая в воздухе руками. Все это знакомо из практики, и все он усвоит, если будет не только видеть, но и постоянно слышать: «насекомое», «цветок», «зверек» и т. д. Он сам все поймет, объяснять ничего не придется. И безусловно, он никогда не поймет меня, если я скажу ему, что насекомое — это «маленькое членистоногое животное с суставчатым телом», что мы и имеем в случае с мальчиком, о котором говорилось выше. Для этого мальчика школьные правила, которые он механически зазубрил, являются столь же непостижимой абракадаброй. Ибо он оказался не подготовлен к их осмыслению.

Я говорю ребенку: «Скажи «луна», скажи «вода» и т. д. И затем — «Скажи мне *слово* луна, *слово* вода», и т. д. И он начинает понимать, что «луна» и «вода» — это *слова*. А что значит *слог* — тут вообще не запутаешься. Говорили мы по слогам, на карточках, по которым учимся читать, тоже были написаны слоги — «ба», «ва», «га» и т. д. «Слоги дома забыли!» — говорит Коля, не находя этих карточек в пакете.

— Ну расскажи мне, Коля, что изображено на этой каретнике?

— Подметает.

— Я ничего не понимаю. Кто подметает? Что подметает?

— Мальчик пол подметает.

— А еще больше слов, подлиннее *предложение*.

— Мальчик пол подметает, бумажки набросал и подметает.

Вася диктует письмо Грише.

— Здравствуй, Гриша. Мороз.

— Что «мороз»?

— Сегодня мороз.

— Так, хорошо. Остановились, передохнули. Поставили точку. Теперь дальше диктуй.

— Сегодня мороз, и я в школу не пошел.

— Ну вот, очень хорошо. Уже два предложения вышло. Теперь Гриша все поймет.

Я не заостряю на всем этом внимание 5-летнего ребенка, поясняю мимоходом. Для 5-летнего Коли и для Васи, который совсем недавно заговорил, вполне достаточно. Точное определение того, что такое предложение, они выучат позднее. Важно, чтобы не только выучили, но и поняли бы. А вернее сказать, сначала поняли, пусть и приблизительно, а потом заключили свое приблизительно представление в конкретную форму. Наблюдая за тем, как я записываю продиктованное им предложение на бумаге, ребенок строго следит за тем, чтобы я поставила точку.

Слова состоят из слогов, а предложения — из слов. Ребенок это видит, он к этому подготовлен — особенно если уже учится читать. «Покажи мне в книжке, где слово. А где предложение?» — на все эти вопросы ребенок отвечает без труда. И, стараясь выполнить мою просьбу сказать или продиктовать «предложение», «много слов», интуитивно чувствует, что без сказуемого в предложении не обойтись, да и вообще к тому, что им уже сказано, можно многое добавить.

Дополнением, позволяющим несколько уточнить расплывчатое понятие, послужит игра в «последнее слово». «По дороге шел слон, — говорю я. — Какое здесь последнее слово? Правильно, «слон». Ну так составь мне предложение с этим словом». Первое, что приходит в голову Грише: «Слон был большой». Ответ самый незамысловатый. Но затем дело набирает обороты. «У слона был хобот. Тебе досталось слово «хобот», — говорю я. И Гриша изрекает: «Хобот служит слону носом, рукой и одновременно ложкой».

Очень возможно, что ребенок не сразу поймет, чего вы от него хотите, если вы попросите его назвать последнее слово в сказанном вами предложении. Используем хорошо зарекомендовавший себя прием «плюс — минус». Выделяя последнее слово голосом, спрашиваем: «Какое слово самое *громкое?*» Это понятнее. Очень хорошо. Затем прибавляем известное к неизвестному: «Какое самое громкое, самое *последнее* слово?» И наконец: «Где здесь последнее слово?»

Все это вместо того, чтобы, выходя из себя, вбивать ребенку в голову что-нибудь вроде: «Я тебе еще раз говорю — по-след-не-е! Которое в конце стоит, понимаешь?!»

К такого рода приемам приходится прибегать постоянно. Объяснять не объясняя. При этом мы очень часто не понимаем, почему нас не понимают. Герой моих поэтических творений Юрочка, мальчик, перенесший менингит, еще не говорит, но без особого труда учится читать. «Ракушка, бусы, каштан, катушка» — написано на лежащем перед ним листочке. Соответственно тому, что он прочитал глазами, мальчик должен указать пальцем на ракушку, бусы, каштан, которые находятся тут же, на столе. «Что ты прочитал?» — спрашиваю я. Никакой реакции. В чем дело? Ведь он уже вполне успешно справлялся с заданием. Наконец меня осеняет: раньше я говорила ему «покажи». Он давно знает это слово, множество раз показывал на карточках, где ягодка, где мышка, где котенок. «*Покажи*, что ты прочитал», — говорю я. Спасительные «плюс — минус» и на этот раз выручают и меня, и ребенка.

ДАЛЬНЕЙШАЯ АКТИВИЗАЦИЯ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сложносочиненные и сложноподчиненные предложения. Диалоги. Коварные вопросы. Какого цвета колечко? Расскажи мне о кошке. Понятие об общем и частном. Дальнейшее освоение литературной лексики. Что растет у вас на огороде? Говорите внятно, чтобы было понятно

Вполне понятно, что, только накопив достаточный запас представлений и наблюдений, расширив свой кругозор, владея довольно-таки обширным словарем, включающим в себя в том числе и литературную лексику, ребенок с синдромом Дауна может приступить к работе над все более сложными речевыми конструкциями, которые позволили бы ему свободно изъясняться уже в дошкольном и младшем школьном возрасте.

При этом многое зависит от уровня речевой культуры окружающих ребенка людей. Насколько развита ваша собственная речь, дорогие родители, как разговариваете между собой вы сами? Что вас интересует, какие темы вы обсуждаете? Теперь уже можно совершенно свободно употреблять в разговоре с ребенком незнакомые ему слова и обороты, он достаточно развит, чтобы понять их по контексту. И книги мы уже читаем ему так же, как читали бы их нормальному ребенку, — почти без сокращений.

Напомню, в основе распространенных предложений, которыми дети с синдромом Дауна оперируют к 5—6 годам, лежат цепочки, возникшие из соединений существительных и совершенно определенных, отобранных нами глаголов, некоего ядра, к которому последовательно присоединялись всё новые и новые звенья.

Занимаясь глаголами, мы уже составляли предложения, хотя и достаточно однотипные. Вначале было: «Мальчик сидит, держит ложку и ест». Затем: «Маленький мальчик сидит на стуле, держит в руке ложку и с аппетитом ест кашу». Я говорю ребенку: «Коля взял лопатку и...» — «Пошел копать грядку», — продолжает мальчик. «Буратино вырыл ямку и...» — «Положил туда денежки». Это уже вполне развернутое определение того, что ребенок видит на картинке.

Фразовой речью на бытовом уровне он уже владеет достаточно свободно, и составление сложносочиненных предложений не представит для него особых трудностей.

Собака громко залаяла, и мальчик испугался.

Коля хорошо занимался, и бабушка его похвалила.

Коля проголодался, и мама дала ему поесть.

Машинка сломалась, и папа ее починил.

Мячик закатился под шкаф, и мы доставали его палкой.

Пошел сильный дождь, загремел гром, и сверкнула молния.

«Мама вошла в комнату, запустила руку в цветок, вытащила Ваню, и Ваня очень обрадовался» — Ваня рассказывает о том, как он превратился в Дюймовочку.

Мы приступаем к следующему этапу.

Довольно непростым делом является освоение ребенком соподчиненных предложений. Для начала, как и раньше, я даю ему образец (pattern), который должен быть прочно усвоен. Теперь ребенок говорит не «дай мне книгу», а *«я хочу, чтобы ты дала мне книгу»*. Фраза хоть и длинная, но состоит из одно- и двусложных слов, которые он без труда повторяет за мной на каждом уроке. Она, эта фраза, как и все прочие образцы, привязана к постоянно повторяющейся ситуации. Ребенок усваивает образец, и мы начинаем двигаться дальше.

«Я хочу, чтобы ты...» — говорю я малышу, держа в одной руке чашку, в другой чайник и таким образом подсказывая ему продолжение начатой мной фразы. «Налила мне чай», — сообщает он.

«Я хочу, чтобы ты...», — я установила проектор, повесила на стенку экран. «Показала слайды».

В комнате темно. «Я хочу, чтобы ты...» — «Зажгла свет».

Какое-то время малыш говорит только вторую половину фразы, затем вместе со мной проговаривает ее целиком. И так до тех пор, пока незаметно для самого себя не станет справляться без посторонней помощи.

Ребенку следует предлагать фразы, которые он был бы в состоянии самостоятельно закончить. В затруднительных случаях вы приходите ему на помощь, говорите вместо него или вместе с ним.

Мама взяла зонтик, потому что на улице идет дождь.

Мама зажгла свет, потому что в комнате было темно.

Коля надел сапожки, потому что на улице было холодно.

Ключик выпал из кармана, потому что в кармане была дырка.

Дед Мороз принесет Коле подарок, потому что Коля хорошо занимался.

Поросята крепко заперли двери, потому что боялись волка.

Старушка хромот, потому что у нее болит нога.

Мама налила в лейку воду, чтобы полить цветы.

Ромена надела очки, чтобы лучше видеть.

Коля взял желтый карандаш, чтобы нарисовать одуванчик.

Лиса и Кот догоняли Буратино, чтобы отнять у него деньги.

Буратино спрятался в кувшин, чтобы узнать важную тайну.

Постепенно ребенок начинает вводить придаточные предложения, самостоятельно придумывая всевозможные варианты ответов.

Потренировавшись таким образом, Коля, придя на урок, неожиданно заявляет: «Ромена постелила в коридоре газеты, чтобы дети не пачкали пол». А Ваня, которому я должна рассказать «все о шишке», дополняет сказанное мною: «Белочка бросила шишку в волка, чтобы на лбу выступила шишка».

Смысл союзных слов ребенок как будто бы понял. Но, выбирая нужный союз, довольно долго будет путаться и свободно ввести в свою речь

сложноподчиненные предложения сможет далеко не сразу. Готовить его к этому нужно не торопясь, постепенно. Работа должна вестись на примерах, которые могут увлечь ребенка, подтолкнуть его собственную инициативу.

«Коля! — говорю я внезапно посреди урока — так, как будто какая-то совершенно неожиданная мысль озарила меня. — А где б ты жил, если б был мышкой?»

Действительно — где? Коля хорошо знает, что он отнюдь не мышка, что за странная идея! Вопрос тем не менее привлек его своей новизной. Где б он жил? Стоит подумать.

Я продолжаю: «Если бы ты был Буратино, ты отдал бы Лисе и Коту деньги? А куда спрятал бы? А кому бы отдал? А если бы золотую рыбку поймал, что сделал бы?» И, то вместе, то порознь продолжая начатое предложение, мы говорим с Колей, что сделали бы на месте Буратино, папы Карло, Деда Мороза, как поступили бы, если б нашли кошелек, и т. д.

Если бы я был великаном...

Если б на улице было холодно...

Если бы на улице шел дождь...

Если бы я хорошо себя вел...

Предложение «если бы в квартире не было потолка...» Гриша продолжает следующим образом: «Нас намочил бы дождь и соседи провалились бы к нам на диван». А предложение «Если мальчик промочит ноги в луже...» Коля заканчивает: «Дверь закрою и не пущу домой!» — Коля у нас суров, пусть бедный мальчик не надеется на то, что кто-то будет возиться с его мокрыми ногами.

В своей повседневной речи 5-летний ребенок не так уж часто употребляет такого рода фразы. Но без достаточно развернутых предложений не обойтись в письменной речи, а мы уже учимся диктовать дневники и письма, сочинять рассказы и сказки.

И если речь зашла о сочинении сказок, то надо уметь беседовать с зайцами и медведями, которых герой встречает в глухом лесу, на полянке, взобравшись на дерево, очутившись в вороньем гнезде и т. п.

Распределив между собой и ребенком роли Волка и Красной Шапочки, Деда Мороза и Снегурочки, Буратино и Мальвины, мы будем, меняясь ролями, вести диалог и задавать друг другу вопросы — иногда самые неожиданные.

В о л к *спрашивает* (на первых порах я обязательно добавляю это слово).
Здравствуй, девочка! Откуда у тебя эта шапочка?

К р а с н а я Ш а п о ч к а *отвечает*. Мама связала.

В о л к. А нитки где взяла?

К р а с н а я Ш а п о ч к а. Купила.

В о л к. Где?

К р а с н а я Ш а п о ч к а. В магазине.

В о л к. Дай примерить (примеряет шапку, возвращает ее девочке). Мала.
И уши не помещаются. Идешь-то ты куда?

К р а с н а я Ш а п о ч к а. К бабушке. Она болеет. Простудилась.

В о л к. Врача вызывали?

Такой диалог можно вести до бесконечности. Вспоминаем Мухоморок и ее гостей, старика и золотую рыбку. На первых порах ребенок цитирует книжный текст, но затем входит во вкус, многое придумывает сам, отказываясь от привычных стандартов.

М а л е н ь к и й м а л ь ч и к. Леший, иди сюда, видишь, это зайчик, это медведь, а это мой щеночек.

Л е ш и й (с рогами на голове, хвостом из шарфа и картофельными зубами — берете пластинку, вырезанную из картофеля, острым концом ножа проделываете в нем зубчики, засовываете под верхнюю губу — очень впечатляет!). А кто твои мать, отец?

М а л е н ь к и й м а л ь ч и к. Папа у меня работает далеко, там, где надо ехать в детский сад.

Л е ш и й. А у меня бабушка ведьма. Чай из мухоморов варит.

М а л е н ь к и й м а л ь ч и к. Моя мама сказала, что ты, леший, нечистая сила.

Л е ш и й. Почему это?

М а л е н ь к и й м а л ь ч и к. Ты зло всем делаешь.

Л е ш и й. Ничего я не делаю. Живу просто в лесу, и все.

М а л е н ь к и й м а л ь ч и к. Нечистая сила...

Л е ш и й. Я уже сказал тебе!

М а л е н ь к и й м а л ь ч и к. Ладно. Вот я у тебя в гостях. С собой одеяло принес, занавески.

Л е ш и й. Не надо мне этого барахла. Я ветками укрываюсь.

М а л е н ь к и й м а л ь ч и к. А куда ты ставишь свои *копыты*, когда ложишься спать?

Л е ш и й. Иногда и так ложусь. Но вообще снимаю и ставлю так, куда-нибудь.

М а л е н ь к и й м а л ь ч и к. Я буду у тебя жить в берлоге и шишками кидаться. А Феде скажу в детском саду, чтоб не дрался.

Л е ш и й. Вот я ему надаю по шее.

Я задаю ребенку вопросы.

Из чего может течь вода (из крана, из водосточной трубы, из чайника, из душа)?

О ком можно сказать «безобразная»?

О ком можно сказать «очаровательная»?

Куда можно налить воду (в чашку, чайник, вазочку, ведро, раковину, ванну, тазик, бочку...)?

Где растут цветы (в лесу, на поляне, на клумбе, в саду...)?

У каких плодов внутри косточки?

У каких плодов кожура? А скорлупа? А кожица?

Чтобы ответить на такого рода вопрос, нужно не слишком задумываясь, перечислить ряд однородных предметов — здесь надо достаточно много знать и, кроме того, хорошенько соображать.

Мысленно сгруппировав целый ряд плодов, выделить из них плоды с кожурой — задача непростая. И на вопрос, где растут цветы, Гриша поначалу отвечает «за домом», «у беседки», имея ввиду дачу, на которой живет летом. «Значит, они растут на даче? А конкретно у беседки — так, что ли?» И Гриша уточняет — вообще-то цветы в лесу растут, на полянке, в парке, в саду. А конкретно — на клумбе, у забора, вдоль дорожки.

Слово «конкретно» мы включили в свой обиход давно и не случайно. «Кто это?» — спрашивает Ваня, показывая мне карточку. «Животное», — отвечаю я. «А конкретно?» — продолжает неудовлетворенный моим ответом Ваня. «Конкретно? Ежик». — «А это что?» — «Ягода». — «А точнее?» — «Вишня».

Я завязываю ребенку глаза, даю ему машинку, куколку, мячик и прошу определить, что это, и он должен не только правильно ответить, но объяснить, как он об этом узнал. Помню, как поразил меня один 6-летний мальчик, который на вопрос, как это он догадался, что в руках у него шишка, ответил: «Ну, прежде всего, мы уже не раз видели шишку в своей жизни и знаем, что у нее есть чешуйки. Я нащупал эти чешуйки и понял, что это шишка».

Ребенок с синдромом Дауна вряд ли способен ответить подобным образом. Я беру его руку и прошу старательно ощупать предмет.

- Что ты сейчас делаешь?
- Трогаю, щупаю.
- Что ты сейчас нащупал?
- Руку.
- А сейчас?
- Ногу, голову.
- Ну и что это?
- Кукла.

Это упражнение достаточное количество раз мы проделываем с разными предметами, и в конце концов ребенок в состоянии дать вполне исчерпывающий ответ, как, ничего не видя, он узнал, что находится в его руке.

И тут его ожидает новая каверза. Я опять надеваю ему повязку: «Скажи мне, какого цвета колечко?»

Как правило, ребенок не в состоянии ответить, что не знает этого, потому что не видит, но поскольку вопрос закономерен, так как все на свете имеет цвет, он говорит первое, что придет в голову: «голубого», «зеленого» и т. д.

Мы начинаем рассуждать: ведь он не видит, но не видит не вообще, не потому, что, не дай бог, слеп, а потому, что у него глаза завязаны, и переходим к разговору о том, что такое зрение и осязание, к которым постепенно прибавляются представления об обонянии и вкусе. (Я и раньше

поливала духами страницы книг, где были изображены букеты, клумбы, полянки с цветами.) Теперь приступаем к этой, теме основательно.

«Расскажи все, что знаешь о кошке, собаке, яблоке, яйце, цветах» — с таким предложением я постоянно обращаюсь к детям. Это еще одна речевая игра.

Подсказываю, напоминаю, систематизируем: кошка — это прежде всего домашнее животное, выглядеть она может по-разному, в зависимости от породы, но вообще-то — ушки острые, глаза зеленые или желтые, длинный хвост, имеются усы и лапки с коготками. Питается кошка мышами, любит колбасу, сметану и молоко. И дополняем: она мурлычет, хорошо видит в темноте, чистюля, постоянно моет себя языком и тарелку вылизывает после еды. Можно рассказывать по очереди, играть вдвоем или группой — кто больше скажет. Когда окажется, что добавить как будто бы уже и нечего, побеждает тот, кто выскажется последним.

На некоторые вопросы ответить бывает непросто. Нужно хорошенько подумать, порассуждать, обосновать свой ответ. И хотя выразить свою мысль детям бывает иной раз достаточно трудно, мы можем по достоинству оценить нестандартный, порою совершенно неожиданный взгляд на вещи, проследить за ходом их мыслей.

Муравей не прав. Так все стрекозы перемрут.

Дерево — это часть природы, которой мы дышим.

Плохие люди — это те, которые мешают жить хорошим людям.

Цепи есть в темнице.

Загадка — это где спрятаны вещи, люди, события.

Это ответы на мои вопросы. А вот самостоятельные рассуждения:

Все имеет свой предел: мы умираем, железо ржавеет.

У моей сестры тоже есть друзья, подруги, которые живут рядом.

Короче говоря, мир тесен.

И просто сообщения:

А мне сегодня во рту жужжали (сверлили зубы. — Р.А.).

Я в детском саду дрался, бил детей. Для того чтобы они не были плохими.

5-летний Миша пришел ко мне в гости, и я показываю ему картинки в книжке: свиньи опустили пяточки в корыто, коза объедает с кустика листочки, курочки что-то ищут в траве. «Все обедают», — бодро объявляет Миша, глядя на картинку. А вот еще иллюстрация: кролик в клетке, кошка залезла в ящик, лошадь выглядывает из загона. «Все разошлись по домам!» Миша нормальный мальчик, ему достаточно мельком взглянуть на картинку, чтобы сделать свои выводы.

В случае с ребенком, у которого синдром Дауна, все гораздо сложнее.

14-летний мальчик, о котором уже говорилось, на вопрос, что он видит в комнате, отвечает: «Стол, стул, ручку, шнур, телефон». При этом он имеет в

виду не ручку, лежащую на столе, а ручку двери и включает в перечисление как телефон, так и шнур от него.

Добиться того, чтобы ребенок не путал общее с частным, непросто. Глядя на картинку с изображением леса, зимы, улицы, он называет первые оказавшиеся в поле его зрения предметы, воспринимает их разрозненно, присоединяет к этим отдельно взятым предметам также отдельно взятые их детали. Подробности отвлекают ребенка, мешая воспринимать картинку в целом, обобщения он сделать не в состоянии.

Как всегда, мы вынуждены двигаться обходным путем. И поэтому, оставив безнадежные попытки втолковать ему понятие об общем и частном так, как мы объяснили бы это нормальному ребенку, я начинаю с того, что, обведя широким жестом изображение зимы на картинке, торжественно объявляю: «Зима! Зима пришла!» И затем самым будничным тоном: «Деревья в снегу. Домики под снегом. Из трубы дым идет. Мальчик в шубу одет». «Осень, — говорю я упавшим голосом. — Унылая, грустная осень». И со вздохом: «Ну давай рассмотрим все детально: дождь идет, желтые листья падают — ну, значит, на самом деле осень».

Всякий раз театр. Обращение к эмоциям, выразительная, иной раз вообще непривычная, пафосная интонация позволяют привлечь внимание 5—6-летнего ребенка к главному, наиболее существенному: «О река! Какой простор! Куда несет она свои воды?» После чего, загибая пальцы на руке, методично перечисляем подробности: лодочки, островок, на берегу рыбак с удочкой.

Достаточное количество раз проделав все это, я подвожу ребенка к самостоятельным выводам: это ночь, а не просто луна в небе; это комната старичка, его жилище, где он удобно расставил мебель, работает, отдыхает, в данный момент кофе пьет.

«В целом или в деталях?» — деловито осведомляется Вера, когда я спрашиваю ее, что она видит на картинке. Слово «детали» отомрет само собой. А еще через некоторое время ребенок поймет, что главное на картинке иной раз вовсе не зима и не лето. Отберет самостоятельно то, что нужно выделить в первую очередь, и обобщит тогда, когда это действительно будет нужно.

Ребенок вообще видит не так, как мы. Мы замечаем одно, он другое. На репродукции с картины, которую я показываю Ване, девочка пасет гусей. Картина в импрессионистическом духе: кажется, что яркие цветовые блики дрожат и мерцают на траве, деревьях, одежде девочки. Фигура девочки в красном сарафане с корзиной и длинным тонким прутиком в руке занимает весь передний план. Гуси тоже вполне отчетливые: серые, крупные, того гляди, загогочут.

«Что нарисовано на картинке, Ваня?» — спрашиваю я.

«Домики», — ни секунды не задумываясь, отвечает Ваня.

Где домики? Какие домики? Я никаких домиков не вижу, и Ваня мне их показывает: за деревьями, абсолютно сливаясь с ними в некие

неопределенные, расплывчатые пятна, действительно нарисованы крошечные домики — собственно, не домики даже, а их фрагменты.

Я дала репродукцию профессиональному художнику и попросила его показать, где домики. Он их вообще не заметил.

Безусловно, речь ребенка и сейчас еще аграмматична — у кого в большей, у кого в меньшей степени, в ней встречаются вызывающие нашу улыбку перлы вроде следующих: «*Мы поедем с тобой на двух метрах?*» (в метро с пересадкой. — Р. А.). «*Они воевают* (воюют. — Р. А.) *друг с другом*», насекомое превращается в «*босикомое*». Услышав мой рассказ о пустыне, в которой растут разве что кусты саксаула с острыми колючками — его поедают верблюды, — Ваня называет пустыню «*кустыней*», интересуясь при этом, как это верблюды едят колючки без ущерба для своего здоровья.

И все-таки приходится удивляться, с какой быстротой ребенок, целый год до этого твердивший только слоги и двусложные слова, постигает законы языка, овладевает предложно-падежной системой, верным употреблением времен, как ловко он вводит в свою речь обороты вроде следующих: «к глубокому сожалению», «ясно как день» и т. д.

«Какое убожество!» — восклицает Виталик, глядя на беспорядок, среди которого сидит бедная кукла: стулья сломаны, чемодан тоже, из щели в полу вылезает таракан, в старых рваных башмаках устроились мыши. И я уже не только не стараюсь не говорить непонятные слова — наоборот, ввожу в свою речь фразеологизмы, идиомы, широко пользуюсь сравнениями. Я пишу их на страницах книг, так же как мы делали это раньше, когда заучивали с ребенком новые слова, повторяю неоднократно.

Я вовсе не стремлюсь к тому, чтобы ребенок на каждом шагу употреблял в своей речи подобные слова и выражения. Когда он говорит, как маленький старичок, это всегда вызывает у окружающих чувство неловкости и желание остановить его тургеневским «*Аркадий, не говори красиво!*». Но знать их он должен, иначе никогда не разберется в содержании и смысле книг, которые — будем надеяться — ему предстоит прочесть.

Дети с удовольствием слушают новые сказки: «*Дюймовочку*», «*Сказку о царе Салтане*», «*Снежную королеву*». И, читая, я уже не слишком забочусь о том, чтобы ребенок досконально в них разобрался, — кое-что понимает, кое-чего не понимает, так же как все дети вообще. Понимает многое, почти все.

Длинную сказку по-прежнему делим на эпизоды. Это дает возможность обсудить подробнее все то, что особенно привлекает внимание ребенка.

Реакция иногда бывает своеобразной.

Рассказываю Ване сказку про Золушку. Выслушал три раза подряд, подумал и пришел к такому заключению: «Я не поеду на бал. Надену старую юбку. Буду мыть тарелки в кухне. Лягу на подстилку и не поеду на бал». Затем снова: «Я надену старую юбку...» и т. д. Я говорю: «А если волшеб-

ница придет с волшебной палочкой и прекрасными лошадьми? Что ты ей скажешь?» — «Я скажу, что я не хочу на бал». И опять: «Я надену старую юбку...»

Не знаешь, чего ждать от этого Вани. То он стремится отправиться в такую даль, как Африка, лететь на чем угодно — на воздушном шаре, на лебеде, на орле, чтобы вместе с Айболитом лечить там зверей, то выясняется, что его не привлекает такой замечательный праздник, как бал во дворце.

Продолжаем работу с логопедическими карточками, с которыми мы уже познакомились в самом начале обучения.

Карточки можно употребить, чтобы разбить свои собственные сад и огород. Это такая игра.

Мы с Ваней «соседи по даче». У меня на участке будут расти овощи и лекарственные травы, у моего соседа есть и огород, и фруктовый сад. Кроме того, он большой любитель цветов: выращивает на клумбах розы, лилии, гвоздики, а уж у забора сама собой выросла всякая другая травка и полевые цветочки.

Распределяем между собой соответствующие карточки. Прежде всего нам нужно жилище. У меня дом одноэтажный, у Вани побольше. У меня есть собака, а у него кот, петух, индюки и куры.

Раскладываем наши карточки. Вот грядка с морковью, здесь лук растет, там взошел укроп. Хороший огород у соседа, схожу-ка я да попрошу овощей для салата. А у меня есть травка, которой можно вылечить любую болезнь, приходи, когда понадобится.

Жизнь на даче кипит. Неважно, что грядку с морковью, так же как, впрочем, и грядку с луком или картошкой, мы изображаем при помощи всего только одной карточки. Овощей у нас сколько хочешь! Мы оживленно обмениваемся ими, угощая друг друга — Ваня меня фруктами, я его салатом. Цветы мне Ваня дарит, семена и саженцы. Ведем беседы, расширяем хозяйство. Может, стоит пчел завести? Поселить их в ульях? Посадить малину, крыжовник, смородину, куст шиповника под окном?

Чем дальше, тем больше, возникает идей. Ребенка совершенно не смущает, что он оперирует всего только карточками. И как хорошо выглядит наш огород, как четко, наглядно разбит он на отдельные участки. Во всем порядок. Жалко, не помещается на столе, где мы разместили наши огороды, все, что мы хотели бы посадить и построить!

Вполне понятно, что во время этой игры можно сообщить ребенку массу полезных сведений обо всем, что растет в садах и на огородах.

Кроме того, можно задавать по карточкам вопросы и на некоторое время самому стать педагогом. В этой роли особенно любит выступать Ваня, но и Гриша от него не отстает. Друг с другом они прекрасно ладят.

На карточке, которую Ваня держит в руке, лодка с матросами. Вопросы следуют один за другим: «Что это? А кто в лодке? А чем гребут? Куда плывут? Сколько весел? Сколько матросов? А если один матрос ушел (я вношу подправку — «свалился в воду»), сколько останется? Где борт? Где

нос? Где корма? Какого цвета лодка, полосы на ней, вода, рубашки у матросов?» Ваня не упустит ни одной подробности. И, наконец, совершенно неожиданно: «Какую песню поют?» — а ведь мы действительно разучивали «морскую» песенку про капитана!

Гриша обстоятельно отвечает, дожидаясь своей очереди стать педагогом. Бывают и накладки, когда ландыш он ни с того ни с сего называет зеленым горошком. Но Ваня начеку, ошибок он не допустит.

«Кто это? Где обитает? Чем питается? Хищник или нет? Как его дети называются? А один ребенок? Для чего ему пасть, когти, зубы, рога?» — это о животных. «Где растет? Съедобное или нет? Вкус какой? Какого цвета?» — о ягодах, фруктах, овощах. Ну и т. д. и т. п.

Коля, Виталик и Вася тоже втягиваются в игру. Сначала, задавая вопрос, они сами же на него и отвечают, но затем дело налаживается. И перед сном, лежа в постели, Коля неожиданно требует: «Мама, задавай мне вопросы».

Ребенок говорит уже не просто «где живет», а «где обитает», не «что ест», а «чем питается». Слово «дети» мы скоро заменим словом «детеныши», и я поправляю: если мы говорим о животных и людях, нужно задавать вопрос «кто это?», и постепенно ввожу понятия «одушевленный» и «неодушевленный предмет».

Стоит нам с ребенком увидеть в книжке какого-нибудь крокодила или слона, и мы вспоминаем, где он живет: «В Африке, конечно. Еще в Индии. У слона нет ни норы, ни логова, он слишком большой». И тут же перечисляем жилища волков, медведей, птиц, лошадей, муравьев, раз уж речь зашла о животных. Чисто интуитивно достигая тонкую разницу между словами «живет» и «обитает», дети употребляют их правильно: живет в норе, обитает в пустыне.

Безусловно, как и во всех подобных случаях, работая таким образом с карточками, сначала ребенок усваивает определенный перечень обязательных вопросов, которые он задает всякий раз, если речь идет, скажем, о животных или овощах. Заучив их, он получает незнакомую картинку: бочка, троллейбус, экскаватор — какие вопросы можно задать? Однако, перед тем как дать ребенку такую карточку, вы должны подумать: достаточно ли он знает о заданном предмете, много ли сведений накопилось у него в процессе предыдущих занятий, для того чтобы, суммируя свои знания, он имел возможность сформулировать нужные вопросы. И очень интересно бывает наблюдать за тем, как ребенок справляется с поставленной перед ним задачей.

Вопросы задает Ваня, я отвечаю. Карточки с лебедем, бутылками, снеговиком, бочкой он видит в первый раз, и мне интересно, что он скажет.

Снеговик. *Кто лепливает? Из чего? Как ставят шары? А руки из чего делают? Нос — морковка. Глаза — угольки. Ведро вместо чего стоит? А веник не дали. Когда тает?*

Бутылка. *Это что? Какого цвета? Из чего сделана? Как вино наливают? Как пьют?*

Я. Ты хочешь спросить: куда наливают? В рюмки. И пьют на дне рождения, как приличные люди. Из горлышка никто не пьет, это некрасиво.

В а н я. Да, пьют на мой день рождения и поют: «Многая лета!»

Бочка. *Что кладем туда? Эх ты, забыла: мед, еще огурцы, еще капусту.*

Лебедь *Это кто? Как выглядит? Где плавает? Что он там ест?*

(Отвечаю: по-моему, ряску, может быть, хлеб» я сама давала хлеб уткам.) *А Ваня морскую траву ест. Для пользы. Из баночек. Я хочу полететь на лебедь. Буду держать за шею, чтобы не упасть в воду. В теплые края полетим, кушать бананы.*

Задавая мне вопросы, Ваня не прочь дать некоторый комментарий, высказать собственные соображения — и это самое ценное.

Но он никогда не забывает, кто из нас спрашивает, а кто отвечает. Я «ошибаюсь»: называю малину клубникой, капусту фасолью и на вопрос, кто папа у жеребенка, отвечаю: «Кабан!» Ваня смотрит на меня с подозрением и через некоторое время заявляет: «Ты шутишь».

Он очень любит задавать мне коварные вопросы и умышленно сбивать с толку. «Что это?» — «Гриб». — «А кокретно?» — «Мухомор». У меня на глазах Ваня принимается «есть» мухомор. Если я равнодушно наблюдаю за его действиями, он возмущается и, желая усилить впечатление, хватается за живот и закатывает глаза, Если я, наоборот, в ужасе вскрикиваю, он доволен: «Ты поняла, что я яд ем?»

Карточек у нас становится все больше и больше, мы вырезаем их откуда придется, наклеиваем на картон.

Трудно переоценить значение подобной работы с карточками. Ребенок не только учится отвечать на вопросы и сам задавать их. Ему постоянно сообщаются все новые и новые сведения, которые он не просто накапливает: мы сводим воедино все, что знаем, привлекаем давно известное, вспоминаем пройденное, сравниваем, обобщаем.

Каждый новый аспект работы объединяет и включает в себя одновременно несколько задач. Развитие речи тесно связано с расширением кругозора ребенка, повышением общей его культуры, с обучением тому, что может наполнить его жизнь в дальнейшем. 5—6-летние дети читают книги, диктуют письма и дневники, рассматривают репродукции с картин, слушают музыку — с последующим обсуждением и записью своих впечатлений. Формируется личность, мировоззрение, собственный взгляд на вещи.

Однако нельзя сказать, что все они — и лучшие, и те, кто послабее, — очень хорошо, четко и внятно говорят, хотя и научились чисто выговаривать почти все звуки. Основная причина этого: в речь их входят многосложные литературные слова, развернутые фразы (надо отметить: на бытовом уровне эти дети говорят вполне понятно). Объем наших занятий очень расширился, и многое из того, что требует постоянной работы на протяжении не одного года, отступает на задний план. К сожалению, увлеченные новыми задачами родители забывают о всех недоделках, чего делать ни в коем случае нельзя. В

особенности если речь идет о недостаточно отчетливой артикуляции, ибо именно этот недостаток мешает читать, диктовать, рассказывать.

Окружающие ребенка взрослые люди привыкают к недостаткам его произношения. Ребенок говорит хоть и не совсем понятно, но бойко, интересно, литературно, и это достоинство его речи выходит на первый план. Отдельные дефекты кажутся окружающим малыша взрослым людям не столь уж существенными. В основном все понятно, не будем придираться. Родители перестают поправлять ребенка. Вот он уже и рассказы свои диктует, и писать пора его учить, все новые и новые задачи заслоняют весьма существенный недостаток.

Не следует, однако, забывать, что в большинстве случаев посторонним людям в глаза бросаются прежде всего недостатки. И недостатки эти в состоянии затмить все имеющиеся достоинства.

Есть другая категория родителей — невнятное произношение их раздражает. Они поминутно прерывают детей, делая это недостаточно тактично. Между тем действовать тут надо очень осторожно. Если вы будете чересчур настойчиво твердить: «Я ничего не понял», ребенок просто замолчит, вы обескураживаете его. Спеша донести до вас свою мысль, он торопливо произносит длинную фразу и повторить ее понятнее, разборчивее, медленнее не сможет. Попросите его остановиться, внятно, отдельно произнести одно-два слова — вы зададите ему нужный более медленный темп. Пусть постоянно проговаривает по слогам трудные слова. Пусть по-прежнему заучивает стихи, постепенно очищая их от неразборчивых слов. Сейчас уже можно добиваться этого, опираясь не только на слух. Ребенок подрос, в состоянии лучше понять ваши требования, подражать вашему показу. Отрабатывать артикуляцию стало легче.

Всякий раз обнаруживается что-то новое! Даже научившись как будто бы вполне прилично произносить все звуки в слове, запомнив последовательность слогов, дети с синдромом Дауна очень часто не произносят окончания слов.

Среди стихотворений найдутся такие, которые как будто специально написаны для нашей работы над искоренением этого недостатка. Возьмем, например, стихотворение Д. Хармса «Очень-очень вкусный пирог»:

Я захотел устроить бал,
И я гостей к себе позвал.
Купил муку, купил творог,
Испек рассыпчатый пирог.
Я ждал, пока хватило сил,
Потом кусочек откусил,
Потом подвинул стул и сел
И весь пирог в минуту съел.
Когда же гости подошли,
То даже крошек не нашли.

Или стихотворение В. Берестова «как хорошо уметь читать»:

Как хорошо уметь читать!
Не надо к маме приставать,
Не надо бабушку просить:
«Прочти, пожалуйста, прочти!»
Не надо умолять сестрицу:
«Прочти, пожалуйста, страницу».
А надо просто книжку взять
И самому все прочитать.

Как и прежде, все звуки, которые ребенок «проглатывает», обводим кружочком. Ребенок смотрит в текст, следя за карандашом, которым вы водите по строчкам. Кружочек напомним ему, что нужно постараться, сосредоточиться и сказать правильно. К тому времени когда дело доходит до таких тонкостей, дети в моей группе уже умеют читать и хорошо видят, что у них не получается.

Кстати говоря, заучивая стихи, ребенку надо научиться читать их, интонационно выделяя восклицания, вопрос. Он не должен декламировать стихи завывая, как Буратино в кувшине, либо монотонно бубнить их безо всякого выражения. Читайте в лицах, изображайте Ворону и Лисицу, Кота и Повара — это поможет ребенку лучше понять содержание.

Я специально подбираю трудные, иной раз совершенно неизвестные ребенку слова и прошу его повторить их за мной.

Я. Вера, скажи «гексахлоран»!

В е р а. Подели пополам, тогда скажу.

У Вани не получается мягкое «л». И всякий раз перед уроком мы с ним, как гамму, обязательно проговариваем «холодильник», «Сокольники», «мальчик-с-пальчик», «больно», «колокольня» и т. д.

Дети подросли, они работают над произношением, опираясь уже не только на слух. Они в состоянии выполнить ваши требования: «сомкни зубы», «держи язык за зубами», «не просовывай его в щель между зубами». Им можно объяснить многое из того, чего они раньше не понимали. Многие из них производят замену согласного «к» на согласный «т». Не следует заставлять их кашлять, кряхтеть - в этом случае нужно попросить ребенка произнести букву «к», коснувшись руками шеи под подбородком: через некоторое время звук «к» начинает получаться, так как ребенку становится понятно, где он образуется.

Работать над чистотой произношения нужно долго, и быстрых результатов ждать не приходится.

Глава IX

ЕЩЕ НЕ ПИШЕМ, НО УЖЕ ДИКТУЕМ

Рассказы по картинкам. Пересказ текста. Рассказы о событиях в жизни семьи, о том, что видел и слышал. Давай порассуждаем

С самых первых уроков мы привлекали ребенка к работе с книгой. Глядя на картинку, он слушал наши рассказы, заканчивая начатое нами предложение известным ему словом.

Жил-был дедушка, и был у него дом. У дома была труба, из трубы шел дым... и т. д.

Мы составляли цепочки из глаголов и существительных, которые служили основой для перехода к фразовой речи:

Мама сидит на стуле, держит ложку и кормит Колю.

Наш маленький ученик отвечал на вопросы, когда мы показывали ему карточки, и сам задавал их. Мы играли в «последнее слово», в «расскажи все, что знаешь», выдумывали диалоги.

К 5—6 годам речевой опыт ребенка и опыт работы с книгой позволяют ему без особого труда вести рассказ по картинке. А вот объединить общей сюжетной линией несколько картинок — задача посложнее. Однако не следует упрощать ее и брать за основу некую примитивную схему, опираясь на которую ребенок должен кое-как придумать правильный, но скучный рассказ. Доверьтесь его фантазии! В любой хорошо иллюстрированной детской книге можно подобрать две-три картинки, по которым ребенок составит собственный маленький рассказ. Постоянно привлекайте его к этому занятию! Яркие, красочные картинки вызовут у ребенка активный интерес. Прелестны «Истории про девочку Машу и куклу Наташу» художника В. Чижикова, остроумные рисунки Н. Радлова и В. Сутеева — к ним надо придумать заглавия и собственные тексты, и вот как дети это делают:

Рассказывает Гриша.

ДОГАДЛИВАЯ РЫБКА

Рыбка увидела на крючке муху. Думает: «Фигушки вам!» Взяла раковину, муху защелкнула, сняла с крючка. Принесла деткам-рыбкам. А на крючке — ничего!

НЕУДАЧНАЯ ПОЕЗДКА

Зайчик уток просит: «Перевезите на другой берег. Там, травка лучше. Вижу я отсюда». Согласились утки, устроили кораблик: задние ноги зайца на одной утке, а на другой утке тоже ноги его — передние. Поплыли они.

Тихонько плывут себе, все хорошо. Вдруг лягушки откуда-то взялись, две их было. Утки — за ними. Заяц — плюх в воду! Вот тебе и кораблик.

КАЧЕЛИ

Идет ежиха, ежика ведет за руку, маленького сыночка своего. Плачет сыночек ее. Сова сидит и думает: «Вот так ребенок, одни капризы». А мать думает: «Как же мне все устроить?» И придумала качели: палка на плече — и ежик сидит. Сиди качайся, и ноги не будут болеть.

Рассказывает Ваня.

ВОРОНА И ЗОНТИК

Шла девочка и несла зонтик. Вдруг летит буря. Уронила зонтик она неосторожно. А тут ворона летит: «Такой хороший зонтик, отнесу воронятам». Ворона, к сожалению, схватила зонтик и полетела — и устроила гнездо. Где зонтик? Потеряла. Девочка пошла к воронам: «Мама будет ругать». — «Мне все равно». — «Отдай». — «Дадим». — «А куда же воронята?» - «На дереве будут сидеть».

ЗЕБРА В КЛЕТОЧКУ

Зебры ходят. Сколько их? Трое. Вдруг зебра видит — дед красит забор. Она и прилипла. Нарочно прилипла. Прислонилась. «Что сделала ты? Ой какая некрасивая, нехорошая. Ты в клетку. А мы в полоску». — «Буду так ходить».

ГРАБЛИ

Спит собака, спокойно отдыхает. Кошка бросила горшок из окна: Трах-тарарах — накинула на грабли! И получила удар. Грабли ее ударили. А хотела на хвост бросить бедной собаке. А собака думает: «Как хорошо (грабли. — Р. А.), спасли меня!»

СОБАКА И ЖАРЕНАЯ КУРИЦА В ТАРЕЛКЕ НА ОКНЕ

Увидела собака курицу: «Ах, курочка!» Она полезла на дрова. Они развалились. «Что-то я не достала курицу!». Тут идет хозяин, хоть его и не видно: «Ах ты, какой балбес! Зачем развалил мои дрова? Я их рубил и складывал, а ты развалил». — «А я хотела курицу взять».

УПРЯМЫЕ КОЗЛИКИ

Шли два козлика. Надо по мостику пройти. «Дай дорогу мне пройти». — «Подожди, я пройду». Бодаются, бодаются. Упали в воду. И никто не спас.

ПУТЕШЕСТВИЕ

Идут соседки две (возможно, имел в виду насекомых. — Р. А.)- Курица, утка, все дети. «Идемте. Надо плыть на другой берег». Пошли они, вдруг вода. Как переплыть? Курица не знает. «Мы утонем». — «Ничего». Идут дальше. «Становитесь на спину к нам». — «Ну ладно, ладно». И приплыли.

СТРАННЫЙ ШНУРОК

Гуляли два цыпленка. Вдруг видят — шнурок. «Ой, это в дырке за забором шнурок какой-то!» Потащили. Изо всех сил тащат и тащат. А это хвост! Там крыса была. «Я спала, — говорит крыса. — И я вас съем» — «Прости! Не ешь нас!»

ВОЛК И ЗАЙЧИК. СПАСЕНИЕ

Как-то раз забежал зайчик в лес. Вдруг видит — волк. Заяц бежит. А волк догоняет. И сделали ловушку другие зайцы, чтобы зайчика спасти, оттянули веревками плодовое дерево и отпустили веревку. Очень хорошо: теперь волк попался. И зайцы усмеваются над волком (насмеваются. — Р. А.): сиди теперь здесь, а мы побежали.

Если рассказы по картинкам Вани и Гриши совершенно непосредственны и они не прибегают к готовым «отливкам», то Саркис и Коля вынуждены вводить в свой рассказ усвоенные ими ранее цепочки, которые помогают скреплять между собой отдельные части их самостоятельных высказываний. Саркису мне приходится многое подсказывать, но заканчивает он начатое мною уже не одним-единственным словом: это может быть целая фраза или достаточно развернутый ее фрагмент. С особым удовольствием, радуясь тому, что он может составить по картинке самостоятельный рассказ, Саркис, где только возможно, использует неопределенную форму глагола. Не напрасно мы с ним мыли посуду («надо помыть тарелки»), вытирали пыль («надо вытереть пыль»), подметали полы. Все эти «надо» легко вписываются в его рассказ, обрастая всем тем, что он помимо этого уже усвоил. К этому впоследствии мы добавили слова «можно» и «нельзя», которые после себя также требовали неопределенной формы. И когда я попросила Саркиса ответить мне на вопрос, что он будет и хочет делать, когда поедет домой, он совершенно правильно составил предложение и,

опять-таки употребив неопределенную форму глагола, ответил: «Саркис будет обедать, а потом он хочет рисовать».

Рассказывает Саркис.

КАК СПАСАЛИ МЫШКУ

Мышка идет по дорожке. Надо бежать в лес быстро. Сова сидит на ветке, смотрит на мышку и говорит: «Где мама? Где папа? Один мышка».

Мышка упала в яму. Мышка сидит на камешке, плачет и кричит: «Никак! (не вылезет. — Р. А.) Мальчик, иди сюда! Спасите! Надо мышку спасти! Упала мышка!»

Девочка говорит: «Надо идти в лес. Пойдем. Надо мышку спасти».
Девочка (девочек две. — Р. А.) говорит: «Боюсь. Потому что темно. Звездочки. А луна нету».

«Белочка сидит на ветке, держит свечку, потому что темно. Белочка не дует (на свечку. — Р. А.). Идите сюда. Упала мышка».

Девочка держит веревку и говорит: «Мышка, садись на туфельку». И девочка тащит (веревку с привязанной к ней туфелькой. — Р. А.). Мышка сидит на туфельке. Девочка хорошая. И мышка хорошая.

По ходу повествования я показываю пальцем то на веревочку, то на девочку, то на туфельки. Это значительно облегчает дело.

Если подробное сочинение прочтет человек посторонний, он, по всей вероятности, прежде всего отметит аграмматизмы, которые, возможно, посчитает чудовищными. Но когда мы читаем его с мамой Саркиса, то испытываем и радость, и гордость. Молодец, Саркис! Мы в тебя верим.

Рассказывает Коля.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ КУКЛЫ

Жила была девочка. Грязная. Везде грязь. Жить там было нелегко. Сидит девочка на полу, смотрит на беспорядок и говорит: «Я грустная, потому что я расстроилась. Папы нету, мамы нету. Ромена не приходит». Ромена удивилась. Я ее рассмешил. Ну иди, девочка, к нам на диван. Как тебя зовут? Почему у тебя такое оторванное платье?

Принесли коробочку. Зайчик сидит на верблюде, смотрит на коробочку и говорит: «Что там внутри, в коробочке? Надо развязать и посмотреть».

Там кукла была. Говорит она другой кукле: «Уходи в лес». — «Сама уходи». Пошла девочка и потеряла тапочки. Туфельки свои. Смотрит она и не знает, где куклины туфельки. «Ой, как идет дождь, я буду промокать».

ПРО ТО, КАК ПЕТЯ ХОДИЛ В ЛЕС

Жил-был Петя. И дедушка, и собачка. Петя стоит и держит топор и дедушке говорит: «Я в лес иду, чтобы дерево срубить. Я топор взял, чтобы деревья рубить, а печку будешь ты, дедушка, топить, чтоб было тепло, а не холодно». А в лесу он все забыл и малину срывал. Клад в корзинку, чтобы дедушку угостить. Он воздержался (подобные слова встречаются у Коли довольно часто. — Р. А.) есть малину.

А Потап-медвежонок сидит и ест с аппетитом, потому что забыл корзину дома.

ДЕДУШКА И ПОРОСЕНОК

Жил-был дедушка. Жил прекрасно. Дедушка сидит на скамейке, держит палку, смотрит на дом и говорит: «Какой прекрасный дом. Из тыквы я его построил. Вот труба. Вот окошко. Темно. Погасли огни. Нужно дернуть за веревочку» (таким образом зажигается свет у Коли в квартире. — Р. А.).

Вдруг дедушка слышит: кто-то ест его дом! «Здесь будет дырка!» А это поросенок! Дедушка держит метлу и кричит: «Уйди! Нельзя есть дом!» И поросенок повалился и упал. Так и надо. Хватит дом грызть.

Пошли они в дом. Поросенок ест кашу: «Какая вкусная каша! Мне дедушка дал». А в зеркале он видит свое отражение.

Ну хватит стучать. Пора спать и мыть копыта. А поросенок во дворе гуляет. И стучит в окно: «Боюсь темноты и волка!» И дедушка говорит: «Хватит, хватит стучать. Расстучался».

Ребенок допускает много грамматических, стилистических и логических несообразностей, но в его рассказах нет шаблона, нет примитивного «правильного» каркаса, нет строгой заданности. Можно проследить, какие ассоциации у него возникают, каков его собственный опыт, что из своего опыта привносит он в рассказ. Не говоря уж об умении проследить за нитью, связывающей эти картинки воедино.

Достаточно долго мы занимались составлением сложноподчиненных предложений причины, цели и следствия. Составляя рассказы по картинкам, дети начинают достаточно легко и непосредственно вводить в свою речь союзные слова *потому что, чтобы, поэтому*. Ваня и Гриша делают это самостоятельно, Коле приходится подсказывать и напоминать.

Ваня пересказывает «Дюймовочку»:

«И женщина захотела, чтобы у нее была маленькая дочка. Старушка сказала: «Иди домой, посади зерно в горшок и сама увидишь, что у тебя получится, потому что это не то зернышко, которое куры клюют».

«Волк, уходи. Прыгай в окно, потому что тебя зарубят», — неожиданно говорит Коля, рассматривая картинку в «Красной Шапочке».

Дети учатся пересказывать содержание не слишком длинных сказок и рассказов либо отдельные их эпизоды. Некоторое время Ваня пересказывал сказки очень близко к тексту. Его выручала хорошая память. Но очень скоро он полностью отказался от использования «цепочек» и вообще каких бы то ни было штампов. Вот расшифровка магнитофонной записи: Ваня пересказывает рассказ В. Сутеева «Елка».

«Жили-были три мальчика. Они увидели в календаре листок (31 декабря — Р. А.). Написали Деду Морозу письмо. Они написали: «Любимый дед! Дай мне елку и игрушки, пожалуйста». И положили в конверт. И пошли лепить Снеговика. Слепили Снеговика, взяли ком снега, положили на снег, потом другой, потом еще другой. А Бобик говорит: «Где рот? Глаза где?» Нарисовали брови, рот, взяли морковку, воткнули вместо носа. Нахлобучили ведро. И получился Снеговик. И дали письмо ему. Пошел Снеговик. Куда идти? А Бобик вылезает и говорит: «Пойдем со мной, я тебе покажу дорогу». И пошли в путь. В темноте. Вдруг заяц выскочил. Снеговик говорит: «Где Дед Мороз?» А зайчик говорит: «Некогда говорить. За мной лиса носится». И тут Снеговик рассыпался, потому что метель. Лиса взяла письмо и убежала. Вдруг прыгнул волк навстречу лисе: «Ты куда идешь, кумушка?» — «Я иду на птичник». Волк говорит: «Дай мне письмо. Отдай сейчас же». Убегает лиса, и волк за ней гонится. Бобик опять прибежал. Плачет. А зайцы вылезают и говорят: «Почему ты плачешь?» — «Потому что нету Снеговика». Слепили. «Спасибо, ребята» — и пришли к медведю. Медведь спал, разбудили: «Что, ребята? Что хотите?» — «Письма у нас нет. Лиса и волк украли». — «Ну-ка идемте». Вдруг волк и лиса подрались, сорока схватила письмо и улетела с письмом. Дала Снеговика письмо сорока. И пришли к Деду Морозу: «Дай мне игрушки и елку». Дал им, и сели в сани, и лося запрягли, и поехали. Приехали. Вышли ребята через порог и видят — ура, Снеговик привез елку и игрушки. И все».

Он рассказывает сказку последовательно, от начала до конца, со всеми подробностями. В его рассказе нет ни одной цитаты, зато есть придуманные им самим детали. Но иной раз Ваня очень находчиво прибегает к сокращениям, если ему лень или надоело пересказывать длинную сказку.

«Жил старик. Почему-то «старче». Со своей старухой жил у моря. Рыбку он поймал, рыбку золотую. «Отпусти меня, отпусти, отпусти домой в седые волны». Старик отвечает: «Иди спокойно в море или в речку» — и отпустил. Старуха принялась ругать: «Отпустил ты рыбку зря, портфиля (простофиля. — Р. А.). Корыто разбитое не видишь ты. Зачем ты пришел ко мне без рыбы?» Пошел обратно старик: «Ры-ыб-ка! Иди сюда!». Рыбка все сделала. Пришел домой — уже новое корыто. Старуха опять ругает: «Горшок ты негодный! Скажи рыбке, пусть даст новое — стиральную машину!» Старик идет. Приходит. Море шумит — надоело ему все это. И старик поймал маленькую рыбку простую».

Я (поправляю). Золотую.

В а н я. *Простую. И ее скушал. Поджарил и съел. Вот и все.*

Я. Ну хорошо. А золотая-то куда девалась?

В а н я (подумав). *В следующий раз придет.*

Ребенок прибегает с улицы, приходит из школы и принимается возбужденно рассказывать — с кем общался, с кем подрался, не пришла историчка, математичка ее заменила, провела два урока подряд, контрольной не было, был урок природы, и они всем классом ходили в парк. Он садится обедать и тараторит, не закрывая рта. Что поделаешь, все дети таковы.

Ребенку с синдромом Дауна это несвойственно. С грехом пополам, неохотно и односложно он отвечает на ваши вопросы и зачастую не может не только самостоятельно рассказать, как провел время в гостях у бабушки, но как будто даже забыл о том, что побывал у нее. Всякий раз, отправляя ученика домой, я прошу его перечислить, чем мы занимались на уроке, какие книги рассматривали и читали, кто еще находился в комнате, кто и с кем пришел вслед за ним. Обо всем этом он должен рассказать домашним. Сначала ребенок делает это, не вдаваясь в подробности, ему не очень интересно и не совсем понятно, почему так уж необходимо сообщать обо всем бабушке или дедушке. Ну читали, ну картинки смотрели — все как обычно.

Однако привычку эту мы закрепляем и постепенно расцветиваем все эти рассказы, обращая внимание ребенка на все, что может вызвать его интерес и что хорошо запомнить и другим поведать. Вон ворона схватила баночку от пива и летает с ней взад-вперед, пока мы стоим на остановке; вон мальчик — не успели ему мороженое купить, а он уронил его на асфальт; вон дедушка старенький идет — надо помочь ему в автобус подняться. Если сами вы не будете глухи и слепы и постараетесь не просто вести ребенка за руку — на урок, с урока, в поликлинику, в магазин, — привычно погрузившись в свои мысли, а приучите и самих себя видеть вокруг что-то забавное, смешное, необычное — вы передадите это качество ребенку.

Посмотрите, как безучастно смотрит он на мир — разве можно это допустить?

Побывал ли ребенок на празднике, ходил ли в цирк, вернулся ли с урока — пусть расскажет о своих впечатлениях. И пусть поначалу это будут самые простые, дежурные фразы — две-три, не больше. Как всегда, подсказываем, помогаем начать, ибо, как нам уже известно, ребенку с синдромом Дауна необходим трамплин, от которого он будет отталкиваться. Помогите ему вспомнить, что же происходило там, откуда он только что пришел. Он ничего не пытался осмыслить, посмотрел, побывал — и все. Оттого и не запомнил.

Все, что ребенок рассказывает вам, записывайте. Пусть продиктует свои впечатления о просмотренном спектакле, о празднике в детском саду, о том, как попал под дождь, — что угодно.

Безусловно, ребенок не просто диктует, все, что ему придет в голову. Мы учим его излагать свои мысли. Вначале его сочинения — это несколько не очень связных строчек, рубленые фразы, в которых отсутствует то подлежащее, то сказуемое, то еще что-нибудь, нарушена последовательность действий и т. п. Вы не раз задумаетесь над тем, как расставить в них знаки препинания. Трудно передать в записи своеобразие синтаксических построений этих рассказов: любая правка искажает интонацию маленького автора.

Однако не следует слишком добиваться отточенности изложения, отутюживать и приглаживать. Писать вместо ребенка вы не должны. Ни в коем случае! Из сочинений ребенка исчезнет изюминка, очарование и непосредственность детского стиля. Подделать их невозможно, зато заглушить и нивелировать все самое интересное очень легко: будет правильно, но скучно, заурядно, короче — бездарно.

Можно сочинить несколько вариантов одного и того же рассказа или сказки. Сначала пусть продиктует так, как у него получится. Затем, по ходу действия, вы можете задавать ребенку вопросы, вносить небольшие уточнения, помогая ему связно изложить свое повествование.

«Я пришел в лес, набрал грибов и пошел домой». — «Как тебе удалось так быстро их набрать? Ты же не успел в лесу и двух шагов сделать? Ты даже по сторонам не посмотрел, никакой красоты не заметил. Подробности расскажи!» Рука моя застывает над листом бумаги.

Да и что за рассказ без подробностей? «Давай-ка почитаю тебе «Золотой ключик» без подробностей — и посмотрим, интересно ли будет», — и я сухим и бесцветным голосом излагаю некий протокол. Действительно, что-то не то. Очень развивает ребенка в этом смысле просмотр слайдов. Можно разглядеть подробности собственными глазами, а потом восстановить их в памяти — как выглядели березки на картине, во что был одет мальчик на портрете, какой на Аленушке сарафан.

Очень важно научить ребенка правильно излагать последовательность действий и событий в том, что он рассказывает. Помочь в этом могут следующие несколько упражнений.

Вытащите из коробки 9 карандашей — скажем, 3 красных и 6 синих — и разложите их в определенном порядке: 1 красный, 2 синих, 1 красный, 2 синих и т. д. Последовательность ваших действий должна быть совершенно точно определена ребенком: «Ты поставила на стол коробку, открыла её, вытащила карандаши...» Далее он должен рассказать, что вы проделали с карандашами. Все как будто бы ясно — и тем не менее задача для ребенка оказывается очень непростой.

Еще упражнение.

Положите на стол две бумажных бечевки, сделайте из каждой по петельке и просуньте одну петельку в другую. Если вы попросите ребенка сказать, что и в какой последовательности вы проделали, то убедитесь, что он затруднится вам ответить. Он не сможет проследить за очередностью ваших действий

и запутается, пытаюсь рассказать о них. Вместо того чтобы сказать: «ты взяла со стола две веревочки, потом сделала петельки и затем засунула одну петельку в другую», он скажет, что вы «завязали узелок», «скрестили веревочки», «держите две ниточки» и т. д. Помогите ребенку справиться с заданием, еще и еще раз произведите все действия, сопровождая их соответствующим комментарием.

Упражнениями такого рода могут стать самые простые, привычные ритуалы: наливаете ли вы суп в тарелку, моете ли ребенка в ванной, стелите ли ему постель. Пусть ребенок расскажет, как делают бутерброд, варят картошку, жарят яичницу — что сначала, что потом. За всем этим он может пронаблюдать, находясь с вами в кухне. И когда он приступит к сочинению своих маленьких рассказов, вам будет значительно легче поправить его, если сначала он скажет, что положил рыбу в ведро, а потом — что поймал ее.

Рассказывает Ваня.

КАК НАМ ПРИВЕЗЛИ НОВУЮ ПЛИТУ

Нам привезли новую плиту, а старую увезли. Потому что она нехорошая. Два дяди ее принесли. Один дядя прошел в комнату, и мама дала деньги, и дядя ей тоже дал (надо полагать, сдачу.— Р.А.). Он что-то писал, чиркал ручкой. А я болтался в кухне с другим дядей. И я спросил: «Как ты живешь? Откуда принес плиту эту новую, хорошую, чтобы зажечь ее и пироги печь?»

КАКАЯ СЕГОДНЯ ПОГОДА

Сегодня погода нехорошая. Ветер дует. Солнышко не светит, не выглядывает на небе. Погода грязная. Дождь идет, и мы взяли зонтики с дедушкой и пошли. По грязи шли. Кругом на небе были тучи.

МОЙ ПОПУГАЙ

У меня есть попугай Карлуша. Он кушает зерно. Купается в тарелке. Он зеленый. Махает крыльями и летает по комнате. Голос у него такой: чик-чик-кхе-кхе-кхе. Спит на жердочке, а днем не спит. Он прыгает по столу. Я прыгнул прямо в клетку к нему. «Кушай зерно (говорит попугай. — Р.Л.)». — «Не буду. Потому что ел кашу». — «Пей». — «Нет. Буду пить компот».

ПРОГУЛКА

Мы с дедушкой ходили гулять. Мы оделись, взяли купальные трусы и пошли далеко, на речку. Мы шли мимо коровника. Прошли через овраг и пошли мимо церкви. Мы прошли через грязь по дереву и пришли на речку. Разделись и полезли в воду. Я плюхался в воде и кидался на дедушку. Я нырял и глубоко опускал голову и глотал воду. Вылез и повалился на песок.

Солнышко грело. Оделись мы и пошли домой. Мы видели, как дядя кидал черный песок на дорожку. А другой палкой мотал по нему. Машина каталась и делала асфальт. Асфальт был очень горячий, и дым выходил из асфальта. Мы посмотрели и пошли домой.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Вчера я ходил на день рождения на праздник. К Теме. И все съел. Я полез на стол за тортом и задул свечи, и покидал - салат нечаянно на пол.

Немного салата упало. И я все там съел, Ромена, что ты сморщилась, я все съел в шутку. И гости сказали: «Нету торта. Куда он делся? Съел Ваня».

Мы играли в репку, Женя был репка. Потащили все, и я потащил, и дедушка, и все гости. Упал на землю Женя, вот такая была лиха-беда!

Ваня составил свой рассказ совершенно самостоятельно, никто с ним ничего не заучивал. И если попросить Ваню рассказать о дне рождения на следующем уроке, он повторит свой рассказ почти дословно. Почти то же самое он скажет и во второй, и в третий раз. И вот когда выдуманная им самим схема, основной каркас откристаллизовался, я начинаю задавать ему вопросы: почему именинник не стал сам дуть на свечи, что подарил ему Ваня, какие еще были подарки.

Я поступаю так во всех подобных случаях: диктует ли ребенок письмо или дневник, рассказывает ли собственную сказку — пусть сначала как следует передаст основное содержание. Иначе и мои вопросы, и его ответы — все утонет в бессвязном речевом потоке.

Ваня с бабушкой Тамилей и тетей Вероникой ездили во Францию и побывали в Лурде: целебный Лурдский источник — место паломничества инвалидов со всего мира. Ваня вернулся под большим впечатлением от увиденного. Вот что он рассказывает о своем путешествии:

ПОЕЗДКА В ЛУРД

Все поднялись, оделись, взяли куличи и пошли на лестницу. Дедушка нас провожал. Ромена, улыбайся, что смотришь так сердито. Поехали мы. Там друзья в Лурде. Приехали мы и полетим сейчас на самолете. Побежал самолет, мотор загудел. Выше облаков полетел. Я видел в окошко домики маленькие, лес маленький. Все маленькое было, самолет летел выше облаков. Обед мне дали: омлет, булку, хлеб и сок томатный. И вылил я сок на ковер и прямо на башмак. Вытерли сок тряпкой. Поел, сказал спасибо-мерси. И полетел в не Лурд (в Тулузу. — Р. А.). Вероника приехала на автобусе. Мы сели на места. Я с Тамилей. Я спал. Автобус поехал в Лурд.

Пошли мы в церковь, помолились и ели куличи. Стучались лбом: слава Тебе, Боже. Молились мы. О спасении.

Пошли мы гулять на прогулку. Несли люди крест к воде. Было много людей. Поехали на креслах пассажиры. Я сказал: «Не надо меня на кресло. Я сам пойду». И пошел. И купались. И молились. Мы купили бутылку. Тетя мыла ноги мальчику больному. А я наливал воду.

И все. Все о'кей.

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ

Как-то раз я пошел на пруд ловить рыбу. И удочку взял и посох, чтобы опираться. Положил за пазуху хлеб и пошел. Закинул удочку в воду и взял червей и насадил на крючок сначала. Пришел кот-ворюга и открыл банку, червей хотел он взять. Я поймал большую рыбу сому и раков поймал. Я положил в ведро свою ловлю и пошел домой. Пришел, положил в кастрюлю, налил воды, и бросил раков и сому, и приготовил мясные котлеты. Я сварил царскую уху. Я испек пирог, и торт испек, и арбуз купил. Помолвились все и сели за стол. Поели, я помыл посуду. Говорили: «Молодец, ты вкусный обед сварил».

Если на рыбалку отправляется Гриша, то по дороге к нему непременно пристанет петух, примкнут зайцы, откуда-нибудь выскочит собака, так что на речку прибудет большая толпа.

«Шел я, а кругом росла крапива, было трудно идти. Ко мне подлетел петух. За ним гнался пес. Эта собака его по пути настигла. Я спросил петуха: «Как это ты ко мне прилетел? Может, из курятника вылетел?» - «Да, собаки прыгнули прямо в курятник, а куры перепугались и полетели к своему хозяину». Я и говорю петуху: «Ты пойдешь со мной на рыбалку? Потом я провожу тебя до деревни, в которой тебя уже давно ждут куры».

Так, переговариваясь, они идут, обрастая попутчиками. О конечной цели путешествия Гриша тем не менее не забывает.

Начав обучение в 2,5—3 года, к 6—7 годам дети накопили достаточно обширный запас сведений, многое знают. Они учатся не только говорить, мы учим их думать. Они рассуждают, размышляют, делятся впечатлениями.

Совершенствуя свою дикцию, Гриша заучивает стихи. «Муху-цокотуху» он знал от начала до конца, когда ему не было еще и 5 лет. Теперь мы будем читать и заучивать не просто стихи, а стихи, над которыми требуется подумать, поломать голову, доискиваясь до смысла.

Смысл стихов Б. Заходера никогда не лежит на поверхности. И кроме того, это целая энциклопедия всевозможных сведений. Кто такие головастики? Что это за суринамская пипа? Почему папа-страус высиживает птенчиков, а где же мама-страусиха? Почему моржу так часто снится Африка: «доброе солнце», «жаркое лето», «земля зеленого цвета»?

«Вот представь себе, Гриша: живет морж среди льдов, кругом один снег, — говорю я. — И захотелось ему увидеть травку, а не только лед. Все кругом

белое, нет никакого другого цвета, и ничего не растет, и он никогда не видел никаких цветочков — ни розочку красную или желтую, ни ромашку, ни гвоздичку. Ландышей не нюхал никогда. Хорошо ему в прохладной воде, но хочется увидеть, что еще творится на свете. Друзей завести неплохо: слонов, носорогов».

Я показываю Грише слайды — картины Рокуэлла Кента. Какое великолепное, торжественное зрелище — белые льдины, словно корабли, плывут одна за другой по темной воде. Называются эти льдины айсбергами. Вот бескрайняя снежная пустыня, а над ней расплывается желтое пятно. Это солнце. Все вокруг залито ровным, слегка желтоватым светом, и лед ярко блестит. Нет, в Арктике удивительно красиво, напрасно морж так расстраивается, хотя помечтать, конечно, тоже неплохо.

Думаем, рассуждаем, Гриша диктует свои выводы, я их записываю. Рассуждения Гриши по поводу стихов Заходера.

О СТИХОТВОРЕНИИ «ЧЕРЕПАХА»

*...Но куда спешить тому,
Кто всегда в своем дому?*

Черепаха таскает свой дом на спине, никуда ей не надо спешить. Когда идет дождь, все бегут по домам: мышки спасаются в норке, воробьи под крышей, люди стараются укрыться в своей квартире. А черепахе торопиться не надо, она подогнула ноги, хвост и голову и влезла под панцирь свой, и оказалась дома.

ДОЖДИК

Хорошо пройтись под теплым дождичком всем людям. Держишь зонтик в руке и идешь, шлепаешь по лужам. А лучше всех знаете кому? Растениям. Они не могут жить без воды. Особенно зернышки любят песенку дождя, потому что зерно дает росток.

— А откуда еще берется вода? Ранней весной вылезает травка, набухают почки на деревьях — но ведь дождя еще не было!

Гриша молчит.

— Куда девается снег?

— Тает.

— И что получается?

— Вода.

— Куда она девается, как ты думаешь?

— В землю уходит. И растения ее пьют.

Порассуждать Гриша вообще не прочь. «Ну, чем займемся? — спрашиваю я его. — Что ты предпочитаешь: читать, сказки сочинять,

диктовать письмо или мы с тобой просто посидим, побеседуем, порассуждаем?» — «Будем рассуждать».

Я. Что сказали бы люди, если б кошка вдруг заговорила?

Г р и ш а. Она бы сказала — почему я все время молчала да молчала?

Я. Что сделали бы продавцы и покупатели, если бы в магазин вошел слон со слонятами?

Г р и ш а. Они бы на слонах катались, и попадали бы все, и побили бы игрушки.

Я. А что будет, если в лесу попадают деревья?

Г р и ш а. Гнездышки побьются.

Я. Если бы в трамвай села мартышка, что было бы?

Г р и ш а. Она б очки у всех снимала, в сумки залезала бы, мешала бы водителю, хотела бы кататься, ездить взад-вперед.

Как ведет себя человек, который куда-то торопится? Как ведет себя ребенок, которому скучно и неинтересно на веселом детском празднике? Что произойдет, если дождь будет, не переставая, ливнем лить целый месяц? А если вместо дождя пойдет град и тоже будет очень долго сыпаться с неба? А если снег засыплет все дороги и маленькие домики, что тогда делать жителям? Как выходить из положения?

Размышляем на тему о том, почему хорош или, наоборот, плох герой той или иной книги, в чем это проявляется, кто из героев нравится ребенку больше всех и почему? И Гриша высказывает свои соображения.

«Воронята были злые и жестокие. Они обижали свою мать, которая кормила их, несмотря ни на что.

Нет, Карабас-Барабас никогда не исправится. Так и будет мстить всем и добиваться своего, маленьких детей обижать. А Кот и Лиса тоже неисправимые, они разбойничают на дорогах, отнимают кошельки.

Никакого дерева не выросло. Они врут все время. И это никому не нравится.

Знайка этот любит читать. У него полным-полно книг. Они лежат повсюду: Много умеет и все знает. Я читаю книги, чтобы быть умным».

Глава X

СЛАЙДЫ

Первые впечатления от картин. Знакомимся с пейзажем, натюрмортом, портретом. Рисуем сами

Слайды смотрят все — и Юрочка, в 6-месячном возрасте перенесший менингит, не говорящий ни слова и с большим трудом выбирающийся из состояния, близкого к аутизму, и шустрая Фиона, и рассудительный Гриша. Виталик сидит всегда несколько в стороне, но тоже смотрит и даже вставляет довольно-таки оригинальные замечания, в особенности если ему показывают какую-нибудь экзотику вроде кринолинов и японских причесок.

Что знает и чего не знает Юрочка, угадать бывает затруднительно. Но он очень любит стихи и непременно требует, чтобы во время показа каждая картинка сопровождалась стихотворным комментарием. Об этом он дает мне знать, указывая пальцем на бумажные полоски со словами «слайды», «стишок», приклеенные скотчем к дверце шкафа.

Итак, начинаем. Юра самостоятельно гасит свет.

Мама вешает экран —
Белую простынку.
Сядь-ка, Юра, на диван,
Посмотри картинки.

При моих отнюдь не блестящих способностях к поэтическому творчеству писать стихи соответственно каждому слайду — весьма непростая задача. Но приходится.

С экрана смотрит на нас перепуганный щенок, выбирающийся из какой-то не то норы, не то ямы.

Глупый маленький щенок!
Я найти тебя не мог.
Не послушался ты маму
И свалился в эту яму.
Я весь день тебя искал,
Бегал, плакал и кричал.

А вот совенок. До чего же у него свирепый вид!

Страшный у совы ребенок!
Называется — совенок.
У совенка клюв крючком,
Перья поднялись торчком.
А глаза-то! Как у кошки!
Ночью он стучит в окошко.
Всякий раз весь дом разбудит:
«Почему вы спите, люди?
Что за глупость — ночью спать!
Выходите погулять!
В темный лес вас провожу,
Кое-что вам покажу.
Сможем выследить ужей,
Сможем наловить мышей,
Полетаем в час ночной,
Полюбуемся Луной.
А затем, при расставанье,
Громко ухнем на прощанье!»
Ну и голос! Ух! Ух! Ух!
Просто захватило дух!

На всех парусах несется по морю кораблик. Небо, облака, солнце садится в воду.

КОРАБЛИК

Очень море большое,
Кораблик плывет.
Юра машет рукою
И маму зовет.

Поплывем мы с тобою
Туда, где закат.
Ну а завтра с зарею
Вернемся назад.

Еще слайд. Ситуация хорошо знакомая — беспорядок в детской.
Наведи порядок.

— Почему ты кубики
На пол набросал? —
Папа строгим голосом
Юрочке сказал.

Я уверена, что все стихи мальчик знает на память от первого до последнего слова. Стоит для краткости опустить хотя бы пару строк, и он обнаруживает беспокойство.

Мало того что я должна сочинять все новые и новые поэтические «шедевры». Я должна ухитриться согласовать увиденное ранее со всем последующим. Сегодня показываю совенка, завтра его маму-сову. Еще птицы: голубь сидит на ветке, утки плывут по воде, дятел стучит клювом по дереву. Голубей и уток мама покажет Юре, когда они пойдут гулять, с дятлом немножко сложнее.

Больше всего Юра любит, когда на экране появляются бабочки. Мама направляет изображение то вверх, то вниз, то в угол, то на занавеску. Юра стоит у экрана и радостно «ловит» бабочек. Вот они: «высоко-низко», «далеко-близко». У мальчика даже слог «ба» стал время от времени появляться.

Я встаю со стула и направляюсь к экрану. Луч проектора попадает на мою спину, и разноцветные бабочки начинают оживленно перемещаться на белой блузке. Все смеются. «Шутка», — констатирует Виталик. Дети хотят повторить фокус с бабочками, прыгают перед объективом. Виталик так и остается сидеть на полу в позе Будды.

У всех свой уровень восприятия, и задачи тоже разные.

Березки, избушки, медведи, дети у елки, девочка с кошкой, мальчик с лошадкой... На экране все это и больше, и ярче, чем в книжке. Юра знает эти

слова, мы постепенно увязываем их с другими — существительные с прилагательными, глаголы с наречиями.

Картина Серебряковой «За обедом» понятна всем:

Дети за столом сидят,
Из тарелочек едят.
Юра тоже будет кушать,
Сказки бабушкины слушать.

Юра с бабушкой подходят к экрану и рассматривают посуду на столе: тарелка с супом, стакан, кувшин, графин, солонка, две булки хлеба.

Старшие дети видят уже не только тарелки, солонку и хлеб.

Сколько человек будет обедать? Детей на картине трое, но ведь кто-то им суп наливает, чья-то рука сбоку виднеется. И для кого-то приготовлена еще одна тарелка. А почему дети на нас, зрителей, смотрят? Может быть, скрипнула у дверь и они обернулись посмотреть, кто это неожиданно вошел в их комнату? Сколько лет детям, как вам кажется?

Давайте посмотрим внимательно: есть ли на картинке живые существа? Есть, конечно: пестрая бабочка сидит на букете цветов, а вот еще одна. И жучок. На портрете бедно одетая девочка, но в ушах у нее — золотые сережки, а в руках она держит дорогую куклу в шляпке и красивом длинном платье. Как ты думаешь, мама любит свою дочку? Конечно, ведь это мама купила ей и сережки, и куклу.

А это что? Какое время года художник изобразил? Нет, друзья мои, это не осень, а ранняя весна. А желтоватые листочки на деревьях потому, что так на самом деле бывает. Почки ведь всегда чуть-чуть желтые, обратите внимание, сейчас как раз весна. И когда они разворачиваются, то и листочки поначалу такого цвета — как будто вокруг дерева желтоватый дым.

Я показываю слайд либо иллюстрацию в книге, дети ее изучают, внимательно рассматривают, затем картину я убираю. Кто лучше всех запомнил все детали? Показываю еще раз и снова убираю — до тех пор, пока ничего незамеченного не останется. Ну а теперь расскажите все с самого начала и ничего не забудьте.

Кстати говоря, рассказ такого рода совершенно естественным путем приучает ребенка употреблять слово «*который*».

«На этой картине я вижу девочку, которая держит куклу.

На этой картине я вижу мальчика, который играет с лошадкой.

Рядом с мальчиком художник нарисовал собачку, которая смотрит на своего хозяина».

И конечно, подробности не должны заслонять целого. Картина Куинджи «Лунная ночь на Днепре» не может оставить равнодушным — луна на ней так и притягивает взоры. Но сказать нужно не «я вижу на картине луну», а «я вижу лунную ночь» либо «я вижу ночь, и на небе светит луна». Можно обратить внимание ребенка на то, как свет луны высвечивает из темноты

домики на картине Левитана «Украинская ночь». Как на картине «Ранняя весна» лучи солнца падают на стену деревянного дома, какой теплый цвет приобретает эта стена, какие голубые тени лежат на снегу — да, конечно, это весна. Пояснения делаются неназойливо, в границах восприятия, доступного ребенку, дети и сами многое подмечают.

Книга, которую на данном этапе Виталик предпочитает всем остальным, — пушкинская «Сказка о царе Салтане». Он знает ее почти наизусть, без конца рассматривает картинки, сравнивая два разных издания — книгу свою и Ванину. А ведь на слайдах у нас есть иллюстрации к ней Билибина: стоящий под окном у трех девиц царь, корабль, несущийся на всех парусах. Есть «Царевна-лебедь» Врубеля — лучшей Царевны-лебеди не найти. Показываю Виталику крутогрудые ладьи с парусами древних славян на картине Рериха, всячески стараясь обогатить его впечатления.

Иллюстрации к русским сказкам Васнецова и Билибина, пейзажи, портреты, натюрморты, жанровые сценки, интерьеры... Показывая их детям, постепенно приучаю употреблять эти слова. Ребята смотрят, слушают мои объяснения, отвечают на вопросы. Пока только Гриша в состоянии достаточно определенно выразить свои впечатления от картины, и их он, по обыкновению, диктует.

«ИНТЕРЬЕР» (С. Жуковский)

На этой картине я вижу красивую комнату, не всю комнату, а только уютный уголок. Здесь я вижу рояль. Для красоты в комнате имеются картины — они висят на стене, и цветы стоят на рояле. Кресло тоже красивое, его кто-то отодвинул. Я вижу окно большое, а за ним ранняя весна.

Я. Как ты думаешь, пианист совсем ушел или еще вернется?

Г р и ш а. Он вернется, потому что ноты оставил, пианино свое не закрыл и стул не поставил на место.

«НАД ВЕЧНЫМ ПОКОЕМ» (И. Левитан)

На этой картине я вижу маленькую церковь. Нет на картине солнца, и шевелятся кусты от ветра. Небо все в тучах. Еще есть остров. Когда на эту картину смотришь, грустно становится. Потому что здесь день пасмурный. И человек думает: «Ах, какая скучища!»

«НА РЕКЕ» (Неизвестный художник)

Я вижу реку и лодочки у берега. Кто-то катался и оставил лодки и куда-то ушел. Тихо, грустно, все спокойно.

Шел я, шел и набрел на прекрасный кусок леса. Такая красота! Ранняя осень, на земле ничего не валяется, все золотые листья на деревьях. Озеро посередине, вода блестит.

«БЕРЕЗОВАЯ РОЩА» (А. Куинджи)

На этой картине я видел березки. Что лес стоит чудесный. Березки как будто прискакали на поляну. Это летний день был. Солнце светит, березки согревает и освещает. А лес густой и молчаливый, спокойный. Березки выскочили, как подружки, потанцевать. Небо голубое. Короче, прекрасный летний пейзаж.

Я спрашиваю детей: почему художнику захотелось нарисовать эту картину? Что за цветы в букете на картине, как они называются? В какой комнате ты хотел бы жить: в той, что с роялем, или в той, где только стул и ободранная стена? Как ты думаешь, кто эта грустная девочка, из какой она сказки? Почему она так пригорюнилась? Вот это очень красивый пейзаж: голубое небо, пушистые белые облака, тонкие березки стоят по колени в воде. А если все эти березки срубить, так что останутся одни пни, а в воду набросать палки, бутылки, пакеты — что тогда будет?

Детям очень нравится с указкой в руках заменять собой экскурсовода, лучше всего в этой роли выступает Фиона. Детские слайды с обезьянками и мишками не вызывают у ребят никакого интереса — слишком все просто! А уж слайды со схематическим изображением комнаты — стол, стул, диван, окно, дверь, случайно попавшие в нашу коллекцию, — тем более. В том же роде «обувь», «фрукты», «овощи» — выпущенный лет двадцать тому назад дидактический материал для школьников младших классов. Бедные школьники! Надеюсь, сейчас их уже ничем подобным не мучают.

А теперь новое задание. Допустим, ты художник. Как бы ты изобразил весну? А полянку? А море? Представь себе мысленно свою картину и расскажи, что ты нарисуешь на ней и где разместишь березки, озерцо или речку, лодочки на воде.

Пусть примитивно, пусть очень приблизительно ребенок представляет себе предполагаемую картину — и все-таки он учится *видеть невидимое* и на какую-то минуту ощущает себя творцом. В самом деле, картина — это ведь не просто черканье карандашом по бумаге!

Так что же будем рисовать? Берег реки, какой-нибудь натюрморт — всякие фрукты, вазы, бокалы, нож, лимон рядом? Шторм на море? Может быть, нарисовать лето?

Пусть будет лето. Гриша перечисляет все, что должно быть на картине: кусты, трава, небольшой домик, сарай, забор и голуби. Солнце в небе. Я добавляю: «Можно радугу нарисовать». Мысль нарисовать радугу очень вдохновляет Гришу. Картина будет называться «После дождя».

Ну вот, готово. Гриша нарисовал прямоугольник — раму, и мы продумываем композицию. Ни он, ни я особым талантом по части живописи не блещем, поэтому намечаем все схематически. Дом у Гриши добрался до облаков на небе, это не годится. Ведь мы рисуем деревню. И в деревне не бывает таких высоких домов.

Гриша очень доволен. Хотя и достаточно условное (хорошо получились только забор и солнце) — все-таки наше творение нас удовлетворяет.

А как бы мы нарисовали эту картину, если бы были настоящими художниками? Трава и крыша сарая должны казаться мокрыми и блестеть, голуби сидят кучкой, тоже намokли и не решаются взлететь. Изобразить это нам не под силу. Но ведь самое прекрасное на картине — это радуга! А радуга у нас получилась великолепно.

Теперь посмотрим, как такой сюжет представлен на наших слайдах.

Вот картина Н. Крымова «После весеннего дождя». На ней и радуга, и дом, и кусты, и забор. Из окна выглядывает женщина, — наверное, хочет посмотреть, кончился ли дождь. Листва на деревьях изображена как сплошная масса, намokли и слиплись листочки. Есть еще «После дождя» Куинджи и «После грозы» Н. Дубровского. Тоже хорошие картины, но радуги на них нет.

Конечно, еще лучше, если ребенок на самом деле учится рисовать. В этом смысле самый способный у нас Саркис.

С Саркисом мы тоже рисуем, только не пейзажи, а интерьеры. Начертив предварительно прямоугольник — комнату, «расставляем мебель», раскладывая вырезанные из рекламных проспектов диван, стол, шкаф. Диванов и кресел у нас десятки всех существующих на свете образцов. Саркис долго их перебирает, затем раз и навсегда делает свой выбор — диван с цветочками подходит ему больше всего.

Распределяем все по местам. Чего не хватает? Саркис встает из-за стола, прохаживается по комнате. Книжный шкаф, полки, есть еще наш маленький стол для занятий, четыре стула, пианино. Ну пианино нам не нарисовать, изобразим его условно.

Что у нас на столе? А на полке? Книжки, вазочка, стаканчик с карандашами. Как можем, рисуем.

Память у Саркиса прекрасная. Он замечает все — тот самый Саркис, который в 6 лет не знал ни единого слова, не понимал ни одной просьбы, который смотрел, уставясь в одну точку, и ничего не видел в книжке.

На рисунках Саркиса и поезд, и дом, и петушки, и курочки. У избушки курьи ножки, у поезда колеса, окошки, дым из трубы идет, на рельсах шпалы. Саркис рисует ежика с восемью ногами. Мама удивляется: «Разве у ежа восемь ног?» — «Чтоб не упал!» — поясняет Саркис. Солнце на всех рисунках улыбается во весь рот, но больше всего мне нравятся его автопортреты.

Попутно спрашиваю, что можно нарисовать желтым карандашом? Солнце, песок, лимон, осенние листья, цыпленок и утенка. А голубым? Небо, воду в речке, цветок колокольчик, незабудку, глаза бывают голубые.

С оранжевым цветом всего труднее: ну конечно, апельсин, мандарин, морковку, а что еще? Цветочки календулы, «ноготки», вот что. Грибок подосиновик.

Рисование помогает нам в целом ряде случаев. Рассматривая картинку, на которой кошка, побежавшая через улицу, получила серьезную травму, мы с Саркисом твердили: «Красный свет! Нельзя бежать!» Говорили то же самое, когда ехали в машине и останавливались перед светофором. И Саркис не мог взять в толк, почему же мы тем не менее едем на красный свет, сколько ни объясняла ему мама, что одновременно загоревшаяся зеленая стрелка позволяет двигаться, осуществляя повороты.

Мы взяли альбом, нарисовали красный кружок: «Нельзя, нельзя ехать на красный свет! А теперь можно!» — рисуем зеленую стрелку. Как всегда, пришлось последовательно объяснить два отдельных момента — и все стало ясно.

Я объясняю Ване, что такое профиль, и прошу его к следующему уроку нарисовать профили папы, мамы и дедушки: Ваня приносит мне два больших листа с рисунками и рассказывает, как он их сделал:

— Я нарисовал профили. Я взял бумагу, фломастер, и дедушка сел на скамейку. Я натянул бумагу на дверь. А в комнате горела лампа. Я делал нос, рот, губы. И волосы.

Я. А что на бумаге было?

Ваня молчит. Желая подсказать ответ, бабушка шевелит губами:

«Профиль, профиль...»

Ваня говорит после долгого раздумья.

—Тень. Из тени получился профиль.

Глава XI

ФАНТАЗИЙНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

«Представь себе, что это лес...» Сравнения. Разработка вымышленных ситуаций. Диалоги воображаемых персонажей. Придумываем сказки

Виталик и Гриша входят в комнату. «Стойте! В комнате по колено каши!» Мальчики в полном недоумении смотрят на меня. «Горшочек варил-варил, вот и наварил». Они садятся на диван, а я продолжаю разрабатывать сюжет. Улучив минуту, когда я выхожу из комнаты, Гриша шепчет маме: «Сегодня Ромена какая-то глупая».

«Представь себе, Вера, что это не комната, а лес. Кругом трава, цветы, грибочки. Что еще?» Вера сосредоточенно вглядывается — корзина, из которой вываливается бумажный мусор, поломанный стул, стол, заваленный служебными бумагами отца. После некоторого молчания: «Непохоже».

На урок пришел 5-летний Ваня. «Пойдем кур таскать», — шепчет он мне вместо приветствия. Ваня то волк, то лиса, то акула, то привидение. Его не смутишь выдумкой насчет каши. Он задирает штаны, кряхтя нагибается и, чавкая, «ест кашу», изображая собачку, затем с трудом пробирается к дивану и, сев на него, чистит брюки. Он давно уже, явившись на занятия, угощает меня воображаемыми мороженым, бананами, йогуртом. И всякий раз сообщает что-нибудь новенькое.

Вот он входит, прижимая руки к груди: «У меня нет сердца». Или: «Мы с дедушкой отправляемся в Канзас». — «Зачем?» — «Там папа и мама живут. Мы возьмем мешок с продуктами». — Ваня поглощен приключениями Элли из повести О. Волкова «Волшебник Изумрудного города», это его любимая книга и любимый мультфильм. Увидев на карточке три клубня картофеля — большой, поменьше и совсем маленький, — Ваня поясняет: «Папа, мама и Ваня».

Коля ходит по комнате, то выпячивая живот, то втягивая его обратно: «Мама, реви. Волк лопнул, и козлята разбежались». Мама должна плакать как раз тогда, когда волку пришел конец, а козлят можно созвать и отвести домой. Коля ищет козлят, заглядывая под стол и диван, в шкафу, под вешалкой в коридоре.

Гриша абсолютно равнодушен к пугалу посреди комнаты, которое я соорудила из лыжных палок и старой одежды, а 4-летний Ваня Круглов ошарашенно застывает на месте, затем подходит к пугалу, берет его за руку и вежливо здоровается.

Зато никто так, как Гриша, не придумает, о чем разговаривают в лесу заяц с ежом, и рассказ его изобилует подробностями, точностью деталей. Придя в детский сад, 5-летний Гриша заявляет: «Мой папа писатель. Как придет домой, так и пишет. Книги, журналы. Написал даже сказку «Зайчик на даче». Или: «Кенгуру посадила меня в мешок, и там я познакомился с маленьким кенгуренком». Это фантазии, обычные для нормальных детей.

Диалоги Волка и Красной Шапочки, Деда Мороза и Снегурочки, Дюймовочки и мыши, которые я веду с ребенком, развивают его речь, но это не просто беседа — это театр двух актеров, позволяющий развить еще и фантазию, образное мышление, эмоциональную подвижность, отзывчивость. У меня на столе лежат рисунки — выражение лица веселое, мрачное, сердитое, задумчивое и т. д. Как посмотрит ребенок, у которого отняли конфету? Как папа Карло смотрит на своего сына?

Живейшая мимика, целая палитра выразительных жестов и интонаций... Как часто лицо ребенка с синдромом Дауна напоминает застывшую маску!

Но ведь дети - это маленькие обезьянки, подражающие тому, что видят. Очень многое зависит от вашего собственного воображения, от того, насколько вы сами актер. Развивайте в себе эти качества! Только живая непосредственная интонация способна заразить ребенка, вызвать у него ответную реакцию, только выразительная мимика заставляет его неотрывно смотреть на ваше лицо, проникаясь вашим настроением.

Толчком к развитию в ребенке воображения послужит прежде всего ваше собственное отношение к красоте, ко всему чудесному, необычному, волшебному. Ребятам скучно с прозаиками, хотя, быть может, они не всегда это осознают. Любой нормальный ребенок превосходит взрослого человека в остроте восприятия мира, любознательности, любопытстве, живом интересе, с которым он относится к окружающему. Всеми этими качествами одарен и ваш малыш, но только все это таится под спудом. Помогите ему дать выход его собственной наблюдательности, сообразительности, ведь он во всем ориентируется на вас.

Жизнь вашего ребенка не так уж богата событиями, хотя, конечно, вы стараетесь развлекать его как можете: и в гости ходите, и в цирк водили, и в зоопарк, и в театр. И везде он только зритель.

Но если вы не хотите, чтобы, когда он станет взрослым, мир его был замкнутым, ограниченным четырьмя стенами дома, учите его видеть вокруг себя красоту, превращать будни в праздники, вносить в свою жизнь фантазию.

Заразительны не только дурные примеры. Если сами вы умеете любоваться тем, как расцветут яблони, если в состоянии оценить тонкую красоту самого простенького цветка, то, безусловно, сможете привлечь к этому внимание своего ребенка. И, научив его ценить красоту, вы обеспечиваете ему надежное убежище от зла, пошлости и скуки.

Конечно, мы не слепые. «Ах, как красиво!» — бросаем мы на ходу, но наше любование мимолетно. «Некогда, некогда, некогда», — твердим мы с утра до ночи. Но придет время—и вы будете сокрушаться, что ваш сын или дочь слоняется без дела: наводить порядок и радоваться чистоте и уюту в квартире их не научили, книг они не читают, все их способности, все творческие возможности остались неразвитыми, ни вы, ни ваш ребенок никогда о них не подозревали. И даже если вам удастся его трудоустроить, человек не может с утра до ночи только работать.

Скучно жить тому, кто ничем не увлечен и ничего не умеет делать. Дети с синдромом Дауна добры, музыкальны, артистичны. Многое они могли бы полюбить: картинные галереи, художественные выставки, концертные залы и хорошие музыкальные записи. Надо только, чтобы вы сами это любили.

Красиво? Некрасиво? Как тебе больше нравится? — с такого рода вопросами обращайтесь к ребенку почаще. «Тетя, ты так любишь синий цвет! Купи вот это!» — и мой 5-летний племянник указал на темно-синий тюль, когда мы пошли вместе с ним выбирать занавески. Неважно, что я не собиралась устраивать у себя светомаскировку и мой любимый цвет никак в данном случае не подходил. Важно было то, что ребенок не просто плелся за мной, а обдумывал, что бы такое купить покрасивее, что радовало бы глаз.

«Посмотри, на кого ты похожа — на чучело или на куколку?» — говорила я и подводила чумазую Веру к зеркалу. На чучело ей походить, естественно, не хотелось, она бежала к крану с водой и снова к зеркалу.

«Посмотри: по цвету подходит?» — спрашивала она меня затем, надевая свитерок и юбочку.

Если ваш ребенок по собственной инициативе приносит с прогулки букет цветов, для того чтобы украсить свой уголок, подбирает на стену подходящую картинку — это очень хорошо. Он хочет, чтобы его собственные четыре стены, его территория была устроена по его вкусу, ему безразлично, какими они будут.

Ребенку, обладающему эстетическим чувством, захочется наслаждаться красотой не только в музее. Он наведет порядок у себя в уголке не потому, что ему постоянно напоминают: игрушки нужно убирать в предназначенный для этого ящик.

Правда, гораздо чаще мы сталкиваемся с тем, что ни букет цветов на столе, ни покрытые инеем деревья за окном, ни даже украшенная чудесными шариками и гирляндами новогодняя елка — казалось бы, что может быть интереснее? — не привлекают внимание малыша. Всего этого он не замечает, не видит, он как будто бы совершенно нечувствителен к красоте. Взрослые с грустью констатируют факт: «Ну что поделаешь? Не дано...»

Он действительно *не видит*, как не видит всех этих чудес человек, ослепший физически. Не вглядывается, не вдумывается, не осмысливает. И нам надо привлечь его внимание и к елке, и к дереву за окном, и к вечернему зареву на небе. Вечером на даче вместе с ним выйти на улицу, посмотреть на усеянное звездами небо, на серебряную лунную дорожку в озере. Пусть подойдет к елке, пересчитает или просто отыщет сначала все красные, затем все синие шарики, фонарики, грибочки. Мой знакомый художник под Новый год расписывал гуашью окна в квартире, и дети с улицы видели, как красиво это, освещенное изнутри окно — самое чудесное окно в многоэтажном доме.

Мало того, детям позволялось от пола до потолка разрисовать одну из стен в квартире, и фрески эти были предметом изумления и восхищения всех знакомых.

Я говорю вовсе не о том, что вы должны отвести стены своей комнаты под монументальную живопись. Но все ссылки на «некогда», «когда мне этим заниматься?» и т. п. не имеют под собой почвы. Где вы видели людей, которые в магазины не ходят, продукты не покупают, обеды не варят, белье не стирают, а заняты лишь изготовлением самодельных елочных игрушек и расписыванием окон и стен? Они просто не могут жить по принципу сугубого прагматизма:

Вот это стул. На нем сидят.

Вот это стол. За ним едят... —

как об этом говорится у С. Маршака в его «Кошкином доме».

Они вносят красоту как в свою жизнь, так и в жизнь своего ребенка. Как правило, такие люди — лучшие друзья детей. С ними интересно.

Гасим свет, зажигаем свечи. И я начинаю свой маленький рассказ:

«В комнате горели свечи. Нежным светом они освещали лица детей, их огоньки отражались в стеклах и полированной мебели. Парчовая подушка с бахромой блестела, словно золото. Мягко капал с подсвечника расплавленный воск...»

Пройдитесь с ребенком по комнате, пусть он сам отметит и расскажет, как колышутся тени на стенах, как мерцают шарики стоящей в углу елки.

Конечно, нельзя требовать, чтобы сообщения его отличались особой изысканностью стиля, но как хорошо, что он уже в состоянии понять, что от него требуется, и действительно кое-что подметить.

Интересно знать, что ему больше нравится, чего бы он хотел. Пусть снова зажгут электрический свет или сидеть при свечах не страшно, а, скорее, даже приятно? В четырех случаях из пяти ребенок пожелает, чтобы свет все-таки зажгли, но это только на первых порах.

Берем скорлупку грецкого ореха, в ней маленькая кукла в чепчике с оборочками. Это Дюймовочка. В красивую тарелку наливаем воду. Дюймовочка плавает на зеленом листочке, по краям тарелки мы разложили цветы. «Как красиво!» — восхищенно вздыхает Ваня. В первый раз я слышу от него такие слова.

Учимся сравнивать. Сначала, конечно, длину и цвет двух карандашей, форму яблока и сливы, апельсин и лимон, пчелу и осу. Затем задача усложняется. «Посмотрите на потолок и представьте себе, что это небо. Кто лучше всех скажет, на что похожи звездочки?»

Вопрос трудный и ответы не всегда удачные, однако бывают и очень поэтичные: «на вбитые гвоздики», «на звездочки», «на веснушки», «на рассыпанные бусы». Берем кусок бархата, рассыпаем по нему бусы — действительно красиво. Лейка — это «длинноносое ведро», листья дуба «похожи на перья», «хобот служит слону носом, рукой и одновременно ложкой». У нас имеется большая коробка с красивыми пуговицами. Открываем ее, любуемся. «Гриша, скажи мне, что тебе напоминает эта желтая граненая пуговичка, на что она похожа?» — «На желтые огоньки. И на зеркало. Она зеркальная. Зеркальная у нее поверхность».

На вопрос, что изображено на картинке, Вера бойко отвечает: «Ночь, звезды и луна, похожая на банан». «Налили кисель», — говорит Коля, глядя на сиреневое закатное небо. Совершенно неожиданно Ваня сравнивает полосатую шапку с тельняшкой. Саркис перебирает пальцами бахрому у скатерти: «Забор!» И я не сразу понимаю, при чем тут забор. Но ведь и в самом деле похоже.

Фантазия у ребенка не рождается сама собой невесть каким образом. В основе фантазийных представлений всегда лежит что-то из увиденного, услышанного, прочитанного, то, с чем ребенок сталкивается в реальной жизни и что тем или иным образом истолковывается и комментируется сначала взрослыми, а затем и им самим. Чем больше ребенок знает об окружающей его действительности, чем вернее его наблюдения, тем богаче его фантазия, тем увереннее он чувствует себя в предлагаемых

обстоятельствах. Фантазия — это свободное и вдохновенное творчество, но плодотворность такого творчества обусловлена накопленными ребенком знаниями, и не столько суммой, сколько системой этих знаний.

Интересно бывает наблюдать, до какой степени ребенок бывает захвачен своими выдумками, как далеко уносит его воображение.

Мы сидим в машине — я, Ваня К. и Максим, его брат. Мама и папа, поставив машину у тротуара, отправились за покупками; время от времени папа возвращается, сует в машину очередной сверток и осведомляется, как мы живы-здоровы. И тут начинается: «Папа, я хочу пить! Когда мама придет? Сколько нам тут еще сидеть? Жарко! Я тоже хочу в магазин!» Это Максим. Он ноет, капризничает, ему надоело ждать родителей, которые и в самом деле задерживаются.

Максиму 5 лет, Ване 6. Ваню врачи всеми силами старались определить в Дом ребенка, уговаривая молодых родителей забыть о собственном сыне, поскольку у Вани синдром Дауна.

Не обращая ни малейшего внимания ни на жару, ни на отсутствие родителей, Ваня одну за другой раскрывает книжки, которые мы взяли с собой. Ни есть, ни пить ему не хочется. Он целиком поглощен книгой, которую держит перед собой. И я слышу: «Леше! (леший. — Р. А.) Беги! Туда беги! Баба-яга! Леше! Уйди в лес! Лес иди! Отдай мальчика!» Ваня рычит, жужжит, ухаает согнутым пальцем стучит по голове: видимо, вспомнил картинку в другой книге, на которой ворона долбила клювом маленького лебеденка. Все то время, что мы сидим в машине, изнывая от жары, Ваня занят делом. Воображение уносит его с оживленного, забитого транспортом московского проспекта в какой-то дикий лес, где совершаются одному ему понятные события. Дуэт не прекращается — слева от меня энергичные выкрики (Ваня), справа — слезные причитания (Максим).

Буйная Ванина фантазия весьма и весьма мешала нам организовать наши занятия, ввести их в определенное русло. Очень многое понимая, он долго говорил рублеными фразами, отдельными, недостаточно связанными между собой фрагментами. Ваня обладал не только воображением, но и большим чувством юмора. Все он трансформировал по-своему. «Мышка бежала, хвостиком махнула...» — читаю я 4-летнему Ване. Ваня хитро улыбается: не мышка, нет. Интересно, кто же? Ваня грозит пальцем папе: «Папа бежа, маху». Он заливается хохотом, представив, как вся команда, тащившая репку, повалилась на землю, одна лишь мышка успела вовремя отскочить. Ваню привлекали длинные носы, страшные когти, острые зубы; мы рисовали с ним немыслимых чертей, и, получив из моих рук свой портрет, Ваня добрых двадцать минут не мог прийти в себя от смеха, хотя, рисуя его, я всеми силами старалась добиться сходства.

Постоянно фантазирует, не нуждаясь ни в каком постороннем к этому подталкиванию, Саркис. Недавно, просматривая старую тетрадь Саркиса, я наткнулась на запись: «Саркис сначала указал мне рукой на платок и затем на свой нос!» Тогда это казалось невероятным достижением.

И вот, сидя за столом в кухне, Саркис зовет меня: «Ромена, иди сюда! Речка, машина, мама и Саркис едут к Ромене!» Речка Яуза, вдоль которой лежит их с мамой обычный маршрут, — полоска на клеенке, машина — хрустальная подставочка для ножей. Подставочка в руках Саркиса плавно движется по столу, объезжая крошки («грязь!», «лужа!», «грязная машина!»), Ромена (изображая меня, Саркис хватает чайную ложку) выбегает навстречу.

Если, опираясь на конкретику и в то же время преобразуя ее, ребенок в состоянии вообразить то, чего никогда не происходило с ним в реальной жизни, значит, он приближается к той стадии своего развития, когда способен будет понять многое из того, что представить себе можно лишь умозрительно. И если в сочиненных им сказках сюжеты примитивны и пока что очень мало действительной выдумки, то не будем забывать — всего 3—3,5 года назад ребенок ни слова не говорил. Саркис же не только не говорил, но и ничего не понимал.

Можно, конечно, прожить и без фантазий, но это так скучно, так неинтересно.

И вот мы вместе с ребенком строим крепости из снега, непременные шалаши, убежище под столом, где можно отгородиться от обычной, привычной, знакомой до мелочей комнаты. Его нужно научить все это осваивать, обыгрывать. Только если ребенок слышал от вас обстоятельные рассказы о Северном полюсе, о необитаемых островах, о жизни в пещерах первобытных людей, он сможет вообразить себя в необычной обстановке, заполнить ее плодами своего вымысла.

Конечно, до насыщенной невероятными приключениями жизни отважного путешественника в африканских джунглях дело, может быть, дойдет не скоро. Но в гнезде у вороны, в норке у мышки дети благодаря фантазии оказываются очень легко, если о гнездах, норках, воронах, лисах и мышках они располагают пусть самыми первоначальными сведениями, почерпнутыми из русских народных сказок. Ребенок наделяет лис и ворон человеческой речью и повадками, легко общается с ними. Безусловно, рассказы и сказки его незамысловаты — другими они на данном этапе и не могут быть.

Мы приступаем к сочинению сказок и маленьких рассказов, когда ребенок уже достаточно хорошо владеет фразовой речью. Он уже диктовал, а я записывала его рассказы о прогулках по лесу, поездках на дачу и т. д. Теперь героями становятся традиционные, хорошо ему известные мышки, волки, собачки и пр.

Какие бы приключения ни случались с Бабой-ягой, мышкой, деревянным человечком, персонаж придуманной ребенком сказки всегда конкретен, он обладает совершенно определенной внешностью и чертами характера. И в любой ситуации, помещен ли он в заколдованное царство-государство, на морское дно или в космическое пространство, действует такой герой соответственно индивидуальным качествам, которыми наделил его

маленький творец. Но наделил не самостоятельно, «списал», если можно так выразиться, у Алексея Толстого, Эдуарда Успенского, Корнея Чуковского.

Безусловно, как это всегда бывает, ребенок (в особенности если это ребенок с синдромом Дауна) нуждается в подсказке, образце, руководстве и своего рода обучении — в том числе и тогда, когда дело касается столь тонкой материй, как фантазирование. И может быть, очень не скоро он придумает собственных героев и поместит их в им самим придуманные обстоятельства. Но в границах заданной ему взрослым темы он ориентируется весьма уверенно, если накопил достаточный багаж сведений.

Вряд ли из вашего ребенка получится второй Ханс Кристиан Андерсен. Но сочинение сказок и рассказов в любом случае полезно.

«Ну, диктуй мне свое сочинение. Это будет рассказ или сказка?» — говорю я, положив перед собой лист бумаги и держа наготове ручку. Условились — будет рассказ о том, как Ваня отправился в лес.

Рассказ, начатый вполне в реалистическом духе, незаметно перерастает в сказку. К этому не станем придирааться, но всякий раз отметим, что в жизни на самом деле случается, а чего быть не может,

Ваня собирает в лесу грибы, с ним приветливо здороваются дятел. «Что же это дятел у тебя заговорил? Птицы на человеческом языке разговаривают только в сказках. *В реальной действительности* дятлы не умеют говорить. Давай тогда сказку сочинять». Не будем забывать, кто перед нами. Нормальный ребенок самостоятельно найдет путь из фантазии к реальной действительности и обратно: ребенку с синдромом Дауна приходится эту разницу подчеркивать. И теперь уже Ваня поправляет меня:

В а н я. Знаешь, в конюшне я видел вороного коня!

Я. И этот конь сказал тебе: «Ну садись, поскакали с тобой в широкую степь».

В а н я. Что ты! Он говорить не может. И его не научат. Рассказывает Ваня.

ДЮЙМОВОЧКА

У меня есть Дюймовочка. Я открыл дверь, и дверь ее ударила. Она отлетела и ушла опять к женщине своей. Опять кто-то звонит: «Кто здесь?» Я открыл дверь и пустил. «Я бедная девочка, Я хочу кушать», — говорит Дюймовочка. Дал банан ей Ваня. Она его не ела. Я ей дал халву. Я сказал: «Кушай». Она съела. Тут Карлуша увидел Дюймовочку и испугался и спросил: «Кто такая?» Она полезла в клетку — не могла влезть. Я полез тоже. Карлуша сказал: «Мойся в корытце моем». А я сказал: «Не буду! На меня воду наливают. Бабушка утром льет из ведра». А Дюймовочка споткнулась и полетела в корыто. И утонула. И мы спасли. Карлуша говорит: «Я рад, что Дюймовочка пришла, не буду пугать ее». Дюймовочка играла с Карлушиными перышками. А я ей положил цветы на край

тарелочки, чтоб она на них качалась. Она покачалась на них, руками уцепилась. Сказала спасибо и пошла домой. Ушла она.

Еще один вариант этой сказки.

Ну, здравствуй, Дюймовочка моя! Как поживаешь ты? Она говорит: «Плохо. Потому что не могу спать в коробке». — «Ну не спи». — «Мне у мыши понравилось, потому что всегда еда».

Крот ее стукнул, Дюймовочка плакала. «Почему ты плачешь? Я спасу тебя». Я открыл двери и пустил Дюймовочку, и за порог выгнал крота: «Уходи, злой крот!» Нету крота. «Я тебе дам хлеба». Взял яйца, сделал омлет. Я уложил ее: «Спи сейчас же!» И закрыл ее в коробке.

Сочинить сказку, конечно, проще, чем рассказ, никаких особых ограничений нет. Сначала намечаем основную линию, с каждым новым повторением сюжет сказки разрабатывается и усложняется. Главное — подробности. Нельзя войти в лес и тут же выйти из него с полной корзиной грибов. Вдоль тропинки растут кусты, цветы и травы. Что за кусты? Какая травка? Упомянул о березке — расскажи, какая она. До чего красивый мухомор попался Ване по дороге! Может быть, рядом с ним и ежик бродит? Пришел лечиться — нам ведь известно, что мухомор не просто гриб, а лекарство для лесных жителей.

Диктуя свою сказку, ребенок вынужден придерживаться определенного темпа соизмеряя его с тем, что мне необходимо сказанное им записать, хотя я иной раз только делаю вид, что пишу, строча на бумаге закорючки. Ребенок, имеет возможность подумать, проследить за последовательностью событий в рассказе, он должен всякий раз убедиться, что я поставила точку, — значит, его мысль оформлена и закончена. Теперь он знает, что сказки и рассказы можно записывать, составить целый сборник - и я надеюсь, что наш сочинитель со временем так и будет делать.

Рассказывает Ваня.

ПРОГУЛКА В ЛЕСУ

Я был в лесу. Я пошел в темный лес. Увидел зайчика. «Как ты здоров?» — «Да я здоров». Волк там сидел на камне. Я палку взял из дома и подошел к волку и побил его. Волк завыл и убежал. А зайчик остался и пошел домой, открыл ключиком дверь и вошел. Там были зайчики (его дети). А Ваня пошел домой- Белка говорит: «Зачем идешь домой?» Ваня говорит белке: «Дай банан»,— «Не дам». — «Дай, пожалуйста». — «Только орехи есть». Белка дала орехи невкусные. Ваня отдал белке эти орехи и пошел домой. Полетел. Махал руками и летел.

СПАСЕНИЕ БЕЛЬЧОНКА

В лесу я встретил белку. Один (ее. — Р. А.) бельчонок упал, он ударился об сучок, лотом его крапива уколола. Он визжал. Он плакал. И мама-белка плакала. Я его поднял, и мама за это сказала «спасибо». И положил его на кончик палки, которую взял в лесу. Бельчонок еще один раз пискнул и прыгнул в дупло. Мама обрадовалась и мне дала шишки. Я пошел дальше.

В ГОСТЯХ У МЫШКИ

Как-то раз я сидел дома. Бежит мышка. Мышь говорит: «Идем. Пора в норку». Я говорю: «Я не пролезу». Позвали гнома. Махнул палкой, и я пролез. А там мышата в длинном коридоре. Много всяких припасов: колоски в мешке, чеснок. Дали мне сухарик. Поел я и пошел назад. Позвал гнома, опять он пришел с палкой. Вернулся я к родителям. «Где ты был?» — «Я был в норке». Ахнула мама: «Пахнет мышами». И все.

КАК Я ОДИН РАЗ ПОПАЛ В ГНЕЗДО

Я шел и рассказывал сказки. Вдруг летит ворона, схватила Ваню за шиворот и понесла в гнездо. Там воронята были. «Что ты принесла нам?» — говорят воронята. «Принесла Ваню. Он не будет выдирать перья, дергать за хвостики». Рассказал воронятам Ваня сказку про Красную Шапочку. Дали червячка мне. Сырой. «Фу, гадость, — говорит Ваня, — Я не буду есть». Полетела ворона к бабушке: «Дай банан». Нарезали банан, положили в коробку и отдали. Ворона полетела к Ване в гнездо. Прилетела, села, открыла коробку и дала банан. Я поел и полетел домой на спине на вороне. Там она спрашивает: «Где ты был?» — «Я был в гнезде». И все. Рассказывает Гриша.

ПРО ТО, КАК МЕНЯ ВОРОНА СХВАТИЛА

Шел я хорошей дорогой. Кругом росла травка, цветочки, солнышко припекало. Вдруг ворона из гнезда вылетела. Я уже все почти набрал: грибы, мед, орешки, всякие вкусные вещи. Ворона схватила у меня корзинку, а я зацепился руками за корзинку и, того не ожидая, полетел. Потом я ей сказал: «Куда ты меня тащишь?» А ворона ответила: «В гнездо. За моими воронятами будешь ухаживать». А когда мы прилетели в гнездо, я увидел вороняток, их было пять. Они играли, крыльями хлопали, пытаясь слететь с гнезда. А ворона сказала: «Ну-ка, воронята, не падайте! А то свалитесь, ноги переломаете».

А дальше наступила ночь. И я уже собрался уходить, но ворона сказала: «Я тебя отнесу домой и скажу, чтобы родители получили своего беглеца».

Так и сделали. Полетели. А когда прилетели, в окно влетели, ворона захлопала крыльями и сказала: «Получите своего беглеца». В комнате в это время были гости всякие: Дима с Наташей, бабушка, Михайловна, бабушка Тонечка и тётя Наташа — соседка, Володечка, Настя, Ваня, Юлечка, и родители тоже: мама и папа, и сестренка Машенька, дорогая моя. Все меня встретили очень радостно. И Закричали: «Это он, это он, наш сынок, внучек, внучек!» А когда все меня поцеловали, все стали кушать разные блюда, а ворона улетела. Мы кушали грибы, которые я принес, мед с чаем, орешки Покушали. Все съели, все разошлись по домам.

Свой рассказ про ворону, по свидетельству мамы, 6-летний Гриша продиктовал на одном дыхании, без всяких поправок и последующих добавлений.

ЗАЯЦ И БУЛЬДОГ

Как-то я пошел в лес и увидел зайчика. Потом пришел здоровый пес. Он решил зайчика проглотить целиком, с ушами. Зайчик боялся. Тогда я взял палку и как следует врезал бульдогу. Бульдог взвыл и убежал далеко-далеко в темный лес. А зайчик убежал в другую сторону, домой к зайчихе — матери с детишками. Они уже скучали, ждали его.

ЗАЯЦ И ТИГР

Зайчик сидел на грибке, как на диванчике. Он был весь круглый и пушистый, мягкий, тяжелый. Я подошел к зайчику и взял его на ручки и тютюшкал. Я спросил его: «Почему ты дрожишь?» — «За мной тигр гонялся». — «Тигр ушел. Он сказал, что тут волк бродит в кустах, медведи, кабаны, и больше никто. Не бойся».

Тигр был хороший, миролюбивый он не хотел никого обижать. Я за ним гонялся в шутку, я не хотел его убивать.

Милые звери, не обижайте друг друга. Пока. На прощанье: счастливо оставаться.

Иногда в рассказы и сказки вкрадывается цитирование, и выглядит это довольно забавно!

Тут к ней подходит принц и говорит: «Голубушка, как хороша! Ну что за шейка, что за глазки...»

Глава XII

МУЗЫКА

Музыку 6—7-летние ребята начали слушать так, как в детстве слушала ее я. Никто ничего не объяснял, никто не добивался того, чтобы мы, трое детей, ее «понимали». Сколько я себя помню, она просто звучала в нашем доме, хотя профессиональных музыкантов в семье не было. Профессиональными музыкантами стали впоследствии мы с сестрой. Шопен, Моцарт, Бетховен, Чайковский, Скрябин, арии из опер, романсы, неаполитанские песни... Пластинки подбирались без особой системы, что попадет, единственное требование, предъявлявшееся к ним, - ничего второсортного. Замечательными были исполнители — певцы, дирижеры, пианисты. Их имена врезались в память навсегда: дирижеры Самосуд, Гаук, Мравинский, Тосканини, пианисты Гольденвейзер и Юдина, певцы Лемешев и Карузо. Пластинки находились в моем ведении, когда я еще и в школу-то не ходила. Мое глубокое убеждение: детей надо воспитывать на лучших образцах, примитив - он и есть примитив и таким останется, кто бы его ни слушал, взрослый или ребенок — неважно. И когда меня спрашивают, как научить ребенка «разбираться в музыке», я отвечаю — ему не надо в ней разбираться, музыку надо просто слушать.

Конечно, если песенки про зеленого кузнечика и прожорливую лягушку, про собаку по кличке Дружок, которую ищет и не может найти ее хозяйка, слушает Юра, мы с его мамой рисуем картинки, иллюстрирующие содержание этих песенок, и это помогает мальчику лучше их понять. Но ребенку постарше такие пояснения, пожалуй, не так уж необходимы, хотя тоже могут быть интересны.

Ваня приходит ко мне на урок и уже из коридора слышит музыку. Мой комментарий к ней чрезвычайно краток. «Оркестр играет», — говорю я мимоходом. Ваня входит в комнату, садится на диван. Проигрыватель открыт, вертится пластинка. Это что-то новенькое, такого еще не было. В честь чего подобное нововведение?

Я беру конверт от пластинки: «Вот он, оркестр. Видишь, - сколько музыкантов. На сцене сидят».

Конечно, о музыкантах Ваня уже слышал. Были Бременские музыканты, в книжке «Спящая красавица» тоже о чем-то таком говорилось. Теперь дальше пойдем.

Основная тема 40-й симфонии Моцарта настолько выразительна, что Ваня произвольно начинает двигать в такт руками. «Грозный великан», — заявляет он, отмечая вторжение громких аккордов.

Великан так великан. Сама я избегаю «подкладывать» под музыку литературные сюжеты и зрительные образы, навязывая ребенку искусственные, чаще всего притянутые за уши пояснения. И уж тем более не

стану требовать от него, чтобы, настроившись на серьезный лад, он слушал музыку, попутно внимая моим о ней рассуждениям. Не превращаю слушание в некий обязательный процесс, принудилровку, убивающую непосредственность восприятия. Звучит музыка, и я незаметно наблюдаю за ребенком.

Слушает Ваня очень внимательно. Это вообще очень вдумчивый, цепкий и целеустремленный мальчик. В соответствующих местах я позволяю себе парочку кратких реплик: «Кто это так жалостно вздыхает? А вот тут как будто поклоны, реверанс называется. Так танцуют в длинных платьях и париках».

Первую часть мы прослушали от начала и до конца. Встав с дивана и направляясь к проектору (мы собираемся смотреть слайды), Ваня внезапно останавливается. «Я хочу еще раз послушать сефонию», — говорит он.

Ваня слушает «сефонию» на нескольких последующих уроках, а затем я ставлю на проигрыватель пластинку с записью вальсов Шопена: «Как ты думаешь, на чем играют?» Ваня задумывается. Я поясняю: «На рояле. Это инструмент вроде пианино, но гораздо больше».

Я снова показываю ему уже известную картину С. Жуковского, «Интерьер»: рояль открыт, на пюпитре ноты, и музыкант куда-то на минуту вышел, оторвавшись от своей игры. Имеется еще «Портрет ребенка» неизвестного художника XVIII века: совсем маленькая девочка в длинном-длинном платье со скрипкой и смычком — вот ей-то и танцевать менуэты. Есть картина Д. Терниса «Флейтист» и «Слушают гусли» Е. Честнякова, и трио девушек на картине неизвестного нидерландского художника «Музыкантши»: одна играет на флейте, другая на мандолине, третья поет по нотам, а ноты-то каждая величиной с яблоко!

На картинах флейтисты, гитаристы, арфисты, памятники музыкантам — все это нам пригодится. Когда-то я читала лекции по истории музыки, снова меня выручают эти подборки. Эти слайды мы будем теперь смотреть, сопровождая показ соответствующим музыкальным оформлением: если на картине изображена женщина, сидящая за клавесином, пусть звучит клавесин. Важно одно: не навязывать ребенку свое представление о содержании музыкального произведения.

Спешить нам некуда, постепенно доберемся до самых вершин. А пока просто слушаем музыку, которая хорошо запоминается. Когда-нибудь я расскажу детям о том, как маленький Моцарт колесил по всему свету, играя во дворцах, и как он, великий композитор, был похоронен неизвестно где. Они узнают о трагедии глухого Бетховена, о том, что Бах ослеп, потому что если вытянуть в одну строку все, что он написал за свою жизнь, то получится лента, которой, я так думаю, можно будет опоясать земной шар. И я уверена, что дети меня поймут.

Но это будет позже. А сейчас Виталик, лежа на полу и заложив руки за голову, самозабвенно выводит «Отцвели уж давно хризантемы в саду». Его бабушка постоянно слушает записи русских романсов, поэтому он хорошо

знает тексты. Иногда, пусть не совсем складно, мы поем с ним дуэтом. Коля тоже очень музыкален и тоже любит романсы. Ну а непоседливой, жизнерадостной Фионе придется поискать маленькие пластиночки с песенками Шаинского, ей не до философии, ей нравится все веселое, радостное, грустные мелодии удовольствия ей не доставят.

«Скажите мне, дорогая Вера, на каком музыкальном инструменте вы предпочли бы играть?» — спрашиваю я 8-летнюю Веру, которой очень нравится, когда я обращаюсь к ней на «вы». Вера, наслушавшаяся моих рассказов о маленьком Моцарте, который мог играть на чем угодно, вскакивает на стул и торжественно объявляет: «Дамы и господа! Я обожаю играть на всех музыкальных инструментах!»

Музыкальных записей у нас горы. К слушанию музыки мы приступили совсем недавно. Когда-нибудь отправимся на концерт, чтобы услышать ее в живом исполнении — и орган, и рояль, и симфонический оркестр, И может быть, это войдет в обычай, станет потребностью ребят, когда они вырастут.

Глава XIII

ТЕАТР

Родителей не приходится убеждать в том, чтобы вместе с ребенком они ходили в театр, цирк, зоопарк. Кто же этого не делает? Ребенок с мамой и папой отправляется на спектакль, оставшиеся дома бабушка и дедушка с нетерпением ждут их возвращения, предвкушая рассказы об увиденном и услышанном. Но увы! — ребенок обнаруживает полнейшее равнодушие, на вопросы отвечать не хочет, никакого впечатления: спектакль на него как будто бы не произвел. И лишь через несколько дней он задаст неожиданный вопрос, что-нибудь вроде: «А почему Денис опоздал на представление?»

Случается, впрочем, что впечатление оказывается довольно-таки сильным, малыш возбужден, машет руками, но толком рассказать ничего не может, без конца показывает, как прыгали по сцене зайцы, огромными сапогами громко топал кот, кто-то из действующих лиц свалился в яму, и все в таком роде. Спектакль распался на отдельные яркие эпизоды, и о каком бы то ни было целом восприятии говорить не приходится.

К походу в кукольный театр на спектакль «Золотой ключик» мы готовились заранее. Книгу изучили вдоль и поперёк. Мы уже имели представление о зрительном зале, сцене и актерах - Буратино в книжке выпрыгивал из зала на сцену, где его приветствовало все кукольное племя. Теперь посмотрим, как все это выглядит в настоящем театре.

Вот занавес, сейчас он откроется. Сюжет сказки, к большому нашему сожалению претерпел большие изменения, но кое-какие эпизоды, слава богу сохранены в неприкосновенности. Всякий раз я привлекаю внимание детей к тому, что им должно быть уже хорошо известно, но что появилось в иной,

непривычной обстановке. Вот неизвестно каким образом появившийся король — персонаж, достаточно чуждый книге «Золотой ключик», чье появление было встречено детьми с большим недоумением. Он сидит на подушке с бахромой, почти такой же, какая имеется у меня дома. На голове у короля корона, на плечах мантия. Ни корона, ни мантия для нас не новость, мы их достаточно повидали. Надо только, чтобы дети обратили на них внимание. А вон белый, изогнувшийся дугой мостик — в точности такой переброшен через речку Язу, вдоль которой едут на урок Саркис и Ваня К.

Вот Кот и Лиса, до чего же злокозненная парочка! Ваня К. грозит Лисе, Коту и Карабасу-Барабасу кулаком. Он громко советует Буратино ни в коем случае не отдавать деньги и побыстрее удирать. Сидящая перед нами женщина смотрит не столько на сцену, сколько — с улыбкой и восхищением — на Ваню.

Кто сказал, что дети с синдромом Дауна не эмоциональны? Ваня буквально выходит из себя, Вера сидит напряженно, не отрывая глаз от сцены. Виталик постоянно вытягивает шею: Ваня, размахивающий кулаками и подпрыгивающий на своем месте, мешает ему смотреть.

Спектакль они вспоминали год и рвались сходить на него еще раз.

Идеальный вариант, осуществить который редко кому удастся, — заранее прочесть книгу, посмотреть мультфильм или спектакль, с которыми вы собираетесь познакомить ребенка. В этом случае вы сможете разработать план предварительных действий, подготовить малыша к тому, что ему предстоит увидеть, и, следовательно, поможете ему обдумать, запомнить и понять увиденное.

То же самое можно сказать о походах в лес, цирк, зоопарк, уголок Дурова. Никто не требует от вас, чтобы вы докучали ребенку бесконечными разъяснениями и поучениями. Он не должен замечать, что вы его учите. Пусть не отдает себе в этом отчета — ведь вы пришли развлекаться, а не учиться. Но наша кабинетная наука должна теснейшим образом переплетаться с тем, что ребенок видит вокруг себя в жизни.

Ваня никогда не ошибется, увидев воробья, дятла, ворону, сову на логопедической карточке, Но если точно такой же — пестренький, с красной головкой и крепким клювом хорошо знакомый дятел возникнет на двери, куда мы проецируем слайды, он запросто может обозвать его совой.

Стоит нам перенести действие в другую, плоскость, переместить предмет в иную обстановку — и ребенок теряется. К удивлению окружающих, он не узнаёт то, что, казалось бы, давно известно.

Вот мы с Колей вытаскиваем из сундучка карточки, и он должен назвать изображенное на них животное, птицу, цветок и т.д. Карточек около двухсот. Коля называет мне не только хорошо знакомых кота и собаку, но и таких экзотических животных, как муравьед и доисторический динозавр — память у Коли превосходная. Я снимаю со шкафа коробку, в ней богатейшая коллекция: жирафы, слоны, лошадки, индюки, куры. «Коленька, кто это?» — спрашиваю я, доставая игрушечного верблюда и предвкушая радость

узнавания. «Петух!» — отвечает Коля. А ведь мы так долго рассматривали рога и копыта, гребешки и когти, усы, горбы, хобот, полосы и пятна на шкурах. Он уверенно отвечал на вопросы типа: «Что есть у верблюда, чего нет ни у кого? А у слона? А для чего слону хобот? А зачем корове рога?» Куда же все девалось?

Какие прекрасные интерьеры мы создавали, наклеивая на картишку в книжке вырезанные из рекламных проспектов диваны и кресла, «расставляя» на столах вазы с цветами, чашки, чайники, и самовары! Мы «увешивали» стены крошечными портретами, на диванах располагали подушки, скатерть украшали орнаментом и бахромой. И вот я спрашиваю Веру: «Что у тебя в комнате висит на стене?» — «Кресло?» — бойко отвечает Вера. Лицо ее мамы вытягивается, на нем я ясно читаю: «Неужели все напрасно? Неужели все так и останется?» Но уже через 2-3 минуты и Коля, и Вера определяют все правильно.

Мгновенно осознать и переключиться, оценить новую ситуацию они пока не в состоянии. Это надо тренировать. И потому всякий раз я сравниваю, сопоставляю, провожу «параллели и перпендикуляры». «Видишь, у дедушки в книжке на подоконнике цветы. А у нас с тобой что? Какая на бабушке обувь? Лапти. А Виталик в чем пришел? У девочки на картинке длинная коса, а у Фионы сзади — хвостик с бантиком. А у тебя есть полосы на одежде? А у Ромены? Покажи, как Буратино на листике сидит. А как он сидит у Мальвины за столом?» И т. д. и т. п. сто раз на дню.

Если есть возможность показать ребенку раковины («сколько раковин цветистых, сколько рыбок золотистых») — читаем мы в книжке), перстень («достань, слышь, перстень царь-девицы»), веер — все это тут же демонстрируется. У нас имеются «золотая» подушка («А что еще золотое?» — «У мамы зуб спереди»), серебряная туфелька, разноцветные стеклянные шарики, перышки всех цветов, очень красивые пуговицы, хрустальное яичко, чучело маленького крокодила и огромная муха откуда-то из тропического леса. Бабушка же Коли, «Лиди Михална», продемонстрировала ему пилу и грабли, за которыми не поленилась сходить в сарай, когда мама читала ребенку книжку из деревенской жизни. Одно дело в книге, другое — в реальной действительности. Иные размеры, иные масштабы, иные соотношения. Книжные представления должны быть тесно связаны с тем, что окружает ребенка в жизни.

Именно поэтому, сидя на спектакле рядом с ребенком, я обращаю его внимание и на корону короля, и на мантию, и на мостик, и на подушку с бахромой — хорошо знакомые предметы, которыми люди пользуются в разных ситуациях. Ребенок может не узнать их, смотреть и не видеть. И тем более не отдавать себе отчета в том, зачем и для чего тем или иным способом этими предметами манипулируют в этом спектакле. Если не проработать с ними заранее содержание спектакля, они не поймут взаимоотношений героев, не смогут уследить за перипетиями сюжета, их внимание привлекут лишь отдельные динамичные эпизоды. Если нормальному ребенку гораздо

интересней спектакль, в котором его ждут всевозможные неожиданности, то ребенок с синдромом Дауна предпочитает уже знакомый сюжет.

Мы основательно проработали книгу, и Ваня К. хорошо знает почему Карабас-Барабас так интересуется ключиком и чего можно ожидать от парочки негодяев — Кота и Лисы. Вот почему он реагирует так живо и непосредственно.

Вместе с ним мы смотрим мультфильм «Маугли». Я осторожно, коротко комментирую происходящее на экране. В следующий раз по собственной инициативе Ваня принимается комментировать его сам. Всматривается, вслушивается, вдумывается.

Глава XIV

КАКИМ ОН БУДЕТ, ВАШ РЕБЕНОК

Я уверена в том, что возможность органического развития, так же как и любого нормального человека, заложена природой и в ребенка с синдромом Дауна. Мне хочется также верить, что интеллектуальное его развитие имеет значительные перспективы. Важно дать этому развитию первоначальный импульс и направление.

Мы с вами тоже можем не все, но то, к чему имеем склонность, в состоянии развивать и совершенствовать на протяжении всей своей жизни. В работе с ребенком с синдромом Дауна важно неостановиться самим и не дать остановиться ребенку. Положа руку на сердце—многие ли из нас ставят "перед собой подобную задачу, изо дня в день осуществляя ее?

Как бы вы ни старались внести разнообразие в жизнь своего ребенка, чем бы ни развлекали его — если он только потребитель того, чем вы его одариваете, он живет ненастоящей жизнью. Свою жизнь человек творит сам. Своя жизнь — это свои интересы, свои желания, стремление к творчеству и удовлетворение достигнутыми результатами. Не исполнение чужой воли и не существование рядом с кем-то— в полном подчинении и зависимости.

«Детям инвалидам должна быть обеспечена достойная жизнь»— эти слова мы слышим от других и постоянно говорим сами. Но стремимся ли мы к этому на самом деле? Ведь мы давно свыклись с тем, каков он есть, наш ребенок и гораздо проще привязать к себе малыша, а там и взрослого человека, пусть послушно следует за нами, повинуюсь нашим предначертаниям; о большем мы и думать не смеем.

Все зависит от уровня ваших собственных притязаний, от того, какой образ жизни ведет семья, в которой растет ребенок-инвалид. И каковы бы ни были ваши стремления, в чем бы ни выражался для вас идеал достойной жизни, вы не можете не знать, что нет ничего мучительней, чем скука, томление от праздности. От ничегонеделания устаешь гораздо больше, чем от самой тяжелой работы. Если мозг вашего ребенка постоянно погружен в

оцепенение и спячку, если он не находит себе занятия — что ж, он движется не вперед, а назад.

Вера со школьным ранцем за спиной, опутив глаза и уставясь в пол, стоит в коридоре. «Вера, почему ты в комнату не заходишь?» Вера открывает дверь, входит, снимает ранец, бросает его на кровать, садится. «Что с тобой? Ты заболела?» Девочка поднимает на меня глаза — и я вижу в них самую настоящую тоску. «Что мне делать?» — спрашивает она. И через некоторое время снова: «Что мне делать?» — «Уроки делай. В комнате прибери. Поиграй во что-нибудь».

К этому она не приучена, хотя хозяйскую хватку, обнаруживала не раз: расставляла в коридоре обувь, порывалась мыть посуду, яростно махала веником — тучи пыли неслись с ковровой дорожки. Этого стремления никто не поддержал. Тогда ей было 6 лет, теперь 11.

Играет Вера следующим образом: расставляет на столе штук двадцать пузырьков от лекарств и одним из них попеременно стучит по всем остальным. Игра называется «футбол». «Пусть светлые пузырьки будут в одной команде, а темные в другой, — говорю я ей. — Пробка — это шайба или мяч. Кто у тебя чемпион? Кто побеждает? Сколько голов забили?»

Игра длится около часа. Придя в дом через год, я застаю Веру за тем же занятием, в игру не внесено никаких изменений.

Ребенок навел порядок в комнате, поработал на участке, почистил свою одежду не потому что этого хотите вы, а потому, что этого хочет он сам. И жизнь, которую он ведет должна всякий раз оставаться для него учебником — ходит ли он в театр, на концерт, общается ли с друзьями (кстати, есть ли у вашего ребенка друзья?). Осознать, осмыслить, порассуждать, сделать выводы, поделиться впечатлениями - стало ли это потребностью?

Вырастить из ребёнка трудолюбивого, разумного, пытливого, организованного человека — задача непростая. Тем более непростая, если это не совсем обычный ребенок, если традиционные методы обучения не вполне приемлемы и приходится прокладывать новые, никем еще не пройденные пути. Но насколько богаче, содержательнее станет ваша собственная жизнь, насколько увереннее вы будете чувствовать себя, если помочь своему ребенку сможете сами. Нет на свете большего наслаждения, чем то, которое мы получаем от творчества. Это то, в чем мы можем быть больше всего уверены, что зависит исключительно от нас самих, от нашего собственного желания.

С наружной стены моего дома отвалилась и упала на землю водосточная труба, и папа одного из учеников решил приладить ее обратно. Его собственный сын 13 лет остался сидеть в комнате, а помогать отправился 10-лётний Алеша. Вернувшись, папа сказал: «Какой активный мальчик! И трубу придерживал, и проволбку подавал — помогал как мог. А вот наш не шевельнется, у него никогда не возникает желания принять участие в общем деле».

Это тот самый мальчик, которому до сих пор шнуруют ботинки. Он физически здоров, усердно занимается. К самостоятельности его просто не приучили.

У мальчика хорошие родители, это очень симпатичные люди. Они приняли ребенка таким, каков он есть, растят его, очень любят. Пока эти родители полны сил, все как будто бы неплохо.

Если воспитание в ребенке самостоятельности осуществляется разумно, постоянно, без нервозности, суеты и спешки, то попутно и одновременно с этим вы воспитываете такие прекрасные качества, как терпение, выдержку, умение последовательно организовать действия.

Как-то с 10-летним Антоном (тем самым, что в 5 лет задумывался над проблемой жизни и смерти) мы договорились пойти в лес на так называемую «дачу» — старый деревянный домишко, в котором прельщало наличие камина. Мы планировали испечь картошку и вообще хотели понаслаждаться вольной жизнью. С собой я решила взять мальчика 5 лет.

В десять часов утра, не опоздав ни на одну минуту, с рюкзаком за спиной и небольшим топором, ловко прилаженным к поясу, явился наш проводник — настоящий маленький Робинзон!

С молчаливым достоинством бывалого человека он шел перед нами. Мы прошагали не меньше шести километров — и вот она, дача. Антон выложил из рюкзака спички, соль, картошку, самостоятельно разжег камин. Все шло по намеченному плану. Когда пришло время уходить, Антон тщательно загасил тлеющие угли, вынес во двор очистки, убрал хлеб, соль и спички. Мы вышли во двор, и 5-летний Тимур вызвался закрыть огромный висячий замок на двери: он как попало совал ключ в замочную скважину, вертел его, кряхтел — ничего не получалось.

Антон стоял рядом и тихим, спокойным голосом руководил всеми этими действиями. Он не делал ни малейшей попытки отнять ключ и самому закрыть замок. «Ты держишь ключ не той стороной. Вставил? Так. Теперь осторожно поворачивай вправо. Вправо, а не влево. По часовой стрелке. Замок не отпускай, держи крепко».

Вот это воспитание!

Нам приходится все время руководить действиями ребенка, постоянно ориентировать его в нужном направлении, касается ли это обучения речи, чтению и письму, относится ли к воспитанию в нем эстетического чувства, прививаем ли мы ему навыки самообслуживания.

Он усваивает хорошие привычки, и чем шире спектр этих привычек, тем как будто бы больше ваш ребенок приближен к нормальному уровню. Глядя на то, как он управляется по дому, слушая его обстоятельную речь, ваши друзья радуются вместе с вами и искренне хвалят его, стараясь не обнаружить своего удивления. Надо же! Кто бы мог подумать!

Однако не чересчур ли тесен симбиоз? Давайте призадумаемся, не слишком ли мы заменяем ему его собственный мозг, руки и ноги?

Очень зорким должно быть наше зрение, очень острым — чутье.

Чего хочет он сам? Не подавляем ли мы его инициативу незаметно для самих себя?

В кильватере большого корабля плывет крохотная лодочка — не закрывает ли ей горизонт мощное судно, уверенно рассекающее волны?

Все наши усилия должны быть направлены на то, чтобы ребенку самому захотелось читать, помогать вам по дому, чтобы он сам мог найти себе разумное занятие. Что-бы все, чему мы его учим, было только семенем, из которого вырастает большое развитое дерево знаний, умений и, кроме того, желаний, стремлений, его собственных, никем не навязанных.

В детском саду Виталик собственноручно посадил в горшок на окне овес. Через какое-то время появились всходы. Полюбовались. Что дальше? Виталик давно забыл о впечатлении, полученном от этих всходов. А вот если на даче у него, будет собственная маленькая грядка, его небольшое личное хозяйство — это другое дело. Пусть там растут редис, укроп, овес - что угодно. Можно копать, полоть, поливать, собирать урожай. Конечно, не с утра до ночи, не слишком напрягаясь, совмещая приятное с полезным.

Саркис рвет на куски листья травы, кладет в большую кастрюлю, долго мешает — «варит кашу». Через некоторое время родители видят, что он поровну разложил листочки в миски всех трех собак во дворе. Папа, мама и бабушка наблюдают за всем этим с улыбкой — подражание взрослым, игра.

Будет ли иметь продолжение эта игра, становясь уже не игрой, а вполне осмысленной заботой о животных?

Я знаю, с каким удовольствием Саркис хватается за веник и тряпку, когда мы заучиваем с ним наши «цепочки», как тщательно он вытирает посуду — поворачивает чашку и так, и эдак, старательно протирает доньшко. Он не терпит беспорядок: мусор — в ведро, крошки со стола - смести, убрать в холодильник продукты... А когда вырастет? Превратится ли помощь по дому в его постоянное занятие, будет ли он подметать, мыть, стирать свои вещи, потому что это станет даже и не обязанностью, а потребностью?

Какими они будут — Ваня, Виталик, Гриша, Коля, Фиона?

Сейчас ребенок еще мал, и, слава богу, в ближайшие десять лет ему есть чем заняться. Возможно, он ходит в школу, учится читать и писать, выполняет домашние задания. Он веселится на детских утренниках, ходит в гости к родственникам, к маминым и папиным друзьям. Там к нему относятся так, как вообще относятся к детям, - ласкают, обнимают, угощают, делают подарки. Он малыш, ребенок, трогательное, милое существо.

Но вот он вырос, кончил школу. В его распоряжении бездна свободного времени. Чем он его заполнит? Реализует ли то, чему его обучали в школе? Научившись читать — читает ли он книги? Какие? Все ту же «Муху-цокотуху»? Есть ли у него любимые передачи по телевидению? Привиты ли ему навыки самообслуживания или по-прежнему ему завязывают шнурки на ботинках и застегивают пуговицы на пальто?

Конечно, родителям куда легче, проще и быстрее сделать все самим. Но посмотрите на все это под другим углом зрения, подумайте о нем самом, о

вашем ставшем взрослым ребенку: какое это тягостное состояние — не знать, чем заняться, ничего не уметь делать.

Безусловно, родителей никак нельзя упрекнуть в эгоизме. Да, всю свою жизнь вы посвятили ребенку, не оставили его, не бросили. Не предали, не отдали в чужие руки, растите его как можете. Но может быть, и вы, и ваш ребенок были бы гораздо счастливее, если бы с самого начала он не пользовался лишь результатами ваших трудов.

Все эти годы вы делали за него очень многое из того, что он мог бы — пусть не сразу, пусть постепенно — научиться делать сам. И как грустно наблюдать теперь, что и в малом, и в большом он по-прежнему от вас зависит. И впереди еще годы и годы такого существования — хорошо, если под маминым и папиным крылом.

Думать об этом горько. Но ведь все в ваших руках! Давно известно: что посеешь, то и пожнешь. Еще есть время. Принимайтесь за дело. Не откладывайте.

За все время работы я не встречала среди детей с синдромом Дауна ни одного, кто не хотел бы учиться. Очень скоро поощрительные призы — бананы, конфеты и машинки им уже не требуются. На моих глазах происходит превращение безгласного существа в личность, в ребенка, которому все интересно, который думает, рассуждает, читает, проявляя при этом удивительные настойчивость и терпение.

Родители моих учеников становятся моими активнейшими помощниками. Только благодаря их подвижничеству и неустанному труду были достигнуты результаты, о которых я пишу в этой книге, и я надеюсь, что нам предстоит еще долго трудиться вместе, чтобы продолжить начатое. Ибо все достигнутое — только начало, только фундамент, на котором будет строиться вся дальнейшая работа.

Методика растет вместе с ребенком. Рассказы, сказки, дневники 10-летних Вани и Гриши должны значительно отличаться от их сочинений в 6-летнем возрасте. Обучая их писать, мы будем прибегать ко все новым и новым приемам. А книги? Что дети будут читать, когда вырастут? Смогут ли они не только прочесть, но и понять - обязательно понять! — то, что читают нормальные дети в школьном возрасте?

Дальнейшее органичное, осознанное, осмысленное усвоение изучаемого материала, развитие самостоятельного мышления — вот что я ставлю своей задачей. И при этом конечно же считаю необходимым ни в коем случае не создавать непосильных для ребенка трудностей и соответственно перегрузок, не насаждать знания по принципу «побыстрее и побольше». Обучение должно идти легко, естественно, без насилия над возможностями ребенка.

Работа с детьми включает в себя так много направлений, должна постоянно разрешать такое количество проблем, что попытки исчерпывающего описания всех ее аспектов не представляются возможными. Все эти аспекты, сведенные в единую систему, должны способствовать решению главной задачи — возможно более полному преодолению разрыва

между умственным развитием ребенка с синдромом Дауна и его нормального сверстника. Именно, в этом я вижу цель и смысл своей деятельности. Мой опыт доказывает, что целенаправленная, систематическая, упорная работа в этом направлении со временем может дать очень хорошие результаты.

Я надеюсь, что у нас будет возможность проследить за дальнейшим ростом героев этой книги. Надеюсь, вы полюбили их, и хочу верить, что предлагаемый мною метод поможет вам воспитывать и учить ваших собственных детей.

В ближайшее время я предполагаю также выпустить книгу, в которой будет изложена моя методика обучения чтению детей с синдромом Дауна дошкольного возраста. Обучая их чтению, я не встречаю никаких особых затруднений. Они учатся читать на удивление легко и быстро, приступают к этому в 3-летнем возрасте и к 5—6 годам в состоянии самостоятельно прочесть книги для детей младшего школьного возраста, такие, как «Дюймовочка», «Незнайка на Луне», «Золотой ключик», «Сказку о рыбаке и рыбке» и т. д.

Вам осталось познакомиться с разделом, в который вошли письма мои и детей, а также дневник 6-летнего Гриши. В следующем году дети приступят к тому, чтобы учиться писать самостоятельно: хочется верить, что дело пойдет достаточно легко. Впереди еще много-много интересного. И я надеюсь на встречу в будущем, на то, что вы и ваши дети станете нашими друзьями.

Переписка друзей

ГРИШИНЫ ДНЕВНИКИ

Дети сочиняют сказки, диктуют маленькие рассказы о своих наблюдениях, впечатлениях. Писать они пока не умеют, будут несколько лет обучаться этому в школе. Возникает вопрос: какое практическое применение своему умению писать найдут они в дальнейшем? Смогут ли написать по собственной инициативе хотя бы несколько строк в поздравительной открытке, а самое главное — захотят ли это делать? Сами-то мы постоянно что-то пишем - заполняем бланки заявлений, переписываем служебные бумаги, наши друзья и родные хоть и редко, но получают от нас письма. А задумывались ли вы над тем, для чего мы учим писать детей с синдромом Дауна? Только ли для того, чтобы они выполняли письменные задания в школе? А после школы?

Если ребенок в состоянии продиктовать рассказ о событиях своей жизни, то такой рассказ можно положить в основу письма, которое вы вместе с ним пойдете отправлять бабушке, дедушке, живущим в других городах родственников. Зайдите на почту, купите конверт, наклейте марку... Написание писем превратится в увлекательное занятие, которому ребенок в дальнейшем сможет посвятить свое свободное время. Если он пишет письма, то почему не вести еще и дневник? В дневниках и письмах отразится процесс развития его речи и мышления, будут запечатлены большие и маленькие события в жизни семьи. И когда-нибудь вы сами себе скажете спасибо, что приучили своего дитя к подобному занятию.

Когда моему племяннику Тимур исполнилось 2,5 года, я сказала ему: «Давай напишем письмо бабушке?» — «А как?» - спросил он. «А вот так - возьмем бумагу и ручку, ты будешь рассказывать ей обо всем, что происходило в детском саду, о том, какие мы книжки читаем, куда ходим гулять и т. д. Надо сказать, что к этому времени Тимур уже хорошо говорил и вообще достаточно много знал.

Этих писем могло бы быть гораздо больше — сейчас я очень жалею, что мы писали не так уж часто. Сколько драгоценных жемчужин детского творчества не появилось на свет из-за лени, недомыслия, отсутствия у взрослых людей свободного времени — причина всегда найдется. Вы сможете сравнить эти письма с письмами и дневниками 6-летнего Гриши — вас очень обрадуют и обнадежат выводы, которые вы при этом сделаете.

2 года 6 месяцев.

Дорогие бабушка и дедушка, мы вам пишем письмо. Мы ходили в лес. Мы прыгали через костер с дядей Володей на руках, он меня держал и перешагивал через костер. Мы кушали и стали есть печеную картошку, и вдруг начался дождь. И мы пошли из леса, и у меня устали ноги. Мы пришли к дяде Володе, и мне поменяли колготки. Потом я стал парить ноги. И я отнес ко мне подъемный кран, и машинку, и молоковозку. А потом Илюша перенарядился в старика Хоттабыча, мы покрасили Илюшу печеной картошкой и получился старик Хоттабыч с полотенцем на голове. На нем был халат. Он был без цветочков, этот халат, был он полосатый, зеленый. Мы ходили пальму покупать в «Детский мир» — игрушечную, из пластмассы. На пальме были игрушечные обезьяны. Мы утром ходили пистолет покупать и куколок, с конем одна и одну тете (с кошечкой). У нас был праздничный обед, и свой суп я вылил тете на тахту.

До свидания, бабушка и дедушка, целую крепко. Все, конец. Много уже написали. Конец.

Тимур

Дедушка, как твое здоровье? Приглашаю тебя в новую квартиру, в которой я кошку заведу. Не скучаешь ли ты, мой дорогой дедушка? Как ты ходишь на рыбалку? Сделай мне такую же удочку, как у тебя. Пожелаю тебе крепкого здоровья и крепко-крепко целую. Все, больше нет выдумок в голове.

Тимур

2 года 9 месяцев.

Дорогие папа и мама!

Мне купили новых солдатиков и тачанку. Я на гладильной доске играл. Мы решили сделать книжку про Ослиное царство. Я нарисовал там тюрьму. Я ее привезу в Москву. И обложку делали. В этой книжке пишется, что там (в тюрьме. — Р. А.) было страшно и темно. И в мешке несли Сашу Дмитриева. И он порвал дырку в мешке и там высунул ногу в дырку, и на ней уже произрастало копыто. Вчера был День авиации и над нашей крышей летели самолеты. Я их пытался словить. В Ослином царстве Саша Дмитриев съел все сладкое, смеялся на спектакле и навсегда остался ослом. Я болею, поэтому ничего написать не могу. До свиданья, мама и папа. Как новая квартира? Там хорошо уже?

Тимур

Дорогая бабушка!

Мухтар — это песик. Его ранили в ухо, в голову и в легкие. Его перевязали. Он был хороший песик. Ты уже, наверное, волнуешься, потому

что Мухтара ранили. События развивались плохо, потому что его ранили, когда он воевал. Она жива, эта собачка: Когда его учили на учебе, он полез по лестнице и его проводник сказал: «Хорошо». Это была отличная собака. И вот Мухтар кусал, кусал этих бандитов. Вот, бабушка, и все.

Тимур

4 года 1 месяц.

Дорогая бабушка!

Соседний мальчик из другой квартиры забрал у меня черепаху, это его черепаху, он сказал. А я ее нашел во дворе, в —травке, и теперь она была моя: Бабушка, ты не знаешь, сколько живут вороны? Тетя сказала, лет триста, а черепаху—сто, это меньше. Когда она состарится и они понесут ее хоронить, я поведу свою ворону мимо гулять (мимо похоронной процессии — Р. А.). Она живая будет, а черепаху нет. Только жалко ее (черепаху. — Р.А), у нее такая хорошенькая головка!

Я похоронил жука в огороде. Помахал он лапкой на прощанье и умер.

Бабушка, передаю тебе привет, и дедушке, передаю, и всем

Твой внук Тимур

4 года 1 месяц. Письмо написано по поводу стихотворения Лермонтова - «Морская царевна».

Бабушка, напишу тебе письмо, а ты читай.

Царевич в море купал коня. Вдруг ему послышалось: «Приди к нам! Переночуй, мы будем с тобой играть. Мы будем играть в водяные препятствия, в водяного царя». — «Я царская дочь!» — она кричала. На ней была чешуя, она была такая красавица! А он говорит: «Ну постой же!» — и схватил ее за косу и вытащил, и показал своим солдатам. А они посмотрели — а она не царевна, а чудище уже. И они говорят: «Посмотри хоть, какая не царевна у тебя, а чудище».

Бабушка, сошей мне русалочий костюм, царевича этого и крабичий. Сошей гномичий костюм. Мы будем ходить по улице и раздавать подарки. Я увижу снежную гору и за нее спрячусь, если полицейские придут. Они скажут: «Ах, это гномы», — и уведут нас.

Сошей нам палатку. Мы повесим крупное объявление, что здесь раздают подарки. Это будет на Новый год. Бабушка, ты с нами пойдешь?

Тимур

4 года 3 месяца. Письмо написано по поводу стихотворения Лермонтова - «Воздушный корабль».

Дорогая бабушка!

...Еще напишу про императора. Он на могиле похоронен на острове Святой Елены. К нему корабль приплывает, к этому императору. На нем флюгера не шумят. Чугунные пушки в люки глядят. На нем матросов нет и капитана тоже. Он садится за руль и отправляется к берегам Франции милой. И кричит громким голосом солдат своих. Но они уже умерли. Снова кричит он усачев-гренадеров своих. Но иные погибли в бою. И плачет он, и сердце у него тоскует. И садится на корабль, в обратный пускается путь. Этот корабль приплывает на день его рожденья. Этого императора звали Наполеон. Мне даже стало его жалко, так что я чуть-чуть не заплакал. Выходит он, кличет свое войско, а войска нет. Бабушка, а тебе его жалко? До свиданья, милая бабушка. Твой внук Тимур

5 лет. Письмо написано балерине Нине Сорокиной после посещения балета «Чиполлино».

Дорогая Редиска, ты нам очень понравилась. Мы пришли в Кремлевский дворец и посмотрели спектакль, а потом я сказал тете, что ты понравилась мне. И я решил диктовать письмо. Понравилась тем, что ты очень красивая и хорошо играла. И был очень красивый у тебя наряд. Если бы у меня были цветы или медальончик, я бы тебе подарил, а так у меня ничего не было. Я тебя очень хорошо разглядел, потому что сидел близко. Передай, пожалуйста, жандармам, что они мне тоже очень понравились. И еще лимоновская гвардия. Передай, пожалуйста, начальнику полиции, что он мне тоже понравился. А Лимон тоже очень хорошо играл свою роль.

Я хотел где-нибудь на остановке тебя встретить и что-нибудь подарить, потому что один раз я выходил из цирка и видел, как на той же остановке стояли три клоана (клоуна. — Р. А.), На них были пальто и шапки. А один клоан был в шляпе.

Ты очень хорошо выступала.

Сначала я думал, что вот эти плетеные домики — это корзины, а потом мне тетя прочитала программу, и я узнал, что это домики для овощей(действующих лиц. — Р.А.).

Как это ты так хорошо научилась танцевать и где?

Я хожу в детский сад. Я уже, по-моему, пол-Москвы обсмотрел. Был в театре Образцова, на Волхонке, в разных местах. Больше всего я люблю солдатиков и книжки про войну, а бабушка у нас любит картины и искусство. Это в ее духе. А ты, мне хочется знать, любишь ли искусство? А если будет следующий спектакль, ты снова будешь играть роль Редиски? Или будет другая Редиска? Я не думаю, что тебе поручат два раза роль Редиски, но если поручат, напиши мне. А двум Редискам не буду же я письмо писать.

Дорогая Редиска, я думаю, что тебе понравится мое письмо. Ты берешь с собой костюм домой? Наверное, берешь. Наверное, ты очень поздно ложишься спать, ведь тебе еще надо поужинать.

Ты очень хорошо играла в этот раз, и я тебя прошу, чтоб ты всегда играла так, когда будешь еще на каких-нибудь спектаклях.

Умеешь ли ты, Редиска, читать прописные буквы? Я очень люблю книгу такую «Обломов» кусочками (отрывки из книги. — Р. А.). Мне «Обломов» нравится, потому что там очень смешно написано. Он сказал так: «Ты отравляешь мне жизнь, Захар!» Сходи к библиотечнице, пусть она даст тебе эту книгу. И еще мне очень понравилось, как ты сыграла эту роль. Сколько я видел редисок в кино, но такой Редиски я не видал. Красивее этого наряда я ничего на свете не видел.

Я в следующий раз хотел бы взять сильнодействующий бинокль и посмотреть на твое лицо. И мне очень понравились пушка и декорации, где море. Но ты, дорогая Редиска, понравилась мне больше всех, дорогая и милая Редиска.

Будешь ли ты участвовать в Новогодней елке, милая Редиска? Наверное, ты там будешь играть другую роль.

Я ходил в банкетный зал, там было очень красиво, я думаю, ты об этом знаешь.

Тете понравилась очень Вишенка. Эти воины, стражники были внутри железа или за железом? Я сначала думал, что это простые неживые фигуры. Когда выбежали эти люди в пизамах из-за рыцарей (пленники. — Р. А.), я очень засмеялся. Ведь они такие смешные.

В конце я ставлю свою подпись, но я еще напишу.

Дорогая Редиска, ты выступала здесь, а могла бы выступить в другом месте, и я бы не увидел тебя. Моей тете еще понравилась Монголия (Магнолия. — Р. А.), мне Манголия средне понравилась, а больше всех понравилась ты, дорогая Редиска.

Дорогая Редиска, в программе было написано, что был Кактус, но мы его не увидели. Ты, дорогая Редиска, понравилась больше, больше, больше всех овощей.

До свиданья, я потом тебе еще напишу письмо. На этом заканчиваю письмо. Конец.

Тимур

В тот же вечер.

Дорогая Маечка! И Полечка!

У меня появилась новая маленькая машинка, самолетный конструктор и еще игра. Вчера мы были в Кремлевском дворце съездов на балете «Чиполлино». Там были полицейские, Лимон, лимоновская гвардия, Чиполлино, Редиска, там была Вишенка, а Кактуса не было. Мне больше всего понравилась лимоновская гвардия, полиция, но больше лимоновской гвардии и полиции мне понравилась Редиска. Я ей написал письмо. Я был во Дворце съездов в директорской ложе, с нами была еще одна девочка и дядя Игорь. Там были очень хорошие декорации, прямо отличные. Я бы очень

хотел, чтобы вы побывали в этом Дворце съездов и посмотрели этот спектакль. В нем были знаешь какие действующие лица: отец Чиполлино, мать Чиполлино, семья Редисок, отец Редиска, мать Редиска, дочка Редиска. А в семье Чиполлино была еще сестренка Чиполлинка. Дорогая Майя, ты когда приехала ко мне в первый раз, ты мне очень понравилась. Приезжай еще раз. Мы ездили на лифте и прямо попадали в директорскую ложу. Я сначала думал, что ложа директорская — это где лежит директор и смотрит спектакль. Дядя Игорь и Вера, как отец и дочь, а на самом деле дядя Игорь — это ее брат, а Вера — это его сестренка. Это тетины знакомые. Я посоветовал тете, чтобы она поженилась на дяде Игоре. Но я не знаю, поженится ли она. Дядя Игорь нам покупал всякие сладости. Мы приехали поздно, и я лег спать.

Дорогая Маечка, ты, пожалуйста, ответь на это письмо, мы ведь затеяли переписку. В твоём письме было написано, что в Ташкенте был снег, и потом от него ничего не осталось. Так вот, я спрашиваю, а бывает ли в Ташкенте дождь. У нас есть театральный бинокль, я в него утром смотрел.

Это все.

Тимур

5 лет 2 месяца.

Дорогой Бог, здравствуй!

Я хочу Тебе сказать, чтобы Ты вернул назад этих чудовищ: зауроловов, ящеров, динозавров, анкилозавра, диплодока, стегозавра. Чтоб ты нам назад вернул этагозавра, иностранцевила, большую лягушку-сороконожку, рака без шеи и рыбу огромную трилобита. Чтобы их приручить всех.

Я хочу водить их в детский сад на веревке, и все дети, и Денис Устинов будут их приручать. Мы будем давать им много пищи и каждый день будем давать целую кастрюлю с супом. Верни нам птеродактилей.

Он (птеродактиль? — Р. А.) будет меня слушаться, и приведу его я в детский сад. Не пугайтесь, это мой ручной бронтозавр. Я его собираюсь поместить в огромный гараж, собираюсь оставлять его около дома, чтоб жулик никакой не подошел и ничего не украл. Я хочу иметь маленького птеродактиля и потому хочу иметь таких чудовищ, чтоб выводили их гулять. И чтобы на земле появилась старинная растительность. Я буду с ним обращаться (с маленьким птеродактилем. — Р. А.) осторожно, чтобы он меня не покусал.

Надо людям сказать, чтобы не боялись, он очень ручной, и мы его даже будем в колясочке возить, малыша этого. Он будет со всеми здороваться, лапку подавать: «Здрассте, Дарья Семеновна, я еще маленький, меньше своего папы и мамы. Я хочу, чтобы меня водили на канате». Я хочу чтобы Ты выполнил одну просьбу, Бог: прочитай это письмо! Люди их не будут

бояться, потому что я их приручу как следует. Надену такой наротник, как у лошади.

Я Тебе скажу, Господь Бог, что у меня есть кактус, он колется. Он у меня растет, его я поливаю один раз в день. И вообще можно не поливать. Он не любит много воды. У нас есть одна вещь — цветок большой. Ты не можешь его сделать получше, а то у него листья пожелтели совсем, чтоб он рос без всякого пожелтения? Я хочу, чтобы никогда не было никаких вредителей, а муравьи, и лечебные травы были.

Хочу, чтоб Ты сделал мою просьбу. Мы этих зверей приручим. Люди чтоб их не боялись. Они даже не будут есть цветы, а питаться фруктами и супом.

Я хочу Вам сказать, дорогой Бог, до свиданья. Я устал уже диктовать.

Как Ты сделаешь таких животных и пошлешь их на землю? Сумеешь таких животных опять сделать?

Тимур

Дня через четыре озабоченный Тимур подходит ко мне и дополнительно диктует:

Пусть люди не будут бояться этого. Динозавры будут ручные. Мы их очень хорошо приручим.

Гриша начал обучаться эпистолярному искусству в 5,5 лет. Он сразу понял, что к чему, но, как это всегда бывает, вначале не мог определить, с чего начать. Начинать мы с ним решили с описания природы, и я подсказывала ему очередную тему: давай напишем как прошел праздник в детском саду, расскажи, как ты у бабушки гостил, чем ты вчера занимался и т. д. Письма Гриша принялся строчить одно за другим, никакого труда это для него не составляло. Собственно, он их не строчил, а диктовал, строчить приходилось мне и Гришиной маме, но все трое мы были очень увлечены этим делом. А больше всех радовался адресат, Вася, мальчик с церебральным параличом, который от первого до последнего слова знал письма наизусть и тем не менее требовал, чтобы я их ему в очередной раз перечитывала. Глядя на странички, Вася научился читать прописные буквы, во всяком случае всегда точно показывал, где написано то, что я ему читаю. Из груды писем он мог, порывшись, извлечь нужное ему в данный момент, и по каким признакам он их узнавал — загадка.

Все приведенные ниже письма и записи в дневнике продиктованы Гришей в 5—6-летнем возрасте. Безусловно, нам с Гришиной мамой приходилось вначале кое-что подсказывать Грише: эти свои подсказки мы непременно брали в скобки, и они были нашей единственной редакторской правкой. Постепенно скобки почти совсем исчезли, и все, что вы здесь прочтете, от первого до последнего слова написано самим Гришей. Помимо Васи у Гриши появились и другие адресаты. Он пишет мне, бабушке — кому

придется. И, сравнив письма нормального мальчика Тимура с письмами Гриши — мальчика с синдромом Дауна, мы убеждаемся в том, что по своей стилистике они ничем не отличаются друг от друга. Преимущество Тимура в том, что диктовать их он начал гораздо раньше.

Диктовать письма начинает и Ваня. Он на год моложе Гриши, и начали мы с поздравительных открыток, но я уверена — дело у него пойдет!

Ваня переписывается с девушкой-инвалидом Ребеккой, которая живет в Англии. Ребекке 18 лет, Ване 6, но это их не смущает, и я надеюсь, что переписка у них не заглохнет и за горами, за морями у Вани появится друг.

Ваня не совсем понимает, что такое письмо, и постепенно «смешивает жанры», пускаясь то в рассказы о попугае Кеше, то фантазируя на тему о том, как пришла к нему в гости Дюймовочка, при этом совершенно позабыв о своей корреспондентке. И если Гриша всякий раз описывал погоду, то с Ваней мы начинаем с сообщений биографического плана: кто он, сколько ему лет, где он живет, кто папа, кто мама и т. д.

Я тоже пишу письма. Стоит мне куда-нибудь уехать — и в конверте с красивой маркой ребенок получает от меня известие. Письмо адресовано лично ему, это, помимо всего прочего, поднимает его в его собственных глазах. Люди сейчас редко пишут друг другу — ну а мы это делаем!

Здравствуй, Вася!

Обычно пишем про погоду. Погода у нас сегодня не очень хорошая. Солнышка не видно, не блестит на небе. Надо одеваться тепло. Сегодня шел снег и еще будет. Весны нам никак не дожидаться. На небе серые тучки.

Папа наш выходной сегодня. Мы завтракали, нам папа читал, мы слушали кассету «Веселую компанию». Дальше я занимался, потом стал собираться к Ромене Теодоровне. Я выпил живую воду, которую мама нам всегда дает. На урок папа Саша поехал со мной. Маша не хочет, чтобы мама уезжала.

В детский сад мы не ходим, потому что Никита заболел, чихает. Он вместе с Машей сидит за столом. Он лежал в кровати, потому что у него температура, нельзя вставать.

Вася, ты выздоровел или нет? Не болей, Вася, мой дружок. Не болей, пожалуйста, я тебя прошу.

Ну, когда ты приедешь, и вообще должен прийти сию минуту. Я хочу познакомиться, пообщаться. Я не буду тебя обижать, Васька.

До свиданья, Вася. Желаю тебе, чтобы ты не болел, что-бы ты выздоровел, ходил в школу. Привет твоей маме и бабушке.

Письмо оканчивается так: писала Ромена Теодоровна, а диктовал, я, Гриша.

Декабрь 1999 года

Здравствуй, Вася!

Сегодня плохая погода, я в окно смотрел и увидел: снег, зима, небо серое. Солнышка нету.

Я приехал к Ромене Теодоровне, она показала пестренькие яички. Из яичек может вылупиться цыпленок, утенок, гусь и другие, птицы: ворон, голубь, синичка, воробушки.

Дома я играл в кубики, слушал музыку «Бременские музыканты». И смотрел мультики. Там был трубадур, разбойник, животные. Сыщик говорил глупости, «У-е» — его любимая песня. Противная. На этой кассете был людоед и кот в сапогах.

Бабушка звонила и сказала, чтобы я приезжал. Я говорю: «Посмотрю, как буду себя чувствовать». Она говорит: «Постарайся завтра приехать». У нее кашель, и у меня тоже. Она не сказала вообще-то, «здравствуй».

Вася, что ты любишь сладкое? Хочешь в подарок цветы?

До свидания, Вася, желаю тебе здоровья и веселья.

Гриша

Здрйствуй, Вася!

Погода у нас хорошая, потому что много снега. Погода бывает разная: дожди, гром, молния, гроза, снег, мороз.

Сегодня я пришел заниматься к Ромене Теодоровне. Читал, говорил считалочку про котят и дальше стал диктовать тебе, Вася, письмо. Когда я пришел, я увидел Ваню и дедушку, а бабушки его не было. Ваня сидел и занимался. Он читал! Бубнил.

Вася, милый, дорогой мой, миленький! Что ты хочешь на праздник? Что любишь: картошку? сосиски? шашлык (мясо такое)?

Почему я тебя никогда не увидел? Когда ты придешь? Фотографии твоей я не видел, а других детей видел.

Ну все, пока, Вася. Приходи завтра к Ромене Теодоровне.

Письмо диктовал я, Гриша Данишевекий.

Здравствуй, Вася!

Я хочу написать тебе, Вася, что у меня диатез заканчивается. Вася, Ромена сказала, что ты гриппом болен. Вася, как ты болел? Чихал, кашлял, насморк был? Дядя Федор говорит: «Иногда дети гриппом болеют». Он в мультиках есть, такой дядя.

До свидания, Вася, желаю тебе, чтобы ты не болел.

Здравствуй, Вася!

Погода сегодня неважная, плохая. Снег тает. Дождь идет вон там, за окном.

Мы собрались и поехали к Ромене Теодоровне. Мы занимались, и сначала я диктовал всякую чушь. А потом хорошо диктовал тебе, Вася.

Ты получил ли мое письмо?

Второй пункт: про наш дом. Я играл в кубики, в конструктор. У Маши получился большой дом с башней, и я его сломал. Бабушка Тонечка пришла, чтобы попить чай. Мне бабушка рассказывала сказки, а до этого я читал.

Сейчас я не пошел в детский сад, там все болеют, и мы боялись туда попасть. Зимой надо надевать шапку, куртку, свитер. Тamarочка в детском саду надевает шубу, а я пуховик.

Знаешь что, Вася, в следующий раз я опять буду писать тебе письмо. Пиши мне, Вася, диктуй письмо.

Здравствуй, Вася!

Я хочу быть врачом, и Маша хочет быть врачом. Я буду всех лечить, чтоб не болели дети. Собираюсь лечить всех, кто заболел. Слушать трубочкой буду, потом гомеопатию буду давать, горошки лечебные, чтоб не болели все люди.

Вася, кем ты хочешь быть? Врачом, милиционером, например, поваром, музыкантом, трубадуром, как в мультфильме? Я советую тебе книг удат, чтобы ты ее просмотрел: про Мартину, например, манную кашу, «Волшебник Изумрудного города». Там Гингема — это такая противная колдунья. Она ураган подняла, заколдовала девочку. А еще была Баба-яга, она решила заколдовать тетю, скушать ее целиком. Вася, я советую тебе эту книгу прочитать

Что ты еще хочешь такое? Когда у тебя будет день рождения? Сколько тебе лет? Мне, например, пять.

До свиданья, Вася.

В следующий раз я опять буду тебе писать письмо. А сейчас поеду домой. Бабушка придет наша, она живет недалеко от нас, за лесочком.

Маша наша иногда дурит и плачет.

До свиданья, Вася. Желаем тебе здоровья, веселья, чтоб у тебя было много друзей.

Письмо тебе положим в конверт.

Писала Ромена Теодоровна, а диктовал я, Гриша.

Декабрь 1999

Здравствуй, Вася!

Поздравляю с Новым годом, желаю здоровья, чтобы у тебя было много подарков, друзей, веселье.

У меня был день рожденья. Были разные гости. А теперь Новый год, пришел Дед Мороз со Снегурочкой после сна вечером. Была елка. Дети выступали. Костюмы бывают разные: тюльпаны, снежинки, клоуны, ромашки.

Я был Петрушкой, а Маша была снежинкой. Сегодня мы пришли к Ромене Теодоровне вместе с Машей. Мы Р.Т. поздравили с наступающим Новым годом, пожелали ей здоровья. Я подарил подарок.

Дальше мы занимались так. Я читал, стоял неподвижно, не улыбался, а Маша улыбалась, и я выиграл. Нам Р. Т. сказала стоять неподвижно, а сама считала: «Раз, два, три».

А Маша играет, а Гриша занимается.

Мы будем готовиться к торжеству. Мы взяли тазик и в него складывали игрушки, которые на ёлку надо было вешать. Это стекляшки. Были разные: шарики цветные, шишки, колокольчики, бантики, мухоморы. Ёлочка игольчатая игрушек пока нет.

Вася хочешь чего-нибудь сладенького: киндерсюрприз, шоколадку, конфеты, пряники, вафли, печенье? Может, тебе Дедушка Мороз принесет.

Вася, хочешь балалайку, гармонику, ружье? Какие хочешь подарки?

Вася, когда у тебя будет елка?

И последнее: желаю тебе веселья и здоровья.

Писала письмо Ромена Теодоровна, а диктовал я, Гриша.

30 декабря 1999 года.

Здравствуй, Вася!

Как ты живешь? Что ты делаешь там дома? Вася, знаешь что?

Приходи к нам с мамой. Как ты встретил Новый год?

У меня есть Маша. Она золотая просто. Утром она надевает майку, штанишки, носки, тапки и идет завтракать. Она завтракает всегда так: сырок, колбасу, чай, сыр и еще другие продукты. Она отказалась от рыбного супа. Она ест куриный суп. Я люблю больше всего щи.

Елка у нас стоит по центру в комнате. На ней разные игрушки, лампочки, стекляшки. Подарки такие. Перечисляю. Мне подарили один автобус, трактор, а Маше подарили пазлы. Угощение было такое: торт и еще вафли. Маша осталась дома сидеть. Читать, писать она не умеет.

Мама говорит мне: «Сядь прямо, что ты двигаешься». Ругала, что взял трубку телефона. Я думал — звонит бабушка, оказывается, вы, Ромена Теодоровна звоните. Я думаю: «Что за голос?»

Все написали мы. Теперь, Вася, ты мне отвечай. Диктуй, что с тобой, Ваея? Как учишься в школе?

Заканчивается письмо так:

Вася, хотели вымазать Золушку в смоле, чтоб прилипла. А принц-королевич пришел, принес Золушке туфли. Что это за золотая туфелька? Девочка злая чуть не отрубил палец. Мать сказала: «Отруби палец, и все, станешь королевой, не придется тебе идти пешком. Только на карете!».

До свиданья, Вася. Сегодня придет в гости Олечка, ее возит папа, она и на дачу приезжает всегда.

Пиши ответ.

Гриша.
Январь 2000

Здравствуй, Вася!

Погода у нас хорошая. Ветра нету, птички летают, мороза нет. Дети катаются на снегохате на лыжах, на коньках. Катаются с горок. Есть на небе солнышко, я только что смотрел. Оно блестящее, оно не очень круглое, нечеткое, как пятно. Стало немножко теплей, но вообще ранней весной бывает снег.

Мой папа хороший. Он мне читает, у него бывает выходной. Папа выглядит очень хорошо. Мой папа очень высокий, он большой, как туча, лицо у него круглое, волосы черные.

Я говорю глупые вещи, не обращай внимания. Маша причесывает папу Сашу, а я слушаю музыку, разные концерты.

Март 2000 года

Здравствуй, Вася!

Пункт первый. Про погоду тебе сегодня не буду писать, а лучше рассказать про дачу. У нас на даче есть кот по прозванию Пузик-Мусташ. Есть беседки на даче, песочница, там песок. Песочница существует, чтобы из нее копать песок. Беседка — чтобы сидеть. На лавке.

У нас на даче есть гараж, чтоб машину туда заталкивать. В гараже стоит моя детская машинка «Фольксваген». А Машина машинка «Нива».

Клубника растет на грядках, смородина, ягода-малина. Ой ты, ягода-малина, малина, малина!

Далеко ли у вас дача, как вы до нее доезжаете?

До свидания, Вася, желаю тебе кое-что новенькое, всякие новые книжки.

Письмо тебе положим в конверт.

Гриша

Здравствуй, Вася!

Пишет тебе мама Лена, а диктую я, Гриша. Я хочу тебе, Вася, рассказать про вчерашний день. А вчера у Маши был день рождения. Маша — это такая девочка с косичками и с голубыми сияющими глазами.

(Характеристика глаз, их выражения привлекают Гришино внимание весьма часто: «Жила-была муха, и были у нее умные глаза». «Глаза у него были невеселые, в них была грусть». — Р. А.) У нее есть голубые заколочки. Она мне сестра, а я ей брат. Вчера ей исполнилось 5 лет.

С утра мы встали, умывались, одевались, завтракали и отправились в дельфинарий. В этом дельфинарии были дельфины. Нам показывали представление. Они перепрыгивали через кольца, ловили мячи и приносили их обратно тренеру. Они громко кричали, как будто пели песню. Тренер катался на спине дельфина. Он стоял, а дельфин мчался вперед. Это было очень удивительно!

После представления мы все: мама, папа, я и Маша, фотографировались с дельфином. Я его трогал. Он был мокрым.

Вася, а ты знаешь, я могу потом тебе прислать эту фотографию.

Потом мы катались на аттракционах, на поезде. Один мальчик плакал навзрыб [навзрыд]. И его высадили, а поезд поехал дальше. Я нажимал на кнопки, и раздавался сигнал. Потом мы поехали в кафе. Мы там кушали картошку, бутерброды и пили сок. Потом поехали домой поздравлять Машу с днем рождения. Мы ей подарили подарки: куклу, собачку, много книг. Маше очень понравилось все. А я ей говорил всякие пожелания. Потом бабушка приехала, пижаму и петушка подарила. Потом тетя Таня с Алешей приходили и подарили ей кассеты: про Незнайку, про Нильса и про какую-то мышь. Потом мы веселились, играли, кушали, смотрели мультфильм про Незнайку. Потом папа пришел, а за папой Наташа, а за Наташей Дима. Мы сидели за праздничным столом. Маша задувала свечи на торте. Их было пять. Мы погасили свет, в Маша задувала свечки. Потом мы легли спать. Наташа и Дима нас поцеловали.

Вася, когда у тебя будет день рождения? А у меня будет зимой день рождения. Я тебя, Вася, приглашаю на мой день рождения.

До свидания, Вася. Желаю тебе, чтобы ты не болел.

Какие у тебя успехи в школе? Чему ты учишься?

16 ноября 2000 года

Здравствуй, Вася!

Пишет тебе папа, а я, Гриша, диктую. Мы ехали в детский сад. Там было Рождество. Там приходил Дед Мороз и нам подарил подарки: конфеты.

А еще мы были на даче. Там был тоже Новый год. К нам приходили гости: тетя Наташа с Дашей. Они нам подарили шары. К нам еще приходил дядя Саша. Они наши соседи. К нам ещё приходил отец Михаил с Демой. Отец Михаил живет в церкви. Он там работает священником.

На даче мы еще лепили снеговиков. Мы скатывали шары, ставили их друг на друга, сверху мою голову. То есть не мою голову, а голову, которую я слепил. Папа еще принес ведро и снеговика надел на голову. А еще мы сделали нос — морковку.

Что ты сейчас, Васенька, делаешь? Может, ты занимаешься дома? Или ты у Ромены Теодоровны занимаешься? Может, ты стихотворение рассказываешь про кота и Трезора?

До свидания, дорогой Васенька. Желаю тебе, чтобы ты был во здравии, любви и согласии.

Гриша

10 января 2001 год

Я не привожу здесь Васины ответы на письма Гриши, поскольку самостоятельно ответить на них он пока не может, его ответы в значительной степени составлены с моей помощью.

Здравствуй, Ромена Теодоровна!

Пишет мама, а диктую я, Гриша.

Обычно про погоду. Погода у нас сегодня была хорошая. Иногда было солнце, а теперь нет. Оно ушло за тучи.

Теперь про природу. У нас выросла зеленая травка и много белого клевера. Сейчас уже лето. Есть мак и ромашки около беседки.

Ромена Теодоровна, я читаю бабушке книгу толстую, диктую маме дневник, слушаю музыку, всякие кассеты, смотрю мультфильмы, гуляем с Машей, с бабушкой, с мамой, с папой.

Вчера с мамой и Машей ходили за молоком в деревню. Дорога была трудная, потому что крапива росла высокая. И мы с Машей шли и поднимали руки, чтобы крапива не ужалила руки нам обоим. Потом мы подошли к роднику и попили воду и умылись хорошенько. Потом мы по мостику прошли. Дальше пошли в деревню. Дошли до деревни. Старенькая бабушка незнакомая нас не слышала и сказала, что должны скоро прийти Татьяна Николаевна с коровой. И мы пошли их искать. Потом мы их нашли. Мы их нашли у пруда. Татьяна Николаевна позвала корову: «Дочь, вернись домой!» Нам дали молока, и мы пошли домой смотреть мультфильм «Ну, погоди!».

Ромена Теодоровна, с кем ты занимаешься? С Виталиком, с Саркисом, с Фионой, с Колей? Как здоровье, как дела у тебя в Москве идут?

Роменочка, ты хочешь к нам в гости на дачу приехать? На автобусе, или на электричке, или на машине? Мы с мамой приглашаем тебя на дачу. Маша тебя крепко, это значит сильно, ждет.

Роменочка, я по тебе скучаю крепко и пресильно даже. Тебя сильно жду. До свидания, Роменочка Теодоровна.

Писала мама, а диктовал я, Гриша Данишевский. Привет от Маши.

На этом — точка.

7 июня, среда, 2000 год

Здравствуйте, дорогие Маша и Гриша!

Письма ваши я получила, но не могла на них вовремя ответить, так как было много дел.

Мне ваши письма очень понравились, я их читала много раз, и все, кто ходит заниматься, тоже читали и хвалили. Говорили: «Какие замечательные письма!»

Что это за корова Дочь? Чья она дочь? У нас в городе никаких коров, как известно, нет. Автобусы и троллейбусы — вот и все. Идут сплошные дожди. На Проспекте Мира было столько воды на улице, что люди еле выбрались из троллейбуса и им из окна на веревке спустили лодку, в которой они и поплыли. Там образовалось большое озеро. Иногда идет такой дождь, что кажется — это какая-то стеклянная стена.

Ко мне ходит Ваня Алексеев с зонтом и в сопровождении дедушки. Но они ни разу не попали под сильный дождь. Ваня занимается очень хорошо,

уже хорошо читает и вообще молодец. Раз в неделю приезжает Саркис, всегда веселый, всем довольный, выучил все цвета и много слогов, уже начинает читать по книжке.

А Фиона куда-то исчезла.

У нас был праздник. Тимур приехал из страны, которая называется Таиланд. Он привез оттуда очень длинный меч и палочки, которыми можно есть вместо вилки. Такими палочками управляться неудобно, но японцы, китайцы и тайцы ухитряются есть так, что ни одна рисинка не упадет. Привез еще необыкновенные ягоды, которые у нас не растут, и всякие другие фрукты, в том числе кокосовый орех и два ананаса. И мы собрались все вместе и ели эти ягоды. Ели еще мороженое. Приходила Людмила Федоровна, тетя Люся Нефедова — и тоже ела. Но Маши не было, она была на даче у знакомых. Смотрели слайды.

Одну палочку для риса Ваня Алексеев сломал. Но я ее уже склеила.

Тимур фотографировался с тигром, верхом на слоне и в обнимку с обезьяной. Ваня Алексеев обезьяну не узнал, она совершенно черная. Он решил, что это Баба-яга обнимает Тимура. Еще Тимур разбил яйцо над раковиной, и оттуда вылез маленький крокодил. Он на фотографии держит в руках этого крокодиленка. Тимур ездил в деревню в этом Таиланде. Там живут длинношеие люди, в том числе и дети. Они надевают на шею кольца, все больше и больше этих колец, и все длиннее и длиннее вырастает шея. В конце концов она делается такой, что, когда эти люди снимают свои железные кольца, чтобы их почистить, то шея не держится и голова валится набок, как у подсолнуха.

Эти фотографии я осенью всем детям покажу. Я уже скоро должна буду уехать на Украину. У меня не было возможности сделать это раньше. Гриша, Вася очень ждет твоих писем. Ты пиши ему летом, а потом все эти письма осенью ему отдадим. Бедный Вася ездит со своей мамой на дачу и вынужден возвращаться в Москву. Он ходит с трудом, а мама тащит его, за руку и рюкзак за спиной с продуктами несет, потому что у них там нет никакого магазина, даже хлебного. А бабушка работает, а прабабушка старенькая, и Васю не с кем оставить. Вася часто стал плакать. Сейчас уже лето кончается, а в следующем году что-нибудь придумаем с этим Васей.

Спасибо большое за приглашение. Я смогу приехать осенью, если все будет хорошо. Я была в гостях у Вани Алексеева, мы сначала поели рыбные котлеты, посмотрели мультфильм «Золотой ключик» и пошли гулять в лес. Он шел, держа в руках палку, представлял себя Железным дровосеком и колотил этой палкой по деревьям. Он прошел очень большое расстояние пешком.

Ну, вот и все. Передайте привет своим папе и маме: Чем вы занимаетесь, какие успехи? Что интересного происходит?

Обнимаю вас и хвалю за большое, хорошее письмо про эту корову Дочь, про родник, мостик и деревню. Про старушку и Татьяну Николаевну. Гриша,

обязательно учи на память стихи и хорошо их выговаривай. Гимнастику тоже надо делать на свежем воздухе.

Будьте здоровы.

*31 июля 2000 г.
Ромена*

Здравствуйте, Ромена Теодоровна!

Я по Вас очень соскучился. Пишет Вам моя мама, а я, Гриша, диктую.

От Вас получили уже два письма. Они очень интересные, и мы с удовольствием их читали много раз. Ромена Теодоровна, ты осталась дома или в этом городе Умани? Ромена, ну когда же ты приедешь в Москву? Я же буду заниматься у Вас, дорогая Ромеиочка.

Теперь о себе.

Я сейчас на даче отдыхаю с мамой, Машей и папой. Иногда мы ездим в Москву. Маше надо в музыкальную школу, а я ездил в Детский центр к Ире, Лене и Юле. Там было очень интересно. Там был бассейн, наполненный шариками. Потом я играл с Юлей, отгадывал, что под одеялом. А скоро мы совсем переедем в Москву и будем ходить то в музыкальную школу [Маша], то к Ромене, то в Детский центр, то в детский садик и к бабушке Тонечке и бабушке Михайловне.

Сейчас уже наступила осень. Было очень холодно, а сегодня тепло. Погода хорошая. День был солнечный, без дождей. Мы сегодня ездили в гости к Дашеньке и к тете Наташе, ее маме. Мы там смотрели котят, кроликов. Мы брали у дома капусту, чтобы кормить кроликов. Я давал кроликам капусту прямо в клетке, я их гладил. Потом мы пошли к другой тете, смотреть кошек. Моя мама Лена очень любит кошек и хочет взять одного котенка. Когда он вырастет, он будет ловить мышей. Тетя маме говорила, что их коты переловили всех мышей и кротов. Коты пользу приносят.

На даче я занимаюсь:

учу стихотворения,

читаю,

пишу дневник.

А остальное я не помню, чем я занимаюсь. Я еще учу, цифры.

До свидания. Ромена Теодоровна. Желаю. Вам здоровья, чтобы ты не болела и скорее возвращалась в Москву:

Гриша

Здравствуйте, дорогие Гриша и Маша!

Пишу вам письмо из Умани. Это такой город. Москва — город большой, есть метро, трамваи, троллейбусы. А Умань — город маленький, здесь ничего такого нет. Надо ходить пешком из конца в конец. А пешком идти тяжело, когда стоит жара 40 градусов.

Поблизости в деревне была гроза и выпал град. Град состоит из льда. Сыплет как ледяной горох с небес. Но в этой деревне град был величиной с куриное яйцо, тяжелый, как будто камни падали. Очень похожи были градины на куриное яйцо. Точь-в-точь такая форма. Показывали по телевизору.

А вчера я шла, растет на дороге дуб, и я слышу, как что-то по земле все время стучит. Подумала - опять град. А это падали желуди один за другим на асфальт, как дождь, и стучали цок-цок-цок.

Я живу в небольшом доме, дом в саду. Кругом цветы флоксы, а с дерева падают очень крупные яблоки. Все время что-то падает — то яблоки, то желуди, то град.

У моих знакомых есть кот — очень умный. Он все время просится гулять, сидит у двери и ждет, когда кто-нибудь войдет или выйдет, чтобы быстренько выскочить на улицу. Утром он очень рано будит старенькую бабушку, подходит к ее кровати, а во рту держит веточку тоненькую, бабушка его этой веточкой пасет. Намекает ей — хочу гулять, вставай, пойдём. Один раз я своими собственными глазами видела, как он в отчаянии прыгал, старался лапой достать ключ и повернуть его, видно, надеялся отпереть дверь самостоятельно. Он уже знает мои сумки, и, когда видит, что я как будто бы собралась уходить, но стою и разговариваю, он начинает ходить вокруг сумок, как будто хочет сказать: «Скорее уходи, и я с тобой!»

У кота этого очень красивые белые усы, завиваются кольцами и такие же брови, а сам он черный. Он где-то пропадал, вернулся — а с одной стороны бровей-то нет! Наверное, выдрал другой кот, счастливый соперник.

На занятия ходили до самого моего отъезда Сима Щукин и Ваня Алексеев. Ваня Алексеев уже хорошо читает.

Сегодня пасмурно, все вокруг как будто грустите

До свиданья, Гриша и Маша. Будьте здоровы, привет всем вашим друзьям и родственникам.

Р.Т.

29 августа 2000 года

Здравствуй, Наташа!

Пишет тебе мама, а диктую я, Гриша Данишевский. Мы хорошо отдыхаем. Играем, гуляем, в беседке играем. Вчера мы с Машей играли в беседке: кричали, что у нас какой-то пожар, каким-то незнакомым дядя. Это Маша кричала. Мы с Машей порвали папины документы. Дотом нас мама наказала серьезно. Мама нас послала домой и наказала плеткой и уложила спать.

А потом вечером мы с папой и Машей пошли за молоком. А мама не пошла. Ей нужна было клубнику сажать. Мы у мамы попросили прощения за такое поведение.

У нас будет новый забор. Нам его построят рабочие. Они к нам приходят каждый раз и делают нам забор.

Наташенька, спасибо тебе за вкусный виноград кишмиш. Как здоровье, Наташа? Как дела у тебя, Наташенька? Когда ты к нам приедешь? На джипе?

До свидания, Наташенька. Привет от нас всех Диме.

Целую тебя крепко и обнимаю.

Гриша

Р. S. Еще передаю привет бабе Вере. Передай ей, что я больше никогда не буду так плохо говорить.

Здравствуй, бабушка Тонечка!

Пишет тебе мама Лена, а диктую я, Гриша.

Как ты себя чувствуешь? Как отдыхаешь? Что ты делаешь у себя дома?

Мы уже приехали в Москву окончательно. Маша сейчас паровоз раскрашивает, а я, Гриша, занимаюсь.

Мы сегодня встали рано, чтобы папу проводить на работу. Мы сегодня ходили к врачу, но не удалось попасть туда, потому что было много народу. Попадем, наверно, завтра утром рано. Завтра мы Машу отвезем в музыкальную школу, а сами будем ее ждать. А в среду мы с Машей пойдем в детский сад. А вчера приехали с дачи в Москву и сразу пошли к Алеше в гости. У него был вчера день рождения. Мы подарили ему цветы и открытку. Ее нарисовала Маша. А писала мама Лена, а мы диктовали ей. У Алеши в гостях еще был Родион с мамой и папой. Мы там кушали за праздничным столом, в кубики играли, в прятки играли, мультики смотрели. Было весело и хорошо. А папа Саша был на работе. И пришел поздно, когда мы уже были в постелях.

На даче мы отдыхали хорошо, гуляли, резвились, бегали. Но лето кончилось, и наступила осень. И листочки все падают с деревьев. Я видел, когда мы шли по улице. Нужно ходить в музыкальную школу, в детский сад, к Ромене на занятия, к Ирине Анатольевне. И вообще, браться за ум. Хватит уже отдыхать!

До свидания, дорогая бабушка Тонечка! Желаю тебе, чтобы ты не болела, была здорова. Приезжай к нам в гости, дорогая бабушка Тонечка.

24 сентября 2000 года

Дорогой Вася!

Напишу тебе про одну собаку, которая неожиданно у меня появилась.

Шла я по улице в одном маленьком городе и вдруг вижу — собака лежит и умирает. Она, бедная, попала под машину. Вокруг собрались люди. Они постояли-постояли да и разошлись. Осталось трое: я, хромая старушка и молодая девушка. Девушка сказала: «А собачка-то моя!» - повернулась и

ушла. Я думала, она отправилась за носилками или за кем-нибудь, кто бы отнес собачку домой. Но нет. Она не вернулась.

А было очень холодно, и я подумала: «Что же бедный пес будет околевать на улице, пусть уж умрет дома, в человеческих условиях». Взяла эту псину на руки — а она довольно-таки крупная — и кое-как поплелась домой, а за мной поковыляла хромая старушка, которая проводила нас до дверей. И я положила собаку на пол и ушла к знакомым, чтобы не видеть, как она умрет.

Пришла я — собака жива. Я поместила ее под столом. Несколько дней она ничего не ела, а потом потихоньку стала поправляться, но очень медленно. Я ее выносила на руках во двор, и она лежала на травке и листьях. У нее осталось только три ноги — две передних и одна задняя, а еще одна задняя была сильно повреждена.

Между тем становилось все холоднее и холоднее. Мне надо было съездить в Москву за теплой одеждой. И я уехала.

Когда приехала, то увидела, что собака выползла в коридор и лежит в темноте как мертвая, я ее зову, она не отзывается, не поднимает даже головы. Видно, она решила, что я ее бросила, и ни на что хорошее уже не надеялась. Но потом она воспрянула духом, и мы с ней стали чистить овощи для салата, потому что на завтра должны были прийти гости. Я чистила, а она лежала и смотрела.

Наступил день рожденья, ко мне приехал мальчик из Москвы, Антон, и мы с ним вывели собаку во двор и даже повели ее со двора на главную улицу. И вдруг она как пустится бежать на трех лапах! И убежала от нас стрелой. Она, наверное, узнала улицу и вспомнила дорогу домой, к своей прежней хозяйке.

Мы с Антоном пошли домой и видим, что гости, позвонив в нашу дверь и не дождавшись нас, спускаются по лестнице с вытянутыми лицами и с подарками в руках. Никто им не открыл, потому что мы бежали и искали эту собачку.

Все гости принесли в пакетах кости. Один Мальчик подарил мне игрушечного пуделя, а самое лучшее поздравление было такое — открытка, на ней собачка с бантиком и надпись: «Дорогая Ромена, желаю тебе счастья и здоровья. Пусть все твои друзья будут так же преданы тебе, как твой новый четверногий друг!»

Вася, тебе не кажется странным, что собака убежала к хозяйке, которая бросила ее помирать на улице, а про меня забыла в ту же минуту, как поняла, что я ей уже не нужна?

Ромена Теодоровна
февраль 2001 года

P.S. Вот так бывает в жизни: когда собака лежала в темноте коридора одна, она думала, что ей наступил конец, и никак не предполагала, что сбудется то, о чем она уже и мечтать не смела, а именно: что она вернется в свой настоящий дом.

Здравствуй, Вася!

Пишу тебе письмо из С.-Петербурга. Здесь очень хорошо. Я хожу по улицам и люблюсь красотой города.

Во-первых, здесь огромное небо, во-вторых, большая река Нева. Стоишь на мосту и смотришь, как плывут облака по небу. А мост - тоже красота, перекинут с одного берега на другой торжественно и величественно. Идите, люди, ходите взад-вперед, пока его не развели. А это значит, что посередине образуется щель, и обе половинки моста вместе с фонарями и рельсами, по которым ходят трамваи, поднимутся вверх и будут стоять торчком. Вместо щели образуется дыра. Происходит это поздним вечером, так что, если опоздал перейти на другой берег, сиди и жди до утра, пока мост снова не соединится.

Вчера я шла-шла и наткнулась на странный памятник. У двери дома стоит человек (железный, не живой), на шее шарф. А рядом - стул. Настоящий стул, и тоже из железа. Это Остап Бендер из книжки. Когда-нибудь ты ее прочтешь. Очень веселая книга и очень веселый человек. Он все искал бриллианты, добывал их из стульев. Разрежет сиденье, испортит стул -бриллиантов нет! А так ему хотелось их найти! Вот и здесь, в этом стуле, надеется их обнаружить.

Еще есть памятник птичке. Поместили железную птичку-чижика над речкой Фонтанкой, можно подумать -она присела, чтобы напиться. Это чижик из песенки «Чижик-пыжик», которой теб ябабушка научила.

Про памятник Медному всаднику напишу в следующий раз. Этот памятник уже в другом роде.

Здесь у моих знакомых есть собака. Она вообразила, что у нее родились щенки. Целый день сидит под стулом и никого не подпускает, все должны обходить этот стул стороной. Якобы она охраняет этих щенков. А никаких щенков на самом деле нет.

Вася, я желаю тебе здоровья и успехов. Скоро увидимся.

*Ромена Теодоровна
Март 2001 год*

Здравствуй, Ваня!

Ехала я в Поезде так: в купе нас было четверо — я, еще одна женщина, молодая девушка и парень. Парень где-то бродил по поезду, потом принес шампанское и поздравил нас со своим днем рождения. Ночью он с грохотом рухнул с верхней полки. Можешь себе представить? Вот такое было приключение.

Я уехала из Москвы, когда только-только проклевывалась травка, а листиков вообще еще не было. Приезжаю на Украину — все цветет! Деревья все в цветочках, солнышко сияет, зелень кругом. В саду нарциссы стоят, как солдатики, на своих высоких, длинных и худых ножках, белые мордочки радостно выставили. Свеженькие, чистенькие, с маленькими круглыми ротиками. И тюльпаны расцвели.

Здесь я встретила прошлогоднюю девочку. Она опять ходит в оранжевых сапожках! У нее, наверное, ноги не растут. Либо у нее большой запас таких сапог. Эту девочку я называю Шуз Оранж. В прошлом году она постоянно носила на руках собаку, а если собаке удавалось убежать, то девочка ходила по улице и кричала: «Гэля! Гэля! Гэля! Гэля!» — всем соседям было слышно, что Гэля вырвался на свободу. Она говорит «г» почти как «х». На Украине все так говорят.

Мы с этой девочкой соорудили маленький садик. Наломали прутьики, кое-как их удалось сплести и огородить наш участок забором, который называется «плетень». В землю вкопали миску и мьльницу с водой, получилось два озера, большое и маленькое. Проложили дорожки, уложив аккуратно мелкие камешки. И построили дом из глины, называется «мазанка». Мы его даже побелили.

Трубу сделали на крыше, а потом прямо в доме развели костер, чтобы из трубы валил дым. Мы хотели в окна повесить занавески. Но у нас ничего не получилось. Еще мы сделали погреб для хранения продуктов. Сделать такой погреб просто — надо выкопать яму, а сверху аккуратно положить прутьики.

Мы провозились с домом и садом до самого моего отъезда. И потом я уехала. Шуз Оранж опять вцепилась в свою собачку.

Вот и все, дорогой Ваня. Как только я окажусь в Москве, я тебе позвоню. Будь здоров. Передай привет маме и бабушке.

Ромена Теодоровна
Апрель 2001 г.

Вдохновленная рассказами Вани и Гриши об их пребывании в гнезде у вороны, я посылаю им свой рассказ о вороне — Ване в стихах, Грише в прозе.

Здравствуй, здравствуй, милый Гриша! И Маши!

Расскажу вам, как мы с одним мальчиком нашли вороненка. Идем и вдруг видим - трепыхается на земле птенец, вывалился из гнезда, бедняга, а летать не умеет и вернуться домой к себе не может. Что делать? Подобрали мы его, чтоб кошка не съела, и понесли домой. Принесли. Он забился в уголок от страха, перья и пух торчат во все стороны, раскрывает клюв, чтоб напугать нас, и крыльями машет. Решили мы соорудить ему гнездо и приспособили для этого дела красивую металлическую вазу. Ему она понравилась, он согласился в ней обосноваться, залез в нее и успокоился.

Мы его кормили, поили, но в комнате было холодновато. И мы зажгли электрический камин. Наш вороненок Кеша почувствовал, что от камина идет тепло, и полюбил этот камин, как родную маму. Он близко-близко подходил к камину, раскрывал крылья как можно шире и прижимался к камину грудью. И не замечая, что перья у него начинали гореть, потому что, когда горят перья, этого никто не чувствует, пока дело не дойдет до кожи. Когда начинало припекать и становилось слишком жарко, Кеша камин по

кидал. Но затем по комнате снова разносился запах паленых перьев, и мы уже знали - Кеша опять обнимает камин.

Вот так он у нас совсем освоился, жил, подрастал, и мы решили взять его на прогулку. Несли его на руках, но на всякий случай привязали к Кешиной ноге длинную веревку. Думаем — вот выйдем на травку, пускай попасется, а мы будем его за эту веревку держать. А Кеша наш как взлетит на березу! Мы его оттуда ели сдернули. Мы-то думали, что он летать совсем не умеет.

Наконец я решила избавиться от Кеши, потому что мне уже надо было уезжать в Москву. Я его понесла в овраг на травку, он уже был большой птенец, а вокруг оврага росли кусты, и в них селились вороны. Ну, думаю, в беде они его не оставят, будут кормить, научат летать, и в конце концов он долетит до этих кустов, благо не так уж далеко.

Я посадила Кешу на траву, и вдруг откуда ни возьмись мчится ворона. Стрелой ко мне подлетела и так стала орать - я чуть не оглохла. За ней другая, третья. Кружатся надо мной и орут. И тут со всех сторон, из всех кустов повылетали вороны. Небо стало черным, их были тысячи! Они так каркали, что из всех домов повыходили люди и тоже стали кричать и махать руками. Вороны летали у меня над головой, они хотели разорвать меня на части из-за этого вороненка. Думали, я его украла. И тут Кеша как взлетит в небо! Точно ракета! И через несколько секунд я уже не могла отличить его от других ворон, он среди них потерялся. И стал уже не Кешей, а просто вороной.

Ему совершенно не понадобилось, чтобы его учили летать. А мне стало грустно оттого, что я столько сил положила на этого Кешу, спасла его, он у меня дома жил - и пожалуйста, улетел, и все.

Желаю вам хорошо провести лето и вернуться в Москву полными сил и здоровья.

Ромена Теодоровна
Июнь 2001года

Дорогой Ваня! Я посылаю тебе стихотворение.

В ВОРОНЬЕМ ГНЕЗДЕ

Еще весна не наступила
(Боялась зимних холодов) —
Ворона по двору ходила,
Ломала ветки у кустов.

И что хлопочет утром ранним?
Зима еще! Что за аврал?
Она готовила заранее
Строительный материал.

*Куда-то ветви относилa.
Не тратя понапрасну слов,
Гнездо себе соорудилa.
Весна пришла — и дом готов!*

*Но что за дом! В нем жить опасно!
Глянь! — палки из него торчат!
И в этой куче дров ужасной
Растить ты будешь воронят?*

*Не беспокойтесь! Воронята
Не избалованный народ.
Они отважные ребята,
В гнезде их пятеро растет.*

*Они толкаются, дерутся
И на родителей орут.
Весь день кричат: ждут не дождутся,
Когда им червячка дадут.*

*-Вон муху тащат! Ешь живее!
-Да не толкайся ты, чудака!
Крыло ломаешь. Дам по шее!
- А это что там за червяк?*

*- Какой червяк? Ведь это Ваня!
-Зачем он нам? Вот маета!
Он будет драться, хулиганить
И дергать перья из хвоста.*

*Ну что за трусы вы, ребята!
Ведь я могу вам слово дать,
Что малых деток-вороняток
Не будет Ваня обижать.*

*Вам Ваня карточки покажет,
На все он точный даст ответ,
Свои вам сказочки расскажет.
И не изнежен он. О нет!*

*Его водою поливают,
И он на голых досках спит,
Он в шесть утра уже читает,
А в семь в автобусе сидит.*

*И прилетел он не случайно
У вашей мамы на спине —
Ведь Ваня — паренек отчаянный,
Он — богатырь, поверьте мне!*

*Обучит вас он физкультуре.
Вам надо многое узнать:
Ведь это просто на смех курам —
Вы не умеете читать!*

*Наловит Ваня в речке раков
И рыбу редкую «сому»,
В ведре устроят раки драку
И погрозят клешней ему.*

*Как Ваня свой улов дотащит? —
До дома два часа плестись!
Рак на него глаза таращит.
Ох, тяжело ведро нести!*

*Он и уху сварить сумеет,
И торт испечь. Всех пригласит:
За стол садитесь поскорее!
Вас Ваня тортом угостит.*

*Рука моя писать устала,
И, чтобы наступил конец,
Прочтем мы этот стих сначала,
И скажем: «Ваня — молодец!»*

До свиданья, Ваня. Понравилось ли тебе это стихотворение?

Р. Т.

Ваня пишет Ребекке.

Здравствуй, Ребекка!

Я живу дома. У меня есть мама, дедушка Вадим, бабушка Тамила, и папа, и Вероника. У меня есть Карлуша. Это попугай. Он живет в клетке. И делает свой урок, учится говорить. Говорит: «Карлуша хочет кушать. Карлуша — хорошая птичка. Пойдем, пойдем, пойдем».

Я живу в Железнодорожном. Моя мама ходит на работу и зарабатывает деньги и покупает мне булки хлеба. (Так Ваня трансформирует выражение «зарабатывает на хлеб». — Р. А.)

У меня был день рождения. Я испек пирог для гостей. Я один ел пирог. А гости были голодные. Я дал кушать гостям крошки. Поели и сказали:

«Какой жадный Ваня». Я дал всем гостям. Они поели и сказали: «Спасибо. Теперь все хорошо»? Это была шутка.

Карлуша прыгал по столу. «Какая маленькая вредина», — говорили гости. Карлуша полез к дедушке в карман и достал конфету.

Ребекка, у тебя есть попугай? Или кошка? Или собачка? Я тебе еще напишу письмо про свои книги, карточки и как я ходил гулять с дедушкой на пруд.

До свидания, Ребекка.

Ваня

Здравствуй, Ребекка!

У меня есть Дюймовочка. Она убежала от жабы и крота к моему дому и позвонила. «Я хочу кушать и спать и пить», — она сказала. Я ее напоил.

Я, Ребекка, выучил стишок про котят и могу рассказать. Я еду к Ромене заниматься, беру карточки, книги, и записи, и тетрадки, прихожу к ней и учусь. Слушаю оркестр, а дедушка нарезает бананы. Потом я задаю вопросы Ромене. Я ее хвалю, она правильно отвечает. И я ей читаю толстую книгу.

У Ромены я слайды показываю указкой и рассказываю, что нарисовано на картине.

Я сочиняю сказки, могу и тебе сочинить, а ты будешь слушать.

Пока, Ребекка, напиши мне. Кошечка у тебя есть?

Ваня

Дорогой Виталик!

Я очень рада, что ты наконец выздоровел. Приходи скорее, у нас появились новые книжки, и мы собираемся пойти в лес. За время болезни ты, наверное, очень вырос. В одной хорошей детской книжке говорится: «За время болезни дети вырастают потому, что растут в обе стороны. А когда они здоровы, расти быстро им снизу мешает пол». Мы тебя измерим у двери.

Не болей, пожалуйста, мы все тебя очень ждем.

Ромена Теодоровна

1 июня 2001 года

Гришины дневники могли бы составить целый том, он диктует их вот уже второй год. Записей неисчислимое множество, все они подробны. Напомню: все взятое в квадратные скобки — уточнения Гришиной мамы. Их и вообще-то немного, и чем дальше, тем становится меньше.

29 мая. Понедельник.

Сегодня хорошая погода, дождя нету пока, небо голубое. Светит солнце на голову мне. На улице жарко. Сейчас уже лето: травка уже зеленая, все

деревья с зелеными листочками. Очень много одуванчиков — они сейчас белые. А были желтые. У нас на даче много разных кустов — я не знаю их названия. Есть еще огород — это грядки с овощами.

Позавчера мама с папой и Машей ездили за курами. И купили их специально, чтобы они жили в курятнике и несли яички. Они рыжие и белые, их всего пять.

Когда я проснулся, я пошел в комнату к бабушке Тонечке. Она еще спала. Я ее разбудил и стал играть с ней в слова. Я бабушке говорил, и она тоже говорила. Потом мы сели завтракать. Я кушал творог, а потом кашу, потом колбасу. А завтра я буду есть яйцо. Потом я пошел гулять и стал делать тесто из песка. А мама с Машей в это время ушли за ландышами в лес. Я бабушке читал книгу толстую, я выбрал какой-то рассказ про какого-то крота. Я хорошо читал, а потом бабушка читала. А теперь я диктую маме дневник, чтобы потом вспоминать про дачу.

Достаточно. Все,

Диктовал Гриша

6 июня. Вторник.

Сейчас хорошая погода. Солнышко мне печет голову, небо голубое, и на нем много белых облаков. Иногда солнце уходит за облака, а потом выходит. Хорошо, когда солнце. Только плохо, когда дождик, — тогда на улице холодно, кусты качаются от ветра.

Я смотрю в окно и вижу такой пейзаж: все зеленое кругом, особенно трава. В траве видно белый клевер, а на клумбе расцвел мак. Он большой, оранжевый. Вот прошел папа с тачкой.

Теперь про вчера. Вчера папа помогал мне ягоды кушать. Потому что я сам боюсь их брать в руки. Там внутри косточки, я боюсь их зубами достать и в тарелку положить. Папа вчера приехал из Москвы и привез нам черешню: ягоды вкусные, но в них косточки.

Вечером мы смотрели мультфильм про Лоло. Это пингвин. Он из яйца появился. Он скорлупу в сторону и сразу к маме пошел. Ему говорили: «Скажи «мама». Он все: «Пи-пи-пи-пи». Потом было про браконьеров. Они в клетку посадили пингвинов.

Теперь про сегодня. Бабушка первая встала. Она оделась и пошла варить кашу. А я за ней пошел с Машей. Я сначала думал, что она в комнате, а ее там не оказалось. Она варила кашу. Потом мы завтракали. Ели кашу, потом колбасу, потом мне бабушка дала печенье, еще творог. Больше я ничего не ел. Я долго играл, потом я сам читал «Зайку на даче». Я хорошо читаю. Я повторил хороший текст, там крупно написаны слова. А теперь я диктую маме дневник, потом я пойду гулять, и все.

18 июня. Воскресенье.

Сначала про погоду. Погода у нас сегодня была хорошая, теплая, ветра нет, но солнышка не видно.

Теперь будем про природу, особенно про деревья. У них листочки зеленые. Я вижу из окна какой-то цветок красный, еще ромашки. Их много-премного. Лук цветет.

Теперь о том, как мы ехали домой на дачу из Москвы. Мы взяли с собой кассеты, папа взял мультфильмы в кассетах. Были серые облака, на улице было поздно. Плохо, когда поздно, потому что мультфильм уже не посмотришь. Когда мы приехали, нас Маша с бабушкой встретили, потом мы пошли в душ, а после душа - спать.

Утром мы рано встали, надо было в церковь с бабушкой пойти. Мы приехали в церковь и стали молиться, потом нам дали причастие и просфору большую. Священник нам дал, спасибо ему. Пусть он с Демой и мамой приезжают к нам домой на дачу. Потом приехали из церкви и стали завтракать.

Потом папа с бабушкой уехал в Москву на работу, а бабушка в Москву свою — разгонять тоску. Это значит — она пошла домой. Все.

Еще приходила к нам какая-то неизвестная тетя Наташа. У нее есть Даша. Я дал ей пару кассет, чтобы она посмотрела, эта девчонка.

А теперь все, достаточно.

27 июня. Вторник.

Сначала про погоду. Погода у нас хорошая на даче. Скоро солнышко из облачка выйдет. А дождика нет даже и следа.

Пункт 2-й. У нас уже появились цветы разные: колокольчики, ромашки, розовые пионы, синие цветы, другие колокольчики, белые тысячелистники, календула, какие-то желтые цветы, какие-то красные, лобелия, гвоздика, маргаритки, виолы. Скоро еще распустятся другие цветы. У нас пред домом много белого клевера, он очень душистый, прекрасный.

Пункт 3-й. Перед тем как писать дневник, меня мама подстригла и вымыла мне голову к тому же. Я вел себя хорошо.

Теперь о том, что вчера было. Мы с мамой, Машей и бабушкой пошли в лес за ягодами и за грибами. Я рвал себе ягоды, землянику, прямо в рот, Маша нарвала землянику в кружечку. И бабушка тоже. А мама собирала землянику, как бабушка. Мама еще нарвала грибы лисички. А я нашел какую-то поганку: Баба-яга любит такие грибы. А я их не люблю, потому что они несъедобные. В заключение мама разожгла костер, и я бросал туда всякие гадости, потому что мне хочется сделать зелье и скушать. Просто так. Потом все погасло, и мы пошли домой обедать и спать. Пospали, пополдничили, папу встретили. Он в ворота с Машей въехал, меня не взял с собой. Потому что он такой сердитый, обидчивый, надутый к тому же.

К нам вчера приходили незнакомые дядьки и стали разговаривать с папой и с мамой. А пока они там разговаривали, я залез в баню на чердак, чтоб

кидать туда всякие доски, которые папа давно уже не убирает. Я их кидаю в крышу. Потом я открыл курятник, чтобы туда зайти, хотел посмотреть яички. Но не удалось яички посмотреть, потому что мама подошла туда, и я в дом пошел от страха.

На этом точка. Все, достаточно. Завтра еще будем писать дневник о природе, о погоде, про качели и дальше про кур.

6 июля. Четверг.

Сначала про погоду. Погода у нас сейчас хорошая, потому что нет дождя, тепло. [Солнышко тогда проглядывает] из облачка. О природе: все зелено вокруг и все цветет.

А теперь про вчера. Бабушка, мама, Маша и я пошли в лес за грибами и за ягодами. Мама с Машей ушли от нас в глубь леса, потому что там много всяких вкусных грибов, а мы с бабушкой собирали землянику недалеко. Мама с Машей заблудились. Их долго не было, и мы волновались. Потом папа пошел их искать, но не нашел их. Они пришли с полной корзиной грибов, и мы все пошли в дом. Мы с бабушкой набрали немного ягод: я собирал ягоды прямо в рот, а бабушка рвала в корзинку.

Мы пришли к дому и встретили Татьяну Николаевну с теленком. Его звали Зорька. Он бегал. Куда ему надо, туда он и бегал. И кушал траву. Мы с Машей гладили теленка. Потом я стал играть в песок, а в это время мама с Машей брали молоко. Мы вернулись домой, и мама дала нам попить молоко. Потом я читал папе в беседке. Папа меня слушал. Я читал «Тайное становится явным». Смотрели мультфильм про Чебурашку, а сначала я хотел про варезку. Потом ужинали. К нам пришла бездомная собака. Ее мама назвала Мухой и дала покушать. Она кушала с удовольствием кашу, кости и хлеб. Потом приехал дядя один с тетей, и мама с папой ушли из дома разговаривать с ними. А мы еще ужинали.

7 июля. Пятница.

Вчера никуда мы не ходили. Мы сидели дома целый день и слушали музыку, мультфильмы не смотрели, занимались, читали, играли. Я играл сам с собой. Я готовил: картошку папе Саше — раз, а два — это чай. Маша еще котлетки делала. Мама косила вчера траву, полола грядки. А мы с Машей прятались от урагана, от ветра, который бушевал. [Вечером мама] давала собаке еду, чтобы она не умирала от голода и холода.

У нас сегодня хорошая погода, потому что солнышко выглядывает, в голову мне печет. Но я вижу из окна подсолнух. (Ветер его качает.) И другие растения и кусты тоже качаются иногда от ветра.

С утра бабушка встала первая. Зашла ко мне в комнату. Сначала она заглянула в Машину кровать. Я пошел вниз, а Маша еще лежала. А потом я

читал сам «Бибигона» и про дядю Стену. А бабушка в это время варила кашу. Потом меня бабушка умывала, одевала, и я играл.

На завтрак мы ели сначала кашу, потом колбасу, потом яйцо, оно жидкое было, потом чай. Нам бабушка давала хлеб с солью и чесноком, а мама ела клубнику. Мы тоже потом клубнику поели — вкусно. Мы с мамой занимались. Я читал книгу про Мальчика-с-пальчика и про людоеда, и про жену. А книжку «Слон» мама хотела нам почитать позже. Мы изучали цифры: 0, 1, 2, 3. И все. На этом точка.

13 июля. Четверг.

С утра была хорошая погода, потому что солнышко было видно. А теперь нету. Теперь о природе. Все расцвело: белые ромашки, какие-то еще голубые цветы неизвестные. Их сейчас дождик полил. Подсолнух еще не расцвел, но у него большие листочки.

Мы давно уже посадили горох. Мы его с Машей поливали. У него появились цветы, а потом будут стручки. Есть еще мальва. Мальва — это мамин любимый цветок. А еще мама любит флоксы, они тоже уже распускаются. Сейчас уже цветут белые, а потом будут и другие цвета. У нас еще есть колокольчики.

Папа с утра уехал на работу, а мы с Машей и с мамой остались одни. Когда мы позавтракали, я слушал музыку, Маша играла в кегли, потом мы с Машей гуляли, а мама в это время готовила щи. Маша пошла одна играть в кубики, а я с мамой стал заниматься.

14 июля. Пятница.

Обычно про погоду. Сегодня с утра была хорошая погода. Потому что солнышко светило, тепло и жарко было. Очень сильный ветер, он все качает: все кусты, все цветы, деревья. Может случиться авария: поломаются деревья, оборвутся провода.

Мы с мамой и Машей пошли в лес. Там мы собирали грибы лисички и зверобой. Зверобой нужен, чтобы делать из него отвар и пить его, чтобы не болеть.

Дело было так: Маша нашла один грибок, это был белый гриб, но он был червивый. [Я его хотел] выбросить, но не удалось, потому что мама закричала: «Остановись!» — и положила его в пакет. Потом мы собирали лисички, я нашел с Машей, и мама тоже. Потом мы пошли домой, обедать нам нужно было.

Теперь мы занимаемся, а потом нам папа будет читать про Буратино, как Пьеро встретил Мальвину. Потом будет мультфильм. Сегодня Маша выбирает про крота. А я не хочу, я хочу другой мультфильм, поинтереснее: у нас есть еще мультфильмы. Ну все, на этом точка. Я пошел, а то меня папа ждет.

21 июля. Пятница.

Сначала о погоде. Погода сегодня у нас без дождя, а вчера был такой ливень и гроза, и молния вечером! Олег отключил нам электричество. И сразу стало темно, и телевизор погас. Мы включили керосиновую лампу, но она тоже скоро погасла. Мы ужинали со свечкой, а потом спать нам было нужно. [Сегодня с утра] тоже нет электричества, но в окно светит свет. Плохо, что холодильник не работает — могут продукты испортиться, потому что нет холода.

Ночью к нам приходили мыши из угла. Они погрызли печенье на столе и утащили одно печенье на пол под плиту. Но мама это заметила и достала оттуда печенье и выбросила она его.

Теперь о природе. Я смотрю в окно и вижу много всяких цветов: оранжевые, белые, рыжие, малиновые, синие, розовые. Все у нас цветет. Клубника уже закончилась, потому что она в животе у нас. А сейчас есть малина и смородина. Смородина очень вкусная.

27 июля. Четверг.

Погода у нас сегодня была хорошая, без дождя, а вчера был такой ливень, гроза, молния.

Я сижу в беседке и вижу такой пейзаж: я вижу около дома много всяких цветов. Подсолнух у нас уже расцвел, у него большие зеленые шершавые листья. Цветок сам круглый, лепестки желтые.

Теперь о сегодняшнем дне. Мы встали очень рано — нам нужно было папу проводить на станцию. Мы папу отвезли на станцию, а сами поехали домой завтракать. Машу в машине затошнило и вырвало, она пошла пешком дальше, а мы с мамой уехали подальше к воротам. Приехали, завтракали, гуляли. Потом поехали с мамой на рынок, нужно было покупать много всяких продуктов. Мы купили картошку, печенье, сухари, хлеб, маргарин, ягоды, купили смородину, яблоки купили тоже. Мы съездили благополучно. Потом гуляли, обедали, спали, полдничали и опять гуляли. Мама нам с Машей читала. Мы с Машей рассказывали стихотворение про хорошего человека. Маша рассказывала как нужно было, а я рассказывал очень плохо, потому что голова не соображает. Потом мы учили цифры. Я рассказывал про собак, про кошку, про лису и волка. Я сегодня занимаюсь плохо, потому что голова не хочет думать. Как бы ее заставить? Нужно стараться, чтобы она работала. А сейчас точка.

1 августа. Вторник.

Дождя не было сегодня. Целый день было тепло. Солнышко иногда заходило за тучи, а потом выглядывало. Вчера мы ходили с мамой и с Машей

и со мной за мать-и-мачехой. Это листок, он лечебный, от кашля. Называется так, потому что с одной стороны листа — холодно, эта сторона — мачеха, а с другой стороны — мама. Она мягкая и пушистая. Нам встретились кусты малины, мама и Маша рвали ягоды, а я не собирал, потому что меня уколола крапива. Очень было больно. Мама и Маша рвали мать-и-мачеху, чтобы бабушку порадовать, а я не рвал, потому что я мечтал о чем-то. Я сорвал один только листок. Потом мы пошли к цветам фотографироваться, а я все говорил: «Когда пойдем домой?» Было уже пора обедать.

А сегодня мы ездили к бабе Тоне за молоком, но нам не дали молока, потому что мы не в тот день пришли, нужно было завтра. За молоком мы ездили на машине, потому что дождик собирался лить. Возвращались мы другой дорогой. [Нам было] очень страшно, потому что дорога была плохая, и мы боялись, что упадем в речку. А завтра мы будем бабушку встречать.

19 августа. Суббота.

Погода у нас сегодня хорошая, потому что солнышко светит мне в голову и в уши. Кругом такая красота! Много всяких цветов и зелени, лето уже заканчивается, скоро будет осень. Осенью все листья опадут, будет холодно. Осенью мы уедем в Москву, чтобы пойти в детский сад, к Ромене, к бабушке Тонечке.

Теперь про вчера. Вчера к нам приехала Дашенька, и мы с мамой и Машей пошли все в лес за грибами и за цветами. Там мы нашли столик и три лавочки. Их там кто-то поставил, еще нашли дощечки и стали из них строить домики. Строили мы строили, а потом пошли домой. Мама с Дашей собирали зверобой, чтобы потом зимой отвар сделать и пить. Это лекарство от болезни. [Еще мы нашли] грибы и орехи. А потом мама нарвала букет из тысячелистника и пижмы. Потом мы пришли, а за Дашенькой приехал папа и забрал ее. Она взгрустнула, ей не хотелось уезжать от нас. Она всплакнула.

Когда мы проснулись, приехал папа Саша. А вечером еще приехал к нам священник отец Михаил в гости.

Сегодня мама рано пошла в церковь, а мы остались с папой одинешеньки. Нам мама привезла просфору, яблоки и святую воду. Она нас брызгала водой святой.

1 сентября. Пятница.

1 сентября — праздник у детей. Дети идут или в детский сад, или в школу.

Наступила осень. Мы живем на даче. Мы скоро переедем совсем в Москву и будем ходить в детский сад, на занятия, к бабушке Тонечке и к

бабушке Михайловне. А сейчас мы на даче отдыхаем, потому что мы хотим здесь жить долго, нам тут хорошо.

Сейчас неважная погода, потому что дождь льёт. Солнышка пока не видно. Когда я выглянул на улицу, сегодня было тепло [но мы сидим дома], отдыхаем, потому что сыро и мокро на улице.

На деревьях уже желтеют листочки. Цветы у нас все растут, но их уже меньше гораздо, ведь наступила осень. А осенью все желтеет и опадает потом.

Теперь о вчера.

Вчера к нам приходила Дашенька. Когда я и Маша спали, Даша вымыла себе голову. Она готовилась к школе, и сегодня она пошла в школу учиться. Вчера Маша с Дашей играли в кубики, катались на качелях, лазили на лестницу. Меня Дашенька качала, а я кричал дяде Саши и его отвлекал: «Дядя Саша, смотрите, как меня Дашенька качает!» Она меня качала так высоко, что даже руку чуть не отшибла. А дядя Саша говорил: «Смотри, а то ребенок упадет».

Вчера Даша выбирала мультфильм про Красную Шапочку. Потом мы поехали за тетей Наташей в магазин. Она там работает продавщицей. Она дала мороженое с ложечками, и мы ели его дома. Оно было очень вкусное и очень холодное. Его надо было есть понемножку, а то может заболеть горло.

16 сентября. Осень.

Теперь уже осень. Листочки уже падают, начинают желтеть, идет дождь. Мы уже одеваемся теплее, когда собираемся гулять. У нас на даче еще много цветов, но многие уже завяли, на грядках уже ничего нет, все уже выкопано.

А скоро совсем переедем в Москву и будем ходить то в детский сад, то в музыкальную школу, то на занятия к Ромене.

Вчера мы вернулись из Москвы на дачу. На крыше нас ждали рабочие, дядя Саша и Коля. Они нам делают новую крышу, потому что старая крыша протекает от дождя. А в Москву мы ездили, чтобы ходить на занятия: Маша в музыкальную школу, а я к Ирине Анатольевне. К Ирине Анатольевне мы доехали на автобусе с папой, и там я играл с какой-то тетей. Мы там расстелили матрасик, я отвернулся, а тетя что-то спрятала, а я стал отгадывать, потом я прятал, а тетя отворачивалась и отгадывала. Мне очень понравилась эта игра, и тетя понравилась. Это была Юля, а я ее не узнал. Потом мы с Машей в бассейне были. Этот бассейн наполнен шариками, мы там плавали, ныряли и кувыркались, бросались. Особенно я бросался шариками. Маша бросила один шарик. Потом я подбирал все шарики до единого с пола. После этого мы перекусили перед дорогой. Дорога была дальняя. Мы поехали на метро, потом на автобусе, а потом пошли пешком до дома. Дома мы обедали, а потом легли

спать. На следующий день мы поехали в музыкальную школу. Мы Машу проводили, а сами поехали в магазины за продуктами. Мы купили муки, масло, колбасу для папы.

Теперь про сегодня.

Мы проснулись, было уже утро. Мы с Машей очень рано встали, мама с папой еще спали. Потом папа Саша вскочил с постели: он спешил рабочих встретить. Потом мы завтракали и мы с мамой и Машей занимались. Я читал, Машиа играла в кубики. Я слушал перед этим музыку, потом стал диктовать дневник. Сначала я плохо занимался, и мама рассердилась и сказала, что мы не поедem к Дашеньке. Потом я хорошо стал диктовать. А сейчас мы собираемcя ехать к Дашеньке. Все.

Теперь о том, как мы ездили к Дашеньке в гости. Нас дядя Петя предупредил, что там злая собака возле будки стоит и будет на нас лаять. Мы проехали мимо собаки, она лаяла и кусала колеса. Нас встретили Даша и тетя Наташа. Нам показывали кроликов и кур, и мы давали каждому кролику листок капусты в клетку, они его кушали. Кролики были очень интересные. У кроликов есть маленький пушистый хвостик и длинные уши, а цвет серый и черный. Мы с Машей гладили кроликов. Кошки у тети Наташи все разные, их очень много: черная, рыжая, полосатая и сиамская. Сиамскую зовут Лола. Она все время лезла на мамину куртку погреться, а то ей холодно, потому что она старенькая. Мы зашли к Дашеньке и тете Наташе в дом. Там я смотрел книжечки, рисовал, а мама с тетей Наташей беседовали, потом мы отвезли тетю Наташу в магазин — она там работает продавщицей. А сами взяли Дашеньку и поехали дальше своей дорогой к себе домой.

15 октября. Воскресенье.

Сейчас стоит осень. Когда я в окно выглянул, было очень красиво. Деревья все уже голые, а листочки все внизу на дороге. Сегодня погода дождливая, поэтому на дороге одни лужи. Мы с бабушкой не ходили гулять, боялись дождя, у бабушки нет зонтика. Я захотел к бабушке Тонечке — бабушка обещала купить вкусное печенье. Меня отвезли к ней, а сами: мама, папа и Маша поехали на дачу. Бабушка отдала [часть печенья] Маше — в дорогу. А когда все они уехали, бабушка ахнула: на столе были муравьи. Они были запечатаны в коробке с печеньем. Бабушка сказала: «Ты будешь это печенье кушать?» А я ответил: «Буду». А бабушка сказала: «Ты что? Давай птичкам бросим». Потом позвонила бабушка Тонечка папе и сказала, чтобы они выбросили это печенье, а то принесут домой, а там муравьи будут. Вчера я с бабушкой занимался, рисовал клубочки, палочки стоячие и лежащие, читал, цифры изучал, рассказывал бабушке текст, который я читал про Незнайку. Я читал тихо, шепотом. А сегодня я не занимался, потому что бабушка Тонечка была занята обедом. Вчера приходил к нам с бабушкой дядя Дима есть блины, он принес фотографии, как они отдыхали с

Наташей. Я Диме рассказывал много стихов про птенчика, про хорошего человека, про котят, «Вот когда я взрослым стану». Еще я играл в дедушкины инструменты, я не помню, как они называются.

Сегодня я с Наташей разговаривал по телефону. Я Наташе рассказывал стихотворения, Наташе очень понравилось, она меня похвалила: «Умничка». Потом меня бабушка одевала, умывала. Я полдничал, потом начал собираться домой. А потом приехала мама Лена, и мы поехали к себе домой на 14-ю Парковую. А завтра я поеду к Ромене Теодоровне.

4 февраля 2001 года.

Утром мы с Машей встали очень рано, чтобы пойти в сад. Мама забрала нас вечером и сказала мне, чтобы Маша не узнала, что дома кошка. Мы с Машей пришли домой и увидели кошку. Она темно-рыжего цвета, у нее есть когти, шерсть у нее мягкая и пушистая. Хвост у нее беличий, тоже пушистый. Глаза у нее песочного цвета.

Мы назвали ее Алисой. Она еще не привыкла к такому имени и [не отзывается], когда ее зовут. Мы ее назвали так потому, что есть лиса Алиса, а наша кошка похожа на ту лису.

Мы ей поставили ящик в туалет для того, чтобы она в туалет ходила. Еще мы поставили ей питье и тарелку. Она с удовольствием играет. Ей нравится овощи кушать, творог, сухой корм кошачий, курочку, яйцо. Она иногда сидит на подоконнике и смотрит на улицу, а иногда листья у цветов кусает. Алиса любит играть в свою игрушку, в мышку, она ее ловит, а иногда еще бегают. А когда ее гладят, она урчит от удовольствия.

Однажды, когда мы пришли, мы не могли ее найти. А потом мы ее (обнаружили) на шкафу.

А когда пришел художник, кошка опять перелетела со стола на шкаф и там громыхала. Художник сказал, чтобы кошку снять со шкафа, а то она меня отвлекала.

Ночью Алиса спит в ванной на стиральной машине рядом с батареей. Однажды она забралась ко мне на диван и спала на моем диване. Алиса знает, где можно когти драть, это называется когтедралка.

А еще кошка однажды зацепилась за скатерть, и чай у мамы разлился. [Мы все] очень любим свою кошечку.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Очень часто в своих письмах родители задают мне вопросы, которые мне кажется целесообразным выделить в отдельный раздел.

Моему сыну 18 лет, и в его словаре всего 4 или 5 самых простых слов. Не опоздали ли мы? Имеет ли смысл учить его говорить по вашей методике?

Конечно, имеет. При условии, что у вас хватит терпения преодолеть самый трудный— начальный— этап. Очень возможно, что в пассиве у него имеется несколько слогов, которые он вполне может произнести, о чем вы и не догадываетесь. Вот с них и начинайте.

Побывав у вас на уроке, я увидела, что дети заняты всем на свете: и читают, и рассказывают, и ботинки шнуруют, и слайды смотрят, и письма диктуют. Не перегружены ли они? Я себе не представляю, чтобы мой ребенок мог всем этим заниматься, столько работать.

Если дети проделывают все это с удовольствием, значит, усталости они не ощущают. И если вы найдете способ сделать все, чему вы обучаете своего ребенка, удобоваримым, легко усваиваемым, то ни о какой перегрузке речи не идет. Ваш ребенок устает скорее от недогрузок, чем от перегрузок. Нужно заниматься последовательно, без авралов, очень постепенно переходя со ступени на ступень. И конечно не следует весь день бегать с ним от педагога к педагогу, пытаясь объять необъятное. В особенности это касается детей, живущих в большом городе, где есть возможность обратиться к специалистам: количество переходит в качество не всегда в положительном смысле.

Что является самым трудным в вашей работе?

Если не самой трудной, то, во всяком случае, одной из первостатейных задач является установление контакта с родителями. Без этого, без того чтобы ребенок под их руководством выполнял непереносимые домашние задания, дело не пойдет. Но ведь не все родители обладают интуицией, терпением, педагогическим талантом. Это просто люди со всеми их достоинствами и недостатками. И мне приходится работать на два фронта — обучать ребенка и одновременно взрослого, уже сложившегося человека. Второе часто оказывается значительно более трудным.

Следует ли поправлять ребенка, если он ошибается в роде, числе, падежных окончаниях, согласовании прилагательного с существительным, употреблении времен и т. д.?

Если с самого начала вы обрушите на него все ваши неисчислимы поправки, вы окончательно его запутаете. Ребенок еще не выстроил систему, которая помогла бы ему понять (употребим это слово, хоть оно и не совсем, а вернее сказать, совсем не подходит для данного случая), какова логика ваших корректив. Строго следите за выполнением ваших требований, когда дело касается того, над чем вы работаете на данном этапе. Ребенок должен хорошо освоить какие-то опорные моменты. И только тогда, когда будут открыты пути к спонтанному, неосознанному процессу постижения закономерностей речи, можно будет мимоходом поправлять его всякий раз, когда он ошибется — так же как мы делаем это в случае с нормальным ребенком. Конечно, я могу посоветовать это только тем родителям, которые

занимаются с ребенком по моей системе. Во всех остальных случаях поступайте так, как сочтете нужным, и так, как советует вам ваш педагог.

Как вы относитесь к языку жестов?

Я учу детей разговаривать при помощи языка, а не жестов и могу обсуждать досконально только то, что делаю сама. Не берусь ни критиковать, ни отзываться положительно просто потому, что к моей методике все это отношения не имеет. Возможно, в качестве элемента определенной системы, способствующей умственному развитию ребенка, язык жестов может оказаться вполне уместным.

Считаете ли вы, что ребенок с синдромом Дауна действительно может учиться в нормальной школе?

Весь вопрос в том, с какой целью вы его туда отдаете. Если дети с синдромом Дауна могут учиться по одной программе с нормальными детьми, осваивать ее в те же сроки и в том же объеме, то в чем же заключается проблема? Какая разница между ними и их нормальными сверстниками? Речь может идти об интеграции детей в нормальную среду, о *посещении* нормальной школы, а не о *действительном обучении* в ней. Прибавьте к этому огромную психологическую нагрузку: ребенок с синдромом Дауна чувствует свою несостоятельность. Нормальные дети очень часто обнаруживают жестокость, нередко спровоцированную родителями, которые весьма недовольны таким нововведением в школьную практику. Ни наши школы, ни наше общество не готовы к подобным экспериментам. Что же касается специальных школ, то здесь свои проблемы.

Как изменить существующее положение? Когда же наших детей перестанут считать бесполезным грузом на шее общества?

Нужна широко развернутая информация, которой надо дать новое направление. В последнее время передачи на телевидении о детях с синдромом Дауна следуют одна за другой. В печати появляются статьи, авторы которых пытаются достучаться до совести, сознания, а главное — денег государственных мужей, отдельных состоятельных граждан и общества в целом. Но все эти статьи и передачи можно подвести под одну рубрику — «Здоровым о больных». Их пафос имеет одну и ту же направленность: «Люди, пожалейте несчастных». В журналах, газетах и на экранах телевизоров — инвалиды, глядя на которых многие думают: «Чем так жить, лучше умереть!» Я ни в коем случае не против жалости. Но почему не показать и другое — как инвалиду и те, кто не предал их, переложив заботу о них на чужие плечи, мужественно сражаются за свое место в жизни? Где на телевидении передачи не об инвалидах, а для инвалидов? На телевидении пляшут и поют на всех каналах — но не все могут плясать и петь. Где информация — как лечить, где лечить, как обучать и развивать их умственно и физически? Покажите все это по телевидению, и мать ребенка-

инвалида будет знать, что все не так уж безнадежно. Я считаю, что родители детей-инвалидов должны бороться за себя и за своих детей и в этом смысле тоже, ибо только воздействием на общественное мнение можно будет обеспечить детям с синдромом Дауна достойное место в жизни.

ПИСЬМА РОДИТЕЛЕЙ

Мой внук Андреев Вася, родился 13 апреля 1990 года. У него тяжелый диагноз: ДЦП (детский церебральный паралич), спастический тетрапарез с преимущественным поражением ног, задержка психоречевого развития. К шести годам, когда мы познакомились с Роменой Теодоровной Августовой, он все еще не мог разговаривать, не мог сказать даже «мама», «баба». Однако речь понимал и выполнял наши просьбы и простейшие задания. Кроме того, всегда, с самого раннего возраста, любил слушать чтение книг.

В 1993 году, т.е. когда Васе было три года, мы обратились в Речевой центр Шкловского. Нам предложили ходить туда раз в месяц, а в промежутках заниматься самим. Заинтересовать его занятиями мы в то время не сумели.

Примерно через полгода после этого мы попытались обратиться в Центр медико-социальной реабилитации детей с врожденными заболеваниями опорно-двигательного аппарата, откуда к нам приезжала молодая женщина – логопед. Однако наш ребенок оказался, видимо, слишком сложен для нее, она не верила в успех своих занятий и после двух посещений отказалась.

В марте 1996 года мы были в Англии, в Ливерпульском детском центре. Нам рекомендовали как можно активнее заняться умственным и физическим развитием ребенка. Обучение – вот главное, что надо Васе, это важнее всяких лекарств.

К тому времени Вася уже целый год посещал специальный детский сад для детей, больных ДЦП. Надо сказать, что взяли его туда первоначально лишь на три месяца условно. Умственные способности Васи вызвали у невропатолога детского сада большие сомнения, а одним из главных необходимых условий приема в детский сад является сохранный интеллект...

В 1996 году нам посчастливилось познакомиться с Роменой Теодоровной, и с октября этого года начались занятия. Ромена Теодоровна ходит к нам домой дважды в неделю. Каждый раз мы наблюдаем этот титанический труд, удивляемся ее невероятному терпению и неиссякаемым выдумкам...

В настоящее время Вася знает буквы, может складывать из карточек слова и читать их, причем довольно длинные и сложные. Например, «суматоха», «радуга», «работа», «магазин», «колобок» и т.п. Читает в книгах слова и фразы, особенно написанные крупным шрифтом. У него оказалась очень хорошая память. Он явно знает наизусть многие стихи и сказки, хотя не все еще может произнести.

Помощь Ромены Теодоровны нашему ребенку неоценима. Сами мы с этой задачей никогда не справились бы. Ромена Теодоровна — учитель от Бога. Она самозабвенно любит детей и верит в их скрытые возможности. Она умеет раскрыть эти возможности. Она заставляет верить в успех даже разуверившихся родителей. Ее терпение, ее неукротимая энергия, ее талант, неистощимая фантазия поражают. Вся жизнь ее посвящена служению детям.

Низкий поклон нашей Ромене за все, что она сделала и продолжает делать для Васи, потому что она не только учит его говорить, но еще и развивает его ум, то есть делает его человеком.

С. Гладкова

Я, Орлова Елена Витальевна, член ассоциации родителей «Даун-синдром», пришла с сыном Гришей на занятия к Ромене Теодоровне, когда ему было 3,5 года. К этому возрасту, несмотря на понятливость нашего сына (он был толковым, шустрым мальчишкой), Гриша говорил лишь несколько слов, постоянно выкрикивал какие-то звуки, поведение его было хаотичным. Гришу интересовали лишь предметы, похожие на палку, которыми можно было поколотить по мебели, а потом бросить. Мы чувствовали, что у Гриши есть потенциал. Но как с ним заниматься? Как сдвинуть его с этой точки и повести дальше?..

И вот мы попали к Ромене Теодоровне. Я уже слышала о необыкновенных результатах, которых достигала она, занимаясь с детьми. Но не представляла, как она всего этого добивается. Честно говоря, в глубине души я ожидала, что это человек с экстрасенсорными способностями.

Мы пришли к ней домой, сели на ее знаменитый диван, так началось и продолжается ныне наше обучение... И как в то первое занятие я не увидела перед собой экстрасенса, так не увидела его я никогда, а видела и вижу Учителя с большой буквой и с частицей «экстра», уникального человека, талантливейшего педагога.

Занятия Ромена Теодоровна проводит очень живо, артистично и виртуозно. Ребенку легко на них дышится. Несмотря на четкий план действий, в них всегда много импровизации. Я ощущаю себя зрителем необыкновенного спектакля. Увиденное мною очень помогает мне дома при занятиях с Гришей. Но часто я оказываюсь в тупике и не знаю, как объяснить что-то, выхожу из терпения, ругаюсь про себя словами официальных врачей и учителей: «необучаемый». Но завтра на занятии, рассказав Ромене Теодоровне наши трудности, на свой вопрос я услышу очень спокойный и четкий ответ, который будет так прост в своей гениальности.

В заключение я просто перечислю «наши достижения».

Гриша в пять лет свободно изъясняется, задает и отвечает на вопросы, читает детские тексты, знает много стихотворений, замечательно

занимается дома с игрушками, сам выдумывает разные сюжеты для игр.

Е. В. Орлова

Наш ребенок, Юлианна, 9 лет (1988 г. р.), с врачом-диагностом олигофрения, занималась у Августовой Ромены Теодоровны.

С Юлианной мы обращались ко многим специалистам и врачам, работающим в этой области. Но везде встречали или полное безразличие, или полную беспомощность. В одном из таких ведущих медицинских заведений нам вообще посоветовали сдать ее в интернат, т. к. ребенок полностью необучаемый, не воспринимающий какую-либо информацию.

После небольшого срока занятий дочка стала общаться дома, произносить осмысленные слова и фразы, строить целые несложные предложения. Сейчас она считает до десяти, любит листать азбуку, знает часть алфавита. Появился интерес к познанию нового.

Я и мой супруг бесконечно благодарны Ромене Теодоровне за то, что живут на свете такие люди, которым небезразлично горе и боль семей, в которых растут больные детишки.

Мы надеемся в этом году отдать ее в школу для таких детей.

Н. Нилова

Здравствуйте, пишет вам Строганова Галина Сергеевна. Моему сыну Саше 8 лет и 5 мес. Болезнь Дауна. Речь у него полностью отсутствовала. В 5 лет мы обратились за помощью к логопеду, затем дефектологу, психологу, занимались, брали консультации. Никаких результатов по развитию речи занятия не дали. К 8 годам он мог произносить только звуки и отдельные слоги.

Благодаря Вам мой сын сейчас начинает разговаривать. Огромное спасибо Ромене Теодоровне!

На консультацию к ней я приехала 17 апреля, одна, без ребенка. Присутствовала на занятиях с детьми, такими же, как Саша, такого же возраста. Ромена Теодоровна доступно и понятно объяснила, как нужно учить ребенка разговаривать.

Конечно, в начале наших занятий с Сашей мне было очень тяжело, иногда казалось, что все напрасно и мой сын никогда не заговорит. Хотелось бросить все занятия, опускались руки. Но затем я начинала все сначала.

Сейчас Саша произносит названия многих предметов. Пытается произносить предложения. Для меня это удивительно!

Огромное Вам спасибо!

*До свидания, с уважением
семья Строгановых*

Я, Зайцева Наталья Васильевна, мама девочки Фионы, 5 лет, с синдромом Дауна.

Мы с дочерью попали к Ромене Теодоровне в тот самый момент, когда у меня уже просто опустились руки... Усадить ее на 5 минут за какое-либо занятие было практически невозможно. Она все крушила, била, хватала, ломала, количество движений, сделанных ею в минуту, казалось, превышало количество секунд, имеющих в минуте. Невпопад сказанные звуки, постоянные однообразные движения и действия сводили меня с ума.

Я слышала о чудесах, которые творила Ромена Теодоровна, и ждала времени, чтобы попасть к ней. Я возлагала на нее большие, если не единственные надежды...

Сейчас я вытаскиваю ее от нее силой. Я не могу дочь оторвать от книг.

Каждое занятие у нее — это торжество творчества над обыденным, ума над ограниченностью, силы — над бессильем, чуда — над повседневностью, таланта — над бездарностью.

Ребенок ощущает себя не игрушкой, а личностью, родители — способными помочь своему ребенку. Торжествуют доброта, великодушие и ум. А все штампы, наработанные годами, по отношению к этим детям, отступают...

Уникальный метод Ромены Теодоровны Августовой еще совершенно не изучен, известен единицам, хотя это жизненно необходимо многим детям, нуждающимся в такой неотложной помощи, как обрести речь, научиться говорить, невзирая ни на какие прежние диагнозы и общепринятые безнадежные установки.

Нет описаний, нет информации, но есть результат, да еще как о й!.. «Безнадежные» с точки зрения всех педагогов и врачей дети: с синдромом Дауна, ДЦП; дети, заикающиеся годами (да еще родившиеся в такое непростое время), начинают говорить после ее занятий. Плюс к этому еще начинают читать раньше многих своих обычных ровесников. Дети показывают успехи на уроках Ромены Августовой по изучению французского языка.

Зайцева Н. В.

Моей дочке сейчас 5 лет, ее зовут Рим, диагноз — болезнь Дауна. Когда мы пришли к Ромене Теодоровне, ей было 4,5 года. Это была осень 1995 года. Она говорила, но плохо, ничего не было понятно, только я понимала, что она говорит. Стала заниматься с нашей Роменой. Ребенок через несколько месяцев стал хорошо и ясно говорить. Первые занятия были очень трудны. Она приходила, стояла у дверей почти полчаса, потом начинает говорить. А сейчас приходит, знает, что она пришла заниматься, сидит за столом, книги вытаскивает из сумки и говорит: Ромена, давай слово выучим. Ей очень нравится заниматься, и она с удовольствием ходит к Ромене, потому что Ромена Теодоровна, дай Бог ей здоровья, ведет занятия очень интересно, и поет, и танцует, — все для них делает, у нее море терпения. Сейчас как мне только расставаться с нашей Роменой... Я уезжаю к себе домой в Марокко. Сейчас, когда моя дочка стала все

говорить, не только говорить, а мыслить и старается рассказывать сказки. Очень мне жаль. Я Вас очень люблю, Ромена Теодоровна, я сама к Вам ходила с удовольствием. Я от всего сердца желаю Вам крепкого здоровья за то, что Вы делаете для наших детей. Спасибо Вам большое. Надеюсь, что когда-нибудь встретимся. Я никогда не забуду Вас.

Фаузия из Марокко

Через год.

Дорогая Ромена Теодоровна, ...наверное, вы думаете, что я вас забыла. Все не так. Никто вас не забыл и никогда не забудем. Мы вас очень любим. Рим смотрит на вашу фотографию и говорит: «Мама, я хочу к Ромене»...

Что касается Рим, она очень хорошо себя чувствует, ходит в детский сад, обычный, все ее любят. Конечно, ей было трудно первое время, потому что она не понимала, что ей говорят, но очень быстро она адаптировалась. Сейчас она очень хорошо говорит по-арабски и по-французски. Я продолжаю говорить с ней по-русски и читать ей сказки...

Я сейчас пишу это письмо, и вы стоите перед моими глазами, такой маленький человек, но ум большой и терпения море...

Фаузия из Марокко

Я Сиденко О. К. ...Мой сын до двух с половиной лет не говорил, не издавал даже подражательных звуков. С диагнозом гипертензионно-гидроцефальный синдром, задержка психомоторного развития нас направили в детскую консультативную неврологическую поликлинику. Там сказали, что даже некоторые здоровые дети не говорят до 3 лет и нам еще рано беспокоиться. Мы нашли логопеда-профессионала, который взялся работать с нашим ребенком. Но после десяти двадцатиминутных занятий он сказал, что ребенок бесперспективный.

После этого знакомые дали мне телефон Ромены Теодоровны. Мы схватились за эту «соломинку», хотя уже мало на что надеялись...

Через несколько месяцев Иван не только говорил слова. У него появилась фразовая речь. Он научился общаться с людьми: слушать вопросы, отвечать на них. Сын стал сам задавать вопросы.

Летом мы продолжали заниматься с Иваном так, как учила меня Ромена Теодоровна.

Когда Ивану исполнилось три с половиной года, он по речевому развитию почти не отличался от здоровых детей. В районной поликлинике логопед дал заключение, что речевое развитие ребенка соответствует возрасту. Занимаясь по методу Ромены Теодоровны, мой сын уже в четыре года мог читать по слогам...

*Сиденко Ольга Константиновна —
благодарная мать Сиденко Ивана*

Евгений Осокин, сын солиста оркестра «Виртуозы Москвы», в детстве заикался в такой степени, что практически не мог разговаривать. Проблема была осложнена также тем, что при попытках что-либо произнести Женя лишь глотал воздух и почти задыхался.

Уже после первых недель занятий с Роменой Теодоровной Августовой произошло заметное улучшение, которое становилось (и довольно быстро) все более ощутимым.

Несколько месяцев спустя ребенок уже разговаривал довольно хорошо. В настоящее время Женя Осокин не заикается совсем. Ему 14 лет. Он очень любит вспоминать увлекательные встречи с Роменой Теодоровной...

Мы (родители Жени) сожалеем лишь о том, что потеряли напрасно время, пока не познакомились с человеком, который, благодаря своей уникальной методике, вылечил нашего сына, — с Роменой Теодоровной Августовой.

*Родители: Александр Осокин
Екатерина Осокина*

Я, Рынковенко Римма, Корнелиусовна, приехала из Челябинска со своим сыном Геральдом, 1990 г. р., у него болезнь Дауна...

У моего ребенка большие проблемы с речью... Ромена Теодоровна стала заниматься с моим ребенком. Моему сыну уже 10 лет, но он не может произнести разборчиво ни одного слова, а тем более фразы, читать он тоже не умеет, хотя в течение 7 лет посещал специализированный детский сад, где с ним систематически занимались дефектолог и логопед, которые особое внимание уделяли гимнастике языка, но все напрасно, речи так и нет.

Все специалисты, к которым мы обращались, в один голос заявляли: «Что вы хотите? Это Даун, эти дети бесперспективны, их невозможно ничему научить!»

На первом же занятии у Ромены Теодоровны я увидела мальчика Колю 4—5 лет, который не только членораздельно г о в о р и т, н о и ч и т а е т! Прекрасно знает окружающий мир: различает цвета, времена года и т. д. все, что знает и умеет нормальный ребенок.

У меня был психологический шок, т. к. специалисты уверили меня в том, что мой ребенок и вообще все дети-дауны н е о б у ч а е м ы!

Не могу передать своих чувств, я и сейчас без слез не могу об этом писать, т. к. мой ребенок тоже мог бы освоить все это в 4—5 лет, если бы мы занимались по системе Ромены Теодоровны. Но я даже представить себе не могла, что есть такая уникальная, доступная и понятная м н е и р е б е н к у и очень простая форма обучения наших детей.

На последующих занятиях мы познакомились с другими детьми, приходящими на занятия: Фиона, Виталик, Ваня, Саркис — все дети в возрасте от 4 до 6 лет. Всё говорят, всё знают, отвечают на вопросы, очень живые, всем интересующиеся, имеющие очень обширный кругозор.

Они с интересом смотрят слайды, указкой показывают картину в целом, затем рассказывают, что они видят на ней до мельчайших подробностей. Занятия с детьми очень разнообразны, включают различные игры, в которых дети незаметно для себя, без особых усилий и напряжения начинают г о в о р и т ь!..

Очень больно и обидно за этих детей, лишенных возможности просто говорить, т. к. многие родители не знают, что наших детей можно научить всему: читать, писать, говорить, понимать окружающий мир и жить в нем, — если учить их по системе Ромены Теодоровны. Эта система очень простая, наглядная, доступная, и ребенок в ней не замечает, что его обучают, а в то же время приобретает колоссальные знания и умения.

Теперь, после двух недель занятий, уезжая домой, я знаю, как дальше мне заниматься с ребенком, чтобы он научился членораздельно говорить. Но тысячи родителей не знают и не подозревают о тех возможностях, что скрыты в наших детях, т. к. мне повезло и я познакомилась с Роменой Теодоровной, а главное — с ее методом обучения. Я уверена, что если бы была напечатана книга по ее методу обучения детей с синдромом «Даун», тысячи родителей, а может, и специалисты, вздохнули бы с облегчением: дети-дауны обучаемы! А это значит, что эти дети могут жить самостоятельно в обществе нормальных людей. Этот метод должен быть распространен среди жаждущих обучить своих детей всему тому, чему учит Ромена Теодоровна детей-даунов, потому должна быть напечатана книга по методу Августовой Р. Т., в ней нуждаются как родители, так и специалисты.

Р. К. Рынковенко